Армия теней

Жозеф Кессель

SHOUT
SHARE
IT

- Кессель Жозеф

Кессель Жозеф
Армия теней

Кессель Жозеф
Армия теней
Перевод Виталия Крюкова с английского

Виталий Крюков: Книга француза Жозефа Кесселя "Армия теней" - о голлистском сопротивлении во Франции во время войны. Хотя это, конечно, "проза войны", а не документальная книга, все же она писалась на основе собственных впечатлений автора и его знакомств. А Кессель во время войны был летчиком, поддерживавшим связь между лондонским штабом Шарля де Голля и группами Сопротивления во Франции. То есть, он знает, о чем пишет. Конечно, нельзя не вспомнить, что все Сопротивление потеряло за войну 15 тысяч человек - немногим больше дивизии. Нельзя не учесть, что большинство этих людей пало от рук самих же французов, очень многие из которых поддерживали Петена, Лаваля и Дорио. И что образы и поступки этих людей оцениваются современными историками и простыми французами давно уже не так остро негативно, как в книге Кесселя, с понятной для военного времени публицистической заостренностью.

Об авторе: Кессель (Kessel) Жозеф (родился 10.2.1898, Клара, Аргентина), французский писатель, член Французской академии (1962). Родился в семье врача, русского по происхождению. В 1905-08 учился в России. Окончил филологический факультет в Париже. Был лётчиком и военным корреспондентом в 1-ю мировую войну 1914-18. Известность К. принёс роман о пионерах авиации "Экипаж" (1923). Участник Движения Сопротивления, К. дал его хронику в "Армии теней" (1944, рус. пер. 1971) и "Небесном батальоне" (1947), создал совместно с М. Дрюоном "Песню партизан" (1943). В центре послевоенных репортажей и романов К. стоит цельная и яркая человеческая личность, хотя и склонная к анархизму, но объективно противостоящая продажности буржуазного общества (романы "Лев", 1958; "Всадники", 1967; повести "Во имя чести", 1964, и др.). (БСЭ)

Содержание

Об авторе
Предисловие
Побег
Казнь
Отправка в Гибралтар

"Это прекрасные люди"
Заметки Филиппа Жербье
Утро перед казнью в гитлеровской эре
Стрельбище
Дочь Матильды
Примечания
Об авторе

Жозеф Кесель - выдающийся французский прозаик XX века (1898-1979), автор многих романов и повестей, кавалер Ордена Почетного Легиона, член Французской Академии, участник Первой и Второй мировых войн, награжденный за них двумя Военными крестами. Отец Кесселя - доктор Самюэль Кессель, по происхождению литовский еврей, родился и жил в России, в Оренбурге. Жозеф родился в Аргентине, в 1908 году вернулся во Францию.

В 1916 году вступил в армию. Сначала был артиллеристом, затем летчиком.

Во время Второй мировой войны - активный участник французского Сопротивления Шарля де Голля, летчик. Поддерживал связь между правительством Свободной Франции в Лондоне и группами Сопротивления. Соавтор (со своим племянником Морисом Дрюоном, тоже участником Сопротивления) слов песни "Марш партизан".

В 1943 году написал книгу "Армия теней" - сборник очерков о Сопротивлении. Как подчеркивал сам автор, книга написана на основе реальных событий, но, учитывая требования конспирации (Франция была еще под немцами), имена, места и даты событий изменены. Книга пользовалась большой популярностью в среде Сопротивления и в войсках де Голля.

В 1969 году по книге был поставлен одноименный фильм с Лино Вентурой и Симоной Синьоре в главных ролях (режиссер Жан-Пьер Мельвиль, авторы сценария Жозеф Кессель и Жан-Пьер Мельвиль). Интересно, что в этом фильме роль самого себя сыграл Андре Деваврен - "полковник Пасси" - руководитель Второго Бюро (военной разведки Де Голля).

Предисловие

В этой книге нет ни пропаганды, ни выдумки. Не придумана ни одна деталь, не вымышлено ни одно действующее лицо. Читатель найдет в ней - без формальности и часто даже случайно - только факты - пережитые, проверенные и то, что кто-то сможет назвать ежедневными происшествиями: обычные факты нынешней французской жизни.

Источники этой информации многочисленны и надежны. Для изображения характеров, ситуаций, самого откровенного

страдания и самой простой храбрости у автора было трагическое изобилие материала. В этих условиях задача представлялась совсем простой.

Но из всего написанного мною за долгую жизнь, ничто не стоило мне таких усилий как "Армия теней". И ничто не оставляло меня таким неудовлетворенным.

Я хотел сказать так много, но сказал так мало...

Соображения безопасности, естественно, были первым препятствием. Кто хочет написать о Сопротивлении без романтизма и фантазий, скован своим гражданским долгом. Нельзя сказать, что роман или поэма менее правдивы и жизненны, чем описание реальных событий. Я скорее считаю обратное. Но мы живем в центре ужаса, окруженного кровопролитием. Я никогда не чувствовал в себе ни права, ни силы, чтобы отойти от простоты хроники, от скромности документа.

Потому в книге все должно было быть точным, но ничто - узнаваемым. Из-за врага, его шпионов, его лакеев необходимо было скрыть лица, чтобы уберечь людей, переместить их в другое место, перетасовать события, спрятать источники, разорвать связи, утаить секреты атаки и защиты.

Свободно можно было говорить лишь об умерших (если у них не было семьи или друзей, которым угрожала бы опасность) или рассказывать истории, которые настолько известны во Франции, что из них нельзя было бы узнать ничего нового.

"Достаточно ли заметены, запутанны, стерты следы? Не сможет ли кто-либо узнать по ним этого мужчину или эту женщину - лицо, силуэт, тень?" Этот страх сковывал, останавливал мою руку снова и снова. Но когда я принимал эти меры предосторожности, во мне возрастал другой страх. Я начал думать: "Не сошел ли я с пути правды? Подобрал ли я правильные эквиваленты, чтобы передать привычки, профессии, взаимоотношения и чувства?" Для операции не имеет значения, провел ли ее богач или бедняк, холостяк или отец шести детей, старик или молодая девушка.

И когда я взвесил все эти обстоятельства, то почувствовал большое огорчение: не осталось ничего от той женщины, от того мужчины, которых я любил, которыми я восхищался, и жизнь и смерть которых я так хотел бы описать под их настоящими именами. Тогда я попробовал, по крайней мере, передать хотя бы тембр смеха, взгляд или шепот голоса.

Это было первой серьезной очевидной трудностью, можно сказать, материального порядка. Но очевидные и материальные препятствия не самые трудные для преодоления.

Пока я писал эти страницы, мне мешало и другое мучение. Оно не было связано с вопросами безопасности. Это было личное ощущение, но такое сильное, что однажды я даже подумывал отказаться от написания книги. Приказывая самому себе продолжать, я говорил себе: "Нужно что-то рассказать о французском Сопротивлении, даже если это будет рассказано плохо". Для этой цели я, без всякой ложной скромности, чувствовал свою посредственность, свою неадекватность как писателя, чтобы выразить то, что составляет эту книгу, чтобы открыть образ и дух той великой чудесной тайны, которой является французское Сопротивление.

Есть ли писатель, который, пытаясь описать ландшафт, свет, характер или судьбу, не чувствовал бы удары отчаяния, кто не замечал бы, что описанные им краски природы неправдивы, что свет выглядит не так, как он написал, что написанное им оказалось ниже или выше того, что сотворила судьба? Представьте, что говорить тогда об истории Франции - тайной, скрытной Франции, новой и неизвестной ни для ее друзей, ни для врагов, ни даже для самой себя! Во Франции больше нет хлеба, вина, огня. Но, прежде всего, в ней больше нет закона. Гражданское неповиновение, индивидуальный или организованный бунт стали долгом перед родиной. Национальный герой это человек под прикрытием, изгой вне закона. Он меняет место жительства каждый день, каждую ночь. Он живет под чужим именем, чужим адресом, с чужим лицом. Чиновники, полицейские помогают бунтарю. Он находит пособников даже в министерствах. Он нарушает порядок, даже не задумываясь об этом. Тюрьмы, казни, пытки, преступления, внезапные облавы, летящие пули. Люди умирают и убывают с естественностью.

Для внешнего мира Виши продолжает играть роль правительства. Но живая Франция вся ушла вглубь. Ее настоящее и неизвестное лицо обращено во тьму. В катакомбах восстания люди создают свой свет и находят свой собственный закон.

Где эти любвеобильные, легковесные французы, так довольные продуктами своей земли и настолько цивилизованные, что кажутся забальзамированными в своих удовольствиях и тонких искусствах? Они заполняют тюрьмы, концлагеря, их выстраивают перед расстрельными командами, их разрывают на куски, но они не плачут, не сгибаются и молчат.

И бесчисленные женщины всех классов, всех возрастов, эти женщины, которых считали самыми фривольными в мире, вызывают восхищение даже у своих палачей; женщины - курьеры, женщины - организаторы побегов, казней и рейдов.

Никогда еще Франция не вела такую возвеличенную, благородную войну, чем та, в пещерах которой печатаются свободные газеты, на поверхности которой она принимает своих свободных друзей и отправляет своих детей, где в камерах пыток вырванные языки, ожоги от раскаленных булавок и сломанные кости сохраняют молчание свободных людей.

И я знаю, что мне не дано описать это как следовало бы описывать это уникальное состояние милосердия, проходящего сквозь весь народ в подпольную чистоту, как невидимый росток пробивает почву холма...

Все на этих страницах - правда. Все это переживают мужчины и женщины во Франции.

Мне повезло, что во Франции у меня были друзья вроде Жербье, Лемаска или Феликса Тонзуры. Но именно в Лондоне мне удалось увидеть французское Сопротивление в самом живом свете. Меня это не удивило, как могло бы показаться со стороны. Из-за необходимости секретности, опасения быть пойманным, на родной земле рассказать обо всем было трудно и с большой предосторожностью. В Лондоне можно было побеседовать свободно. Рано или поздно в Лондоне встречались все выжившие лидеры Сопротивления. И этот необычайный переезд из Франции в Англию и обратно казался совершенно естественным. Лондон - перекресток самых странных судеб Франции.

Однажды я обедал со "Святым Лукой". В другой раз весенним утром в гостиной с большими окнами я беседовал с тремя французами, приговоренными к смертной казни. Они улыбались, глядя на деревья в саду, и собирались вернуться во Францию, чтобы снова уйти в тень и руководить своими отрядами...

У меня не было глупых амбиций дать полную картину Сопротивления. Все, на что я был способен - поднять краешек занавеса и дать хоть какое-то представление о пульсе жизни и о страданиях посреди сражения.

Жозеф Кессель

Лондон, Киннертон Стьюдио,

8 сентября 1943 года

Побег

Шел дождь. Полицейский фургон медленно продвигался вверх и вниз по узкой скользкой дороге через холмы. Жербье был один внутри машины, кроме жандарма. Другой жандарм сидел за рулем. У охраняющего Жербье жандарма были крестьянские щеки и сильный запах мужского тела.

Когда машина свернула в переулок, жандарм огляделся.

- Мы немного отлучимся, но я полагаю, что вы не спешите.

- Нет, конечно, нет, - сказал Жербье с широкой улыбкой.

Полицейский фургон остановился перед отдельно стоявшей фермой. Через решетку Жербье мог видеть только кусок неба и поля. Он услышал, как водитель вышел из машины.

- Это не продлится долго, - сказал жандарм. - Мой партнер просто пойдет купить немного продуктов. Нужно стараться как-то выжить в эти трудные времена.

- Это совершенно естественно, - ответил Жербье.

Жандарм посмотрел на своего узника и покачал головой. Этот человек был хорошо одет, говорил в открытой манере, у него было приятное лицо. Что за ужасные времена. Он был не первым для жандарма человеком в наручниках, за которого он ощущал бы некое беспокойство.

- Вам не будет слишком плохо в этом лагере! - сказал жандарм. - Я не говорю о пище, конечно. До войны ее не ели бы даже собаки. Но за исключением питания, лагерь этот самый лучший во Франции, как мне рассказывали. Это немецкий лагерь.

- Я не совсем понял вас, - заметил Жербье.

- Во время "Странной войны", как мне кажется, мы думали, что захватим множество пленных. Для них был создан большой центр в этой части страны. Конечно, из немцев туда ни один не попал. А теперь он пригодился.

- Настоящая удача, как вы сказали, - предположил Жербье.

- Это вы сказали, месье, вы сказали, - воскликнул жандарм.

Водитель вскарабкался назад на сидение. Машина дала ход. Дождь продолжал поливать поля Лимузена.

II

Жербье, без наручников, но стоя, ждал, пока комендант лагеря обратится к нему. Комендант читал досье Жербье. Время от времени он нажимал большим пальцем левой руки на щеку и медленно убирал его. Эта толстая, мягкая и нездоровая плоть несколько секунд белела, а затем снова становилась красной как старая свекла, теряя эластичность. Это движение определяло темп замечаний коменданта.

- Та же самая старая история, - думал он про себя. - Мы не знаем, ни кого получаем, ни как с ними обходиться.

Он вздохнул, вспомнив довоенное время, когда был тюремным надзирателем. Тогда его интересовало лишь получение своего процента от поставок в тюрьму продовольствия. Больше трудностей не было. Сами заключенные делились на определенные категории, и для каждой категории были свои правила обращения. Теперь, напротив, можно было здорово заработать на лагерных пайках (за этим никто не следил), но зато сортировка людей причиняла ужасную головную боль. Прибывающие без суда, без приговора оставались за решеткой на

неопределенный срок. Другие, с ужасными приговорами, оказывались на воле быстро и получали влияние в департаменте, в региональной префектуре и даже в Виши.

Комендант не смотрел на Жербье. Он отказался от мысли составлять мнение о людях по их внешнему виду и одежде. Он пытался читать между строчек полицейского досье, которое жандармы передали ему в тот же момент, когда ввели заключенного.

- Независимый характер, быстрый ум, спокойная и ироничная позиция, читал комендант. И сразу переводил: "Сломать его". Затем: "Опытный инженер по мостам и автодорогам", и, с пальцем на щеке, комендант сказал бы сам себе: "Сберечь его".

"Подозревается в операциях голлистского Сопротивления". "Сломать его, сломать его".

Но сразу же за этим: "Освобожден за недостатком улик". - Влияние, влияние, сказал про себя комендант - сберечь его.

Большой палец коменданта уткнулся еще глубже в жирную щеку. Жербье показалось, что щека больше не вернется в свое первоначальное положение. Но отёк постепенно рассосался. Затем комендант заявил с некоторой торжественностью:

- Я собираюсь определить вас в барак, который предназначался для немецких офицеров.

- Благодарю за честь, - ответил Жербье.

В первый раз комендант посмотрел вверх, своим размытым и тяжелым взглядом человека, который слишком много ест, в лицо своего нового заключенного.

Тот улыбнулся, вернее, наполовину улыбнулся - губы его оставались тонкими и сжатыми.

- Сберечь его, да, - подумал комендант, - но следить за ним.

III

Кастелян выдал Жербье башмаки на деревянной подошве и красную домотканую тюремную робу.

- Это предназначалось, - начал он, - для...

- Для немецких заключенных, я знаю, - ответил Жербье.

Он взял одежду и натянул старую робу. Затем, на выходе из каптерки, он окинул взглядом весь лагерь. Это было ровное, поросшее травой плато, окруженное неровностями обычного необитаемого ландшафта. Дождик все еще моросил с низкого неба. Приближался вечер. Уже зажглись прожекторы, ярко освещавшие ряды колючей проволоки и патрульную дорожку между ними. Но строения на другой стороне от плато оставались темными. Жербье направился в одно из самых маленьких из них.

IV

В камере было пять красных старых роб.

Полковник, аптекарь и коммивояжер сидели, скрестив ноги у двери, и играли в домино кусочками картона на дне перевернутого котелка. Два других заключенных сидели в дальнем углу камеры, негромко переговариваясь.

Армель растянулся на своей соломенной постели, завернутый в одно лишь одеяло, полагавшееся заключенным. Легрэн накинул поверх него еще свое одеяло, но оно не спасало Армеля от дрожи. Он, похоже, потерял много крови за этот день. Его светлые волосы слиплись от лихорадочного пота. Его бесплотное лицо несло на себе выражение не слишком выделявшейся, но неизменной мягкости.

- Я заверяю тебя, Роже, я заверяю, что если бы только у тебя была вера, ты уже не был бы несчастлив оттого, что ты больше не можешь принимать участие в восстании, - шептал Армель.

- Но я хочу, я хочу, - сказал Легрэн.

Он сжал тонкие кулаки, и своего рода хрип вырвался из его больной груди. Он сердито заключил:

"Когда ты попал сюда, тебе было двадцать лет, а мне семнадцать. Мы были здоровы, мы не сделали никому ничего плохого, все, что мы хотели - чтобы нас оставили в покое. Посмотри на нас сегодня. И на все, что происходит вокруг нас. Я уже даже не понимаю, что что-то существует, и что Бог есть".

Армель закрыл глаза. Его черты казались скрытыми внутренними мучениями и наступающей темнотой.

- Только с Богом можно все постичь, - ответил он.

Армель и Легрэн были среди первых заключенных лагеря. И у Легрэна во всем мире не было иного друга. Он сделал бы все, лишь бы вернуть жизнь в это бескровное ангельское лицо. Оно внушало ему нежность и жалость - последнее, что связывало его с человечеством. Но в нем было еще другое, сильное и неподатливое чувство, которое не давало ему присоединиться к мольбам, которые бормотал Армель.

- Я не могу верить в Бога, - сказал он. - Это слишком удобно для этих сукиных детей - заплатить за все в следующей жизни. Я хочу видеть правосудие на земле. Я хочу...

Движение двери заставило Легрэна замолчать. В камеру вошла новая красная роба.

- Меня зовут Филипп Жербье, - представился новичок.

Полковник Жарре дю Плесси, аптекарь Обер и коммивояжер Октав Боннафу представились по очереди.

- Я не знаю, месье, почему вы здесь, - сказал полковник.

- Я тоже не знаю, ответил Жербье со своей полуулыбкой.

- Но я хочу сразу сказать вам, за что интернировали меня, - продолжал полковник. - Я сделал громкое заявление, в кафе, что

адмирал Дарлан{1} негодяй. Да.

Полковник сделал эффектную паузу и с пафосом продолжил:

- А сегодня я добавил, что маршал Петен{2} тоже негодяй, позволивший морякам измываться над солдатами.

- В конец концов, полковник, вы страдаете за идею, - заметил коммивояжер. - А вот я просто по делам проходил через площадь, где проходила демонстрация сторонников Де Голля.

- А я, - вмешался Обер, аптекарь, - со мной еще хуже.

Он внезапно повернулся к Жербье.

- Вы знаете, что такое снаряд Малера? - спросил он.

- Нет, - ответил Жербье.

- Вот это всеобщее незнание меня и погубило, - продолжал Обер. - Снаряд Малера, месье, это контейнер в форме заостренного с одного конца цилиндра для проведения химических реакций под давлением. Я химик, месье. Я, в конце концов, не мог работать без снаряда Малера. На меня донесли - якобы у меня нелегально хранится снаряд. У меня не было возможности получать известия от властей.

- У нас больше нет властей, остались лишь негодяи. Вот так! воскликнул полковник. - Они урезали мою пенсию...

Жербье понял, что ему придется сто раз подряд слушать эти истории. Подчеркнуто вежливо, он спросил, где он мог бы устроиться в камере. Полковник, который был старостой барака, показал на соломенную постель у дальней стенки. Пока Жербье нес свой чемодан, к нему приблизился еще один сокамерник. Он указал на Легрэна, который представился и сказал: "Коммунист".

- Уже? - спросил Жербье.

Легрэн густо покраснел.

- Я слишком молод, чтобы обладать партийным билетом, вы правы, - быстро пояснил он. - Но это не имеет значения. Я был арестован вместе с моим отцом и другими бойцами. Но их отправили в другое место. Видимо, посчитали, что для них жизнь здесь оказалась бы слишком легкой. Я просил, чтобы меня отправили с ними, но эти мерзавцы мне не позволили.

- Когда это было, - спросил Жербье.

- Сразу после перемирия.

- Почти год назад, - заметил Жербье.

- Я самый старый в лагере, - сказал Роже Легрэн.

- Самый долгосидящий, - поправил с улыбкой Жербье.

- Следующий за мной Армель, - продолжал Легрэн, - вот этот молодой учитель, который лежит здесь.

- Он спит? - спросил Жербье.

- Нет, он очень болен, - пробормотал Легрэн. - Гнилая дизентерия.

- Почему не в карантине? - спросил Жербье.

- Нет помещения, - ответил Легрэн.

У его ног раздался слабый голос:

- Любое место подходит, чтобы умереть.

- Почему вы здесь, - спросил Жербье, склонившись к Армелю.

- Я дал понять, что никогда не смогу учить детей ненависти к евреям и к англичанам, - сказал учитель, не в силах даже открыть глаза.

Жербье выпрямился. Он не показал никаких эмоций. Только его губы немного потемнели.

Жербье поставил свой чемодан у изголовья соломенной кровати, выделенной ему. В камере совершенно не было никакой мебели и удобств, за исключением неизбежного "очка" в середине.

- Здесь все, что потребовалось бы немецким офицерам, которые сюда так никогда и не попали, - сказал полковник. - Но надзиратели и охрана помогают сами себе, а оставшееся продают на черном рынке.

- Вы играете в домино? - спросил аптекарь.

- Нет, извините, - ответил Жербье.

- Мы можем вас научить, - предложил коммивояжер.

- Спасибо, но я действительно не чувствую тяги к этому, - сказал Жербье.

- Тогда вы простите нас? - спросил полковник. - Как раз подошло время сыграть еще разок, пока не стемнело.

Наступила ночь. Прошла перекличка. Двери заперли. В бараке нет света. Дыхание у Легрэна было хриплое и сдавленное. В своем углу стонал маленький школьный учитель. Жербье подумал: "Комендант лагеря вовсе не глуп. Он засунул меня между тремя глупцами и двумя потерянными детьми".

V

Когда на следующий день Роже Легрэн вышел из барака, шел дождь. Несмотря на это и на холодный воздух апрельского утра на плато, открытом всем ветрам, Жербье в своих обносках и подпоясанный полотенцем, начал делать зарядку. Его тело было загорелым, сухим и крепким. Мускулы были не видны, но их компактная игра создавала впечатление некоего мощного блока. Легрэн смотрел на эти движения с меланхолией. Стоило ему несколько раз глубоко вдохнуть, как его легкие засвистели как полый пузырь.

- Наконец-то можно выйти наружу, - прокричал Жербье между упражнениями.

- Я иду на лагерную электростанцию, - сказал Легрэн. Я там работаю.

Жербье закончил наклоны и подошел к Легрэну.

- Хорошая работа?

Яркий румянец проступил на впалых щеках Легрэна. Это свойство краснеть время от времени - было последним следом его молодости. Во всем остальном, лишения, заключение и прежде всего постоянное тяжелое, сводящее с ума бремя внутреннего восстания ужасно состарили и его лицо и его поведение.

- За работу я не получаю и крошки хлеба, - сказал Легрэн. - Но мне нравится работа, и я не хотел бы ее потерять. Это все, что есть у меня здесь.

Переносица у Жербье была очень узкой, поэтому его глаза казались посаженными очень близко друг к другу. Когда Жербье внимательно смотрел на кого-либо, как сейчас на Легрэна, то его обычная полуулыбка превращалась в узкую щель, а из глаз исходил черный огонь. Жербье молчал, и Легрэн уставился на его башмаки. Жербье мягко сказал: "До свиданья, товарищ".

Легрэн оглянулся вокруг и посмотрел на него, как будто его неожиданно обожгли.

- Вы ... Вы. .. Вы тоже коммунист? - запинаясь произнес он.

- Нет, я не коммунист, - сказал Жербье.

Он секунду помолчал и добавил с улыбкой: "Но это не мешает мне иметь товарищей".

Жербье затянул полотенце на талии и закончил упражнения. Красная роба Легрэна медленно исчезла на краю залитого дождем плато.

VI

Во второй половине дня небо немного прояснилось. Жербье решил осмотреть лагерь. На это ему потребовалось несколько часов. Плато было огромными, и почти все было занято городом заключенных. Было видно, что город этот разрастался беспорядочно и кусками, когда приказы вишистского правительства раз за разом отправляли все возраставшую популяцию узников на возвышенности этой голой земли. В центре размещалось изначальное ядро лагеря, построенного для немецких военнопленных. Эти здания были мощными и надежными. В лучшем из них разместилась лагерная администрация. Вокруг ядра, насколько видел глаз, разместились лачуги из фанеры, рифленого железа, просмоленной бумаги. Они напоминали трущобы, окружающие большие города. Лагерю требовалось все больше, больше и больше места.

Место для иностранцев. Место для контрабандистов. Место для масонов. Для кабилов. Для противников Легиона. Для евреев. Для непокорных крестьян. Для бродяг. Для бывших преступников. Для тех, чьи намерения показались подозрительными. Для тех, кто смущал правительство. Для тех, чье влияние на народ могло

быть опасным. Для обвиненных без доказательств. Для тех, кто отсидел свой срок, но кого власти не хотели освобождать. Для тех, кого судьи отказались осуждать, но кого наказали за их невиновность.

Здесь были сотни мужчин, отлученных от их семей, работы, городов, от их правды, согнанных в лагерь по указанию чиновника или министерства на неопределенный срок, подобно разрушенному судну, брошенному на грязном берегу вдали от течения.

Чтобы содержать этих людей, легионы которых росли изо дня в день, требовались еще люди. И их число возрастало все больше и больше. Их набирали по случаю, в спешке, среди самых низких групп безработных, некомпетентных, алкоголиков, дегенератов. Их единственной униформой были берет и нарукавная повязка, дополнявшие их обычные лохмотья. Им платили очень плохо. Но эти изгои внезапно почувствовали власть. Они показывали большую жестокость, чем скоты-профессионалы. Они делали деньги из всего: из лагерных пайков, которые они урезали наполовину, из табака, мыла, основных предметов гигиены, которые продавали по безумным ценам. Только коррупция действовала на этих охранников.

Во время прогулки Жербье удалось выиграть у двух поставщиков. Он перекинулся парой слов с несколькими заключенными, лежащими у своих бараков. У него было такое чувство, будто он приблизился к своего рода почве, к красноватым грибам в человеческом облике. Эти недокормленные люди, дрожащие и качающиеся в своих обносках, опустившиеся, небритые, немытые, с пустыми блуждающими взглядами, мягкими ртами, потерявшими подвижность. Жербье понял, что их пассивность была совершенно естественной. Настоящие бунтари, когда их поймали, попадали в глубокие бесшумные тюрьмы или передавались в руки Гестапо. Несомненно, в лагере тоже было несколько решительных людей, не поддавшихся этому процессу гниения. Но чтобы найти их в этой толпе случайно собранных людей требовалось время. Жербье вспомнил о Роже Легрэне, об его изможденных, но несгибаемых чертах, о храбрых истощенных плечах. Ведь именно он провел больше всех месяцев в этой куче перегноя. Жербье отправился к электростанции, находившейся среди той центральной группы зданий, которую называли в лагере "немецким кварталом".

Приближаясь к ней, Жербье смешался с группой истощенных как скелеты кабилов, толкавших тачки с мусорными баками. Они двигались очень медленно. Казалось, что их запястья через секунду переломаются. Их головы были слишком тяжелы для их

тощих шей. Один из них споткнулся, и его тачка перевернулась, мусорный бак упал. Очистки, гнилые объедки прилипли к земле. Жербье не успел понять, что произошло, но увидел, как молчаливая ужасающая толпа набросилась на отбросы. Затем он увидел еще одну подбегающую группу. Охранники начали избивать их кулаками, ногами, дубинками, кастетами. Сначала они били по долгу службы, чтобы восстановить порядок. Но вскоре они почувствовали удовольствие от избиений, передающееся от одного к другому как своего рода заразная болезнь. Они метили в самые слабые и уязвимые части человека - в живот, в задницу, били по печени и по гениталиям. Они оставляли своих жертв в покое лишь тогда, когда те уже не подавали признаков жизни.

Жербье внезапно услышал сдавленный, свистящий голос Легрэна.

- Это сводит меня с ума, - сказал молодой человек. - Меня сводит с ума, когда я думаю, что мы собрали этих несчастных в Африке и увезли от их жилищ. Им рассказывали о прекрасной Франции, и о Маршале, великом старике. Им пообещали платить10 франков в день. В доках они получают только вполовину меньше. Они спросили почему. За это их сослали сюда. Они подыхают толпами. И когда у них нет на это времени, сами видите, что случается...

Задыхаясь, Легрэн затрясся от долгого, сухого кашля.

- Все долги будут оплачены, - сказал Жербье.

В этот момент его полуулыбка стала необычайно острой. Большинство людей испытывали чувство неловкости, когда видели это выражение лица Жербье. Но именно оно придало Легрэну чувство большого доверия.

VII

К середине мая хорошая погода установилась надолго. Поздняя весна расцвела сразу и во всем великолепии. Тысячи цветов выросли на травяном поле. Заключенные даже начали загорать. Острые лопатки, выступающие ребра, сморщенная кожа, руки не толще костей отдыхали на свежих цветах. Жербье, который проводил целый день на плато, сразу почувствовал в себе прилив человеколюбия, вызванного приходом весны. Никто, возможно, не сказал, было ли это его чувство к ним чувством отвращения или жалости или безразличия. Он и сам этого не знал. Но когда однажды в полдень, он заметил, как Легрэн разделся, как и все остальные, то подбежал к нему.

- Не делай этого, хорошо укройся, - сказал он. Когда Легрэн не послушался, Жербье набросил на его голое тело тюремный жакет.

- Я слышал, как ты дышишь и кашляешь во сне, - сказал Жербье. - У тебя наверняка проблемы с легкими. Солнце может оказаться очень опасным для тебя.

Жербье никогда не выказывал к Легрэну большего интереса, чем к аптекарю или к другим сокамерникам.

- Вы не похожи на доктора, - сказал Легрэн с удивлением.

- А я не доктор, - ответил Жербье, - но я однажды руководил строительством линии электропередач в Савойе. Там было несколько госпиталей для туберкулезников, и я много беседовал с врачами.

Глаза Легрэна просветлели.

- Вы электрик! - воскликнул он.

- Как и ты, - весело ответил Жербье.

- О, ну что вы! Я вижу, что вы мастер в этом деле, - сказал Легрэн. Но у нас могла бы быть общая тема для разговоров.

Легрэн испугался своей открытости и добавил:

- Время от времени.

- С удовольствием, если хочешь, - сказал Жербье.

Он улегся рядом с Легрэном и, пожевывая зеленые листочки и стебельки цветов, слушал молодого человека, рассказывавшего о генераторе, напряжении, свете и мощности.

-Не хотели бы вы, чтобы я провел вас туда? - спросил, наконец, Легрэн.

Он показал Жербье электростанцию, достаточно примитивную, но управляемую со знанием и со вкусом. Жербье также познакомился с помощником Легрэна. Это был старый инженер, еврей из Австрии. Он бежал сначала из Вены в Прагу, потом из Праги во Францию. Он был очень робким и старался казаться как можно незаметней. После стольких злоключений и страхов, он, казалось, смирился со своей участью.

VIII

Оценка этого человека, которую сформировал для себя Жербье, позволила ему понять полное значение случая, произошедшего немного позднее.

Гестаповский автомобиль остановился у въезда в лагерь. Открылись ворота. Несколько охранников в беретах и с повязками запрыгнули на подножки автомобиля, и серая машина медленно двинулась в направлении "немецкого квартала". Когда она подъехала поближе к электростанции, из нее вышел офицер СС и приказал охранникам следовать за ним внутрь здания. Было как раз то время загорать. Много заключенных собралось вокруг машины. Водитель в форме курил сигару, выпуская дым через ноздри широкого переломанного носа. Он не смотрел на толпу костлявых, полураздетых и молчаливых людей. В середине этой

тишины вдруг раздался крик, затем снова и снова. Теперь они слились в одну жалобу, похожую на вой животных. Полуголых людей охватила паника. Но привлекательность ужаса оказалась для них сильнее самого страха. Они ждали. Появились охранники, волоча за собой седого мужчину из здания. Старый инженер задыхался, все еще вопя. Внезапно он увидел толпу полуголых, молчаливых и бледных людей. Он залепетал обрывки слов. Различить можно было лишь несколько фраз: "Французская земля... Французское правительство... свободная зона".

Жербье, который поначалу держался на расстоянии от зрителей, не заметил, что его подтолкнули близко к ним, так что он, через последний ряд, протолкнулся в следующий, затем оказался в первом, и все еще двигался вперед. Дрожащая теплая рука дотронулась до него. Тело Жербье сразу же расслабилось, а глаза утратили мертвенно-застывшее выражение.

- Спасибо, - сказал он Легрэну.

Жербье глубоко вздохнул. После всего, с чувством какого-то энергичного отвращения он наблюдал, как охранники бросили старого инженера в машину, а водитель продолжал курить сигару, выпуская дым через ноздри.

- Спасибо тебе, - повторил Жербье.

Он улыбнулся Легрэну своей полуулыбкой, в которой улыбались только губы, но не глаза.

В тот же вечер, в бараке Легрэн захотел поговорить о случившемся, но Жербье избегал разговоров. Так было и в последующие дни. Кроме того, учителю Армелю становилось с каждым днем все хуже, и Легрэн мог думать только о своем друге.

IX

Однажды ночью молодой учитель умер. Его жар перед смертью был не хуже, чем обычно. Несколько кабилов рано утром унесли его тело. Легрэн пошел на работу. День прошел, и он вел себя так же, как днем раньше. Когда Легрэн вернулся в барак, полковник, аптекарь и коммивояжер прекратили играть в домино и стали выражать ему свое сочувствие.

- Я не в печали, - сказал Легрэн. - Армелю сейчас лучше, чем было здесь.

Жербье ничего не сказал Легрэну. Он дал ему пачку сигарет, которые купил в этот день у охранников. Легрэн выкурил три одну за другой, назло изможданному его кашлю. Пришла ночь. Прошла перекличка. Двери были заперты. Полковник, аптекарь и коммивояжер уснули один за другим. Легрэн казался спокойным. Жербье тоже заснул.

Его разбудил знакомый звук. Легрэн кашлял. Теперь Жербье уже не мог спать. Он прислушался повнимательней и понял, что

Легрэн сам заставляет себя кашлять посильнее, чтобы приглушить свои рыдания. Жербье дотронулся до руки Легрэна и очень тихо сказал:

- Я здесь, старина.

Несколько секунд с соломенной постели Легрэна не было слышно ни звука. - Он борется за свое достоинство. - подумал Жербье. И был прав. Но Легрэн был только ребенком, точно таким же. Жербье внезапно почувствовал тело, потерявшее вес, и пару тонких костлявых плеч, касавшихся его. Он услышал тонкий, почти неслышимый вопль.

- Теперь я остался один на всем белом свете... Армель оставил меня. Теперь он, наверное, уже с Богом. Он верил в Него так сильно. Но я не могу видеть его здесь. .. Я не верю в Него, месье Жербье... Я прошу прощения... но я больше не могу. У меня больше никого нет во всем мире. Поговорите со мной немного, месье Жербье, если хотите...

Тогда Жербье прошептал Легрэну прямо в ухо:

- Мы никогда не предаем товарища в движении Сопротивления.

Легрэн затих.

- Сопротивление. Ты слышал? - Жербье повторил таким секретным и тяжелым тоном, как ночь за стеной. - Усни с этим словом в голове. В эти дни это самое лучшее слово во французском языке. У тебя не было шанса выучить его. Оно возникло, пока тебя ломали тут. Спи. Я обещаю научить тебя.

X

Жербье сопровождал Легрэна до его работы. Они шли медленно, и Жербье рассказывал.

- Понимаешь, они пришли сюда на танках, со своими пустыми глазами. Они думали, что страх перед танками заставит людей принять их новые законы. Так как они производили эти танки, то были уверены, что рождены для написания нового закона. Они испытывают ужас перед свободой, перед мыслью. Их настоящая цель войны была смерть думающего человека, свободного человека. Они хотят уничтожить всех, у кого глаза не пустые. Они нашли во Франции людей с такими же вкусами, и те пошли к ним на службу. Они были причиной смерти юного Армеля. Ты видел, как они передали СС беднягу, поверившего в право убежища. В то же самое время они открыто заявили, что завоеватель был великодушен. Грязный старик попробовал подкупить страну. - Будьте хорошими, будьте трусливыми, - проповедовал он. - Забудьте, что вы были горды, радостны и свободны. Подчиняйся и улыбайся победителю. И он позволит тебе ползать и не будет досаждать. Люди, окружавшие

Старика{3}, рассчитали, что Франция доверчива и благородна, что она страна умеренности и счастливой середины. - Франция такая цивилизованная, такая расслабленная, - думали они, - что она больше не знает значения подпольной войны и секретной смерти. Она все примет, она уснет. И когда она будет спать, мы выцарапаем ей глаза. И еще они думали:

- Мы не боимся экстремистов. У них нет оружия. У них нет связей. А нас смогут защитить все немецкие дивизии. Пока они так веселились, родилось Сопротивление.

Роже Легрэн шел рядом, не решаясь посмотреть на Жербье. Это было так, вроде как он боялся вмешаться в осуществление чуда. Этот человек, такой спокойный, такой молчаливый, вдруг стал выстреливать слова как огонь... И мир вокруг внезапно стал совсем другим. Легрэн видел траву и лагерные лачуги и красные тюремные робы и изможденные фигуры кабилов, согнанных на принудительные работы. Но это все изменило свою форму и сове назначение. Жизнь в лагере больше не останавливалась у заграждений из колючей проволоки. Она распространялась на всю страну. Она стала светлой, приобрела смысл. И кабилы, и Армель, и он сам вошли в единый огромный строй людей. Легрэн сам чувствовал, как постепенно освобождается от чувства бунта, наполнявшего его до сей поры - от слепого, отчаянного, скованного, тупого чувства, не находившего выхода, душившего его изнутри, разрывающего его существование. Он почувствовал приближение к великой тайне. И он был слишком глуп и слишком мал, чтобы разглядеть в своем сокамернике человека, который поднял для него вуаль этой тайны.

- Как это началось, я не знаю, - продолжал Жербье. - Я думаю, что никто не знает. Но однажды крестьянин перерезал телефонный кабель в деревне. Старушка вылила тазик с помоями под ноги немецкого солдата. Начали распространяться листовки. Мясник впихнул в холодильный погреб капитана, реквизировавшего мясо у него слишком нагло. Буржуа дал ложный адрес победителям, ищущим дорогу. Железнодорожники, викарии, браконьеры, банкиры помогали бежать сотням пленных. Фермеры прятали английских солдат. Проститутка отказывалась лечь в постель с захватчиками. Французские офицеры, солдаты, каменщики, художники прятали оружие. Ты об этом ничего не знал. Ты был здесь. Но для тех, кто проснулся, это активное начало было самым воодушевляющим в мире. Это был росток свободы, разраставшийся на французской земле. Тогда немцы и их слуги, и Старик решили раздавить прораставший росток. Но чем больше они рвали его, тем лучше он рос. Они наполняли тюрьмы, они расширяли лагеря. Они взбесились. Они посадили за

решетку полковника, аптекаря, коммивояжера. Но они получили еще больше врагов. Они ухватились за расстрельные команды. Теперь растению, чтобы подняться и разрастись, потребовалось еще больше крови. Кровь пролилась. Кровь льется сейчас. Будут течь реки крови. И растение превратится в лес.

Жербье и Легрэн делали обход электростанции. Жербье продолжал.

- Тот, кто вступает в Сопротивление целится в немцев. Но в то же самое время он бьет Виши и его Старика, и палачей Старика, и начальников нашего лагеря, и охранников, работу которых ты наблюдаешь каждый день. Сопротивление состоит из всех французов, не желающих, чтобы глаза Франции стали пустыми и мертвыми.

Легрэн и Жербье уселись на траве. С холмов задул холодный ветер. Приближался вечер. Жербье рассказывал юноше о газетах движения Сопротивления.

- И люди, выпускающие их, осмеливаются писать то, что думают? - спросил Легрэн, щеки его побледнели.

- Они ничего не боятся, у них нет другого закона, нет другого хозяина, кроме их идеи, - сказал Жербье. - Эта идея сильнее, чем жизнь. Люди, публикующие эти листки, неизвестны, но однажды за то, что они сделали, им воздвигнут памятники. Человек, нашедший газету, рискует жизнью. Тот, кто набирает текст, рискует жизнью. Тот, кто пишет статьи, рискует жизнью. И тот, кто перевозит газеты, рискует жизнью. Но их ничего не может остановить. Ничто не заглушит крик, вылетающий из мимеографов, спрятанных в сырых кельях, исходящий от печатных прессов, утаенных в глубоких подземельях. Не думай, что эти газеты в чем-то сходны с теми, что продаются при ярком свете. Это совсем маленькие кусочки бумаги. Мятые листки, на которых что-то напечатано в типографии или на машинке. Буквы размытые, заголовки подслеповатые. Чернила часто мажутся. Люди выпускают их, как умеют. Одну неделю в одном городе, другую - в другом. . Они берут с собой то, что можно унести в руках. Но газеты выходят. Материалы для статей передаются по подпольным каналам. Кто-то собирает их, кто-то тайно готовит издание. Секретные группы набирают их. Полиция, агенты, шпики, "стукачи" волнуются, ищут, выслеживают их. Газета выходит на дороги Франции. Она маленькая, она выглядит невзрачно. Но каждая строчка в ней - как золотая жила. Жила свободной мысли.

- Мой отец был печатником. Так что я понимаю, - сказал Легрэн. - Таких газет не может быть много.

- Их множество, - ответил Жербье. - Каждое значительное

движение в Сопротивлении выпускает свою, и тиражи достигают десятков тысяч. И еще есть газеты отдельных групп. И газеты в провинциях. У врачей свои, у музыкантов свои, у студентов, у учителей, у профессоров университета, у художников, у писателей и у инженеров.

- А что с коммунистами? - тихо спросил Легрэн.

- Ну конечно, у них есть "Юманите". Как и раньше.

- "Юма... , - сказал Легрэн, - "Юма... "

Его выпуклые глаза наполнились экстазом. Он хотел сказать больше, но приступ кашля оборвал его.

XI

Был полдень. Заключенные проглотили котелок грязной воды, служившей им пищей, и неподвижно лежали на солнце. Легрэн был с Жербье в тени барака.

- Они знают, как умирать в движении Сопротивления, - начал Жербье. Гестапо собиралось казнить дочь одного промышленника за то, что она отказалась выдать им организацию, в которой состояла. Ее отцу разрешили свидание с ней. Он умолял ее все рассказать. Она оскорбила его и приказала немецкому офицеру, наблюдавшему за беседой, увести отца прочь... Активист Христианского профсоюза сдружился с немцами, то ли из-за своей слабости, то ли из интереса. Его жена выгнала активиста из дома. А его совсем юный сын добровольно вступил в боевую группу. Он проводил диверсии, убил нескольких часовых. Когда его схватили, он написал матери: "Все уже очистилось. Я умираю, как хороший француз и как добрый христианин". Я сам видел это письмо.

- Знаменитого профессора арестовали, бросили в гестаповскую тюрьму Фресне в Париже. Они пытали его, пытаясь выведать имена. Он сопротивлялся... Он сопротивлялся... Но однажды почувствовал, что больше не может терпеть. Он испугался самого себя. Он снял свою рубашку, разорвал ее и повесился... После демонстрации, перешедшей в уличную стычку, в ходе которой в Париже пролилась немецкая кровь, дюжину мужчин приговорили к смерти. Их всех должны были расстрелять на следующий день на рассвете. Они знали это. И один из них, рабочий, начал рассказывать смешные истории. Всю ночь он заставлял своих товарищей смеяться. Немецкий тюремный капеллан рассказал потом об этом семье погибшего рабочего.

Легрэн поднял глаза и, запинаясь, спросил:

- Скажите, месье Жербье... Были среди участников этой демонстрации коммунисты?

- Они все были, - ответил Жербье. - И именно коммунист, Габриель Пери, перед смертью произнес, возможно, самые

прекрасные слова, сказанные когда-либо участником Сопротивления: "Я рад, - сказал он. - Мы строим завтрашний день, который будет петь".

Жербье положил руку на тонкое запястье Легрэна и мягко сказал:

- Я хотел бы, чтобы ты понял меня раз и навсегда. Сейчас больше нет взаимных подозрений, ненависти и барьеров между коммунистами и всеми остальными. Сегодня мы французы. Мы все ведем общую борьбу. И именно коммунистов враг ненавидит больше всех. Мы знаем это. И мы знаем, что они самые храбрые и лучше всех организованы. Они помогают нам, и мы помогаем им. Они любят нас, и мы любим их. Все стало совсем простым.

- Говорите, месье Жербье, говорите еще, - бормотал Легрэн.

XII

Именно этой ночью у Жербье было время поговорить.

Их маленькая камера, крепко запертая, отдавала ночью накопившуюся за день жару, Соломенные кровати обжигали спины людей. Темнота была удушающей. Сокамерники ворочались и ворочались, пытаясь уснуть. Но для Легрэна сейчас ничего не имело значения, даже усиливающий свист его легких, который иногда принуждал его сдавливать обеими руками свою грудную клетку, чего он сам уже не замечал. А Жербье рассказывал о радиостанциях, спрятанных в городах и поселках, благодаря которым можно каждый день общаться с друзьями в свободном мире. Он говорил о работе секретных радистов, их трюках, их терпении, их риске и о той прекрасной музыке, которую создают шифрованные донесения. Он живописал гигантскую сеть постов прослушивания и наблюдателей, ведущих разведку в тылу врага, считающих его полки, прорывающих его линии защиты, получая доступ к секретным документам. И еще Жербье говорил, что в любое время года, в любой час курьеры-связники перемещаются вперед и назад, пешком, на лошади, на велосипеде или ползком по всей Франции. Он описывал подпольную Францию, Францию с зарытыми в землю оружейными складами, о штабах боевых групп, переезжающих из одного убежища в другое, о неизвестных вождях, о мужчинах и женщинах, беспрестанно меняющих свои имена, адреса, одежду и лица.

- Эти люди, - сказал Жербье, - могли бы сидеть тихо. Их ведь никто не заставлял идти на риск. Мудрость, здравый смысл подсказывали им: ешьте и спите в тени немецких штыков, следите, как процветает ваш бизнес, как улыбаются ваши женщины, как растут дети. Материальные блага и блага ограниченной нежности были им гарантированы. У них даже

было бы благоволение старика в Виши, чтобы успокоить, убаюкать свою совесть. Действительно, ничего не могло заставить их сражаться, ничего, кроме их свободной души.

-Знаешь ли ты, - продолжал он, - что такое жизнь подпольщика, человека вне закона? У него больше нет имени или, наоборот, у него их так много, что он забывает свое собственное. У него нет продовольственных карточек. Он больше не может хоть как-то утихомирить свой голод. Он спит на чердаке, или у проститутки, или на полу в какой-то лавке, или на скамье на вокзале. Он не видит больше свою семью, ведь за семьей следит полиция. Если и его жена что часто бывает - работает в Сопротивлении, то их дети растут беспризорными. Страх быть пойманным следует за ним как тень. Каждый день его товарищи исчезают, их пытают и расстреливают. Он идет от убежища к убежищу, без домашнего тепла, затравленный, скрытный, как призрак самого себя.

Жербье продолжал:

- Но он никогда не одинок. Вокруг себя он ощущает веру и нежность всего порабощенного народа. Он находит сообщников, он приобретает друзей на полях и на фабрике, в пригородах и в замках, среди жандармов, железнодорожников, контрабандистов, торговцев и священников. Среди старых нотариусов и юных девушек. Самый голодный бедняк разделит с ним свой скудный хлебный паек, потому что он не может даже зайти в булочную, ведь он сражается за все урожаи во Франции.

Так говорил Жербье. А Легрэн на обжигающей койке, в шокирующей темноте, открывал для себя совершенно новую и очаровывающую страну, населенную солдатами без личных номеров, без оружия, отечество святых друзей, более прекрасное, чем любое отечество на земле. Движение Сопротивления было этим отечеством.

XIII

Однажды утром по дороге на работу Легрэн вдруг спросил:

- Месье Жербье, вы руководитель движения Сопротивления?

Жербье посмотрел на обгорелое и измученное молодое лицо Легрэна с каким-то почти жестоким вниманием. Он увидел в нем безграничную лояльность и преданность.

- Я был в генеральном штабе движения, - сказал он. - Но здесь этого никто не знает. Я ехал из Парижа. Меня арестовали в Тулузе, я думаю, на меня навел "стукач". Но доказательств нет. Потому они даже не осмелились судить меня. Так они отправили меня сюда.

- На какой срок? - спросил Легрэн.

Жербье пожал плечами и улыбнулся.

- Как они соизволят, конечно, - сказал он. - Ты сам знаешь это лучше всех.

Легрэн остановился и посмотрел на землю. Затем он сказал прерывающимся голосом, но с большой твердостью.

- Месье Жербье, вам нужно бежать отсюда. Он подождал, затем поднял голову и добавил:

- Вы нужны им на свободе.

Так как Жербье не ответил, Легрэн продолжил:

- У меня есть идея. Я придумал ее уже давно... Я расскажу вам о ней сегодня ночью.

Они пошли каждый в свою сторону. Жербье купил немного сигарет у охранника, ставшего его поставщиком. Он прошелся вдоль плато. Со своей обычной улыбкой. Он достиг цели, к которой стремился, своими историями и образами терпеливо опьяняя Легрэна.

XIV

- Я скажу вам, в чем моя идея, - прошептал Легрэн, когда они убедились, что полковник, коммивояжер и аптекарь быстро уснули.

Легрэн собирался с мыслями и подбирал слова. Потом он снова заговорил.

- Что мешает побегу? Только две вещи: колючая проволока и патрули. Что касается колючей проволоки, то поверхность земли не везде ровная, и есть места, где такой худой человек, как вы, месье Жербье, вполне можете под ней пролезть, разве что немного порвете одежду.

- Я знаю такие места, - сказал Жербье.

- Это что касается колючей проволоки. Теперь остались патрули. Сколько минут потребуется вам, чтобы добежать до патрульной дорожки, перебежать через нее, и скрыться в окрестностях?

- Минут двенадцать... Самое большее - пятнадцать, - сказал Жербье.

- Ну, тогда я смогу устроить так, чтобы охранники ничего не увидели даже дольше, чем вы сказали, - сказал Легрэн.

- И я так считаю, - спокойно заметил Жербье. - Для хорошего электрика не составит труда заранее сделать так, чтобы электричество отключилось.

- Вы тоже думали об этом, - пробормотал Легрэн. - Но никогда не говорили ни слова.

- Я люблю командовать или исполнять команды. Я не умею просить об одолжении, - сказал Жербье. - Я ждал, пока ты сам это скажешь.

Жербье оперся на одно плечо, как будто хотел разглядеть

лицо своего сокамерника в полной темноте. А затем сказал:

- Я часто удивлялся, почему ты, имея такие возможности, никогда так ими и не воспользовался.

Легрэн долго кашлял, пока смог ответить.

- В начале я обсуждал это с Армелем. Но он был против. Он, похоже, действительно был слишком безропотным. Но в основном он был прав. В наших тюремных робах и без документов, без продовольственных карточек, мы далеко бы не ушли. Потом Армель заболел. Я не мог оставить его. Затем и с моим здоровьем дела стали обстоять худо. Но вы - совсем другое дело. С вашими друзьями в Сопротивлении...

- Я уже установил контакт через охранника, который продает мне сигареты, - сказал Жербье. Без всякого перерыва он продолжил. - Через неделю, самое большее - через две - мы сможем уйти.

Наступила тишина. И сердце Легрэна так сильно билось, что Жербье услышал его биение сквозь его выпиравшие ребра. Прерывающимся голосом молодой человек спросил:

- Вы сказали "мы", не так ли, месье Жербье?

- Конечно, - сказал Жербье. - А ты как полагал?

- Я думал, что в определенный момент вы возьмете меня с собой. Но я не осмеливался быть в этом уверенным, - сказал Легрэн.

- Так что, ты хотел, - спросил Жербье, медленно и четко выговаривая каждый слог, - подготовить все для моего побега, а самому остаться здесь?

- Так я решил это для себя, - ответил Легрэн.

- И ты хотел бы поступить именно так?

- Им нужны вы, месье Жербье, в движении Сопротивления.

Несколько минут Жербье страшно хотелось закурить. Но он подождал, прежде чем зажег сигарету. Он терпеть не мог показывать эмоции на своем лице.

XV

В начале партии в домино полковник Жарре дю Плесси заметил своим компаньонам:

- Маленький коммунист выглядит все уверенней. Я слышал, как он что-то напевает про себя каждое утро, отправляясь на работу.

- Это весна, - уверял коммивояжер.

-Это скорее то, что действует на всех, - вздохнул аптекарь. - Он, как и все другие, просто бедный ребенок.

Эти трое мужчин не испытывали никакой враждебности к Легрэну. Напротив, его возраст, его несчастливая судьба, его физическое состояние глубоко трогали их, потому что они по

природе были очень добросердечными людьми. Они предлагали ему по очереди дежурить рядом с Армелем. Но Легрэн настолько ревновал всех к своему другу, что отклонил их предложение. Получая посылки из дома со скудной едой, они всегда хотели угостить Легрэна. Но зная, что не сможет оказать им ответную любезность, он неизменно отказывался. Постепенно его бескомпромиссное поведение заставило игроков в домино вообще практически не замечать его существования. Потому изменение в его поведении привлекло к нему их внимание. Однажды вечером, когда аптекарь раздавал всем шоколадные таблетки, которые нашел в своей посылке из дома, Легрэн тоже подставил руку.

- Ура! - воскликнул полковник Жарре дю Плесси. - Маленький коммунист начинает укрощаться

Полковник повернулся к Жербье и сказал:

- Это ваше влияние, месье, и я поздравляю вас.

- Я думаю, это скорее шоколад, - сказал Жербье.

Через несколько часов, когда из всех в камере бодрствовали только они, Жербье обратился к Легрэну:

- Ты выбрал не самое лучшее время, чтобы привлечь внимание к своим сладким зубам.

- Это потому что я думал... я думал, что теперь смогу вскоре тоже послать им что-то, - пробормотал юноша.

- Но то же самое могли подумать и они. Никогда не следует считать людей глупее, чем они есть, - сказал Жербье.

Они замолчали. Через несколько минут Легрэн огорченно спросил :

- Вы не сердитесь на меня, месье Жербье?

- Нет, кончено, нет. Закончим на этом, - сказал Жербье.

-Тогда вы не откажетесь рассказать мне, что произойдет после того, как свет погаснет? - попросил Легрэн.

- Я уже рассказывал все подробно вчера и еще позавчера, - сказал Жербье.

- Если вы не расскажете мне снова, - сказал Легрэн, - я просто не смогу заставить себя поверить во все это и не смогу уснуть... Действительно там будет машина?

- Газовик{4}, - сказал Жербье. - И думаю, что за рулем будет Гийом.

- Бывший сержант Иностранного Легиона? Тот крутой парень? По прозвищу Бизон? - шептал Легрэн.

- В машине будет спрятана гражданская одежда, - продолжал Жербье. - Нас привезут к дому кюре. А там посмотрим.

- И друзья из движения Сопротивления приготовят нам фальшивые документы? - спросил Легрэн.

- И продовольственные карточки.

- И вы разрешите мне встретиться с коммунистами, месье Жербье? И я буду работать с ними в подполье?

- Обещаю.

- Но я смогу время от времени видеть вас, месье Жербье?

- Если ты станешь курьером-связником.

- Именно им я и хочу стать, - сказал Легрэн.

И каждую следующую ночь Легрэн постоянно просил:

- Расскажите мне еще раз о Гийоме Бизоне, месье Жербье, и еще обо всем, о чем хотите.

XVI

Наступил день, когда Жербье, открывая только что купленную у охранника пачку сигарет, нашел внутри нее сложенный листок тонкой папиросной бумаги Он отправился в уборную, внимательно прочел сообщение и сжег его. Затем прошелся вдоль проволочного заграждения, как обычно делал. Поздно вечером он сказал Легрэну:

- Все готово. Мы уходим в субботу.

- Через четыре дня, - запинаясь, произнес Легрэн.

Кровь совсем отхлынула от его побледневших щек, затем вскоре вернулась и опять ушла. Он прислонился к Жербье.

- Простите, - сказал он. - У меня кружится голова. Я так рад

Легрэн тихо опустился на землю. Жербье понял, как ужасно устал юноша за последнюю неделю. Его лицо осунулось, а глаза увеличились. Нос был тонок как рыбная кость, а кадык выдавался еще сильнее.

- Ты должен успокоиться и контролировать свои чувства, - несколько раз повторил Жербье, - и до субботы не перетруждаться. Не забывай, нам придется идти пешком пять километров. В обед ты съешь мой суп, слышишь?

- Да, хорошо, месье Жербье.

- И ты мало спишь. Завтра пойди в лазарет и попроси несколько таблеток снотворного.

- Хорошо, месье Жербье.

Легрэн вышел из барака раньше, чем обычно, и Жербье проводил его до двери.

- Еще только три дня, и тут будет машина Бизона.

Он побежал на работу. Жербье проводил его взглядом, подумав про себя: "Он молод и выдержит".

Во время обеда Жербье протянул Легрэну свой котелок. Но молодой человек покачал головой.

- Я знаю, что мы договорились, но я не хочу. У меня крутит живот.

- Тогда возьми мой хлеб, - сказал Жербье. Ты сможешь съесть его на работе.

Легрэн засунул черный кусок в карман робы. Его движения были слабыми, безжизненными, лицо ничего не выражало.

- Ты плохо выглядишь, - заметил Жербье.

Легрэн не ответил и пошел по направлению к своей электростанции. В тот вечер он не стал просить Жербье рассказать о Бизоне и о других чудесах.

- Ты принимаешь снотворное? - спросил Жербье.

- Да. Но я так никогда и не усну, мне кажется, - ответил Легрэн.

В четверг его поведение стало еще более странным. Он ничего не ел, а в камере, ожидая ночи, вместо того, чтобы говорить с Жербье, он следил за партией в домино. Казалось, что он действительно, так ни разу и не уснул.

В пятницу Легрэн затеял абсурдный спор с аптекарем и обозвал его грязным буржуа. Жербье в тот момент промолчал, но в темноте и в тишине он грубо взял Легрэна за руку, когда тот, казалось, уже уснул, и спросил:

- Что-то не так?

- Что?... Да нет, все в порядке, месье Жербье, - ответил Легрэн.

- Нет, я прошу тебя ответить, - настаивал Жербье. - Ты больше не веришь мне? У тебя сдали нервы? Я даю слово, что с моей стороны все готово.

- Я знаю, месье Жербье.

- А как твоя часть работы?

- Я сделаю все чисто, обещаю вам.

- Ну тогда в чем же дело?

- Я не знаю, месье Жербье, правда... Голова болит. На сердце тяжело...

Глаза Жербье сузились, как при дневном свете, когда он хотел проникнуть в тайну лица. Но в темноте они были бессильны.

- Ты, наверное, принимал слишком много таблеток, - наконец сказал Жербье.

- Да, скорее всего так, месье Жербье.

- Завтра ты почувствуешь себя лучше, - сказал Жербье, - когда увидишь машину и Бизона.

- Бизона, - повторил Легрэн.

Но больше ничего не сказал.

Жербье часто в последующем вспоминал бессовестную и пугающую жестокость этого ночного диалога.

XVII

Субботним утром во время своей обычной прогулки Жербье зашел на электростанцию, где Легрэн работал один, после того,

как увезли старого австрийского инженера. С удовлетворением Жербье заметил, что Легрэн спокоен.

- Все готово, - сказал юноша.

Жербье проверил работу Легрэна. Часовой механизм, который должен был в нужное время вызвать короткое замыкание, был сделан разумно и умело. Ток выключится точно в назначенный час.

- И не волнуйтесь, - заверил его Легрэн. - Этим олухам в ночной смене понадобится для ремонта не менее сорока минут.

- Никто не сделал бы это лучше тебя. Можно сказать, мы уже на свободе, - сказал Жербье.

- Спасибо, месье Жербье, - пробормотал молодой человек.

Его глаза сияли.

XVIII

Полковник, аптекарь и коммивояжер завершили игру в домино, как только окончательно стемнело. Сумерки опустили свой серый дым на плато. Но пояс жесткого, неподвижного света как бы запер сумерки внутри лагеря. Патрульная дорожка между линиями проволочных заграждений освещалась ужасно ярко. За этим поясом света уже была настоящая ночь. Перед бараком Жербье и Легрэн в тишине смотрели на блестящую колючую проволоку. Время от времени Жербье нащупывал в кармане принесенную Легрэном отмычку. Охранник в берете прокричал: "Перекличка!"

Легрэн и Жербье вошли внутрь. Охранник пересчитал узников и запер дверь. Снова настала тьма. Каждый нащупывал путь к своей кровати. Некоторое время полковник, коммивояжер и аптекарь обменивались замечаниями, которые становились все бессвязнее. Жербье и Легрэн молчали. Их сокамерники засыпали со своими обычными вздохами и зевотой. Жербье и Легрэн молчали.

Жербье был доволен молчанием Легрэна. Он боялся, что тот будет слишком возбужден этим ожиданием. Механизм был настроен Легрэном ровно на полночь. У них оставался еще почти час. Жербье выкурил несколько сигарет, затем подошел к двери и бесшумно открыл замок. Он толкнул дверь. Он увидел жестокий свет, окаймлявший плато. Жербье вернулся к соломенной постели и предупредил Легрэна:

- Будь готов, Роже, уже недолго осталось.

И снова Жербье услышал, как бьется сердце Легрэна.

- Месье Жербье, - с трудом пробормотал паренек, - мне нужно вам кое-что сказать.

Он с усилием вздохнул.

- Я не пойду.

Несмотря на весь свой самоконтроль Жербье едва сдержался, чтобы неосмотрительно не повысить голос. Но он сделал все, что мог, и заговорил обычным тоном, как всегда во время этих ночных бесед.

- Ты боишься? - спросил он очень мягко.

- О, нет, месье Жербье, - простонал Легрэн.

И Жербье сам почувствовал, что Легрэну был неведом страх. Точно так же, как если бы смог увидеть его лицо.

- Ты думаешь, что слишком слаб, чтобы сделать это? - сказал Жербье. Если будет нужно, я сам понесу тебя.

- Я сделал бы это. Я дошел бы даже намного дальше, - ответил Легрэн.

И Жербье почувствовал, что и тут он сказал правду.

- Я объясню вам, месье Жербье, только не перебивайте меня, - сказал Легрэн. - Я расскажу все быстро, так что это будет просто.

Легкие Легрэна засвистели. Он закашлялся и продолжил.

- Когда я пошел за снотворным, как вы мне сказали. я увидел доктора. Этот доктор хороший человек. Он старик, который все понимает. Он направил нас сюда, меня и Армеля, потому что здесь, по крайней мере, не протекает крыша и сухой пол. Большего он не мог бы сделать. Я имею в виду, что с ним можно поговорить. Он сказал, что я плохо выгляжу. Он осмотрел меня. Я не все понял из того, что он сказал мне. Но достаточно, чтобы сообразить, что одно мое легкое не работает вовсе, а другое в плохой форме. Он был действительно взволнован моим состоянием и тем, что меня заперли здесь без надежды выбраться. Потом я спросил его, что случилось бы, если бы я оказался на свободе. Он ответил, что мне следовало бы два года подлечиться в санатории, и я был бы в порядке. в противном случае, я никогда не выздоровею. Я вернулся из его приемной как окаменевший. Вы сами это видели... Я все время думал о той жизни в подполье, о которой вы мне рассказали. Я думал вплоть до сегодняшнего утра и тогда понял, что мне не следует бежать.

Жербье считал себя достаточно жестким человеком. Он и был таким. Он никогда ничего не делал, не обдумав. И это было правдой. Он зажег Легрэна своими историями только чтобы заполучить сообщника, которому мог бы доверять. Но теперь без обдумывания, без расчета и как-то совершенно непривычно для самого себя он вдруг сказал:

Я не оставлю тебя. Я знаю способы достать деньги и я смогу найти новые. Ты будешь в безопасности, за тобой будет уход. У тебя будет достаточно времени, чтобы поправиться и привести себя в форму.

- Я остаюсь не из-за этого, месье Жербье, - произнес

спокойный голос невидимого юноши. - Я хотел быть курьером. Я не хочу получать продовольственные карточки от товарищей только из-за моего слабого здоровья. Я не хочу мешать Сопротивлению. Вы мне слишком хорошо показали, что это такое.

Жербье почувствовал, что даже физически не может ответить. А Легрэн продолжал:

- Но в то же самое время я очень рад, что узнал о движении Сопротивления. Я больше не буду несчастным. Я понимаю жизнь и люблю ее. Я теперь как Армель. У меня есть вера.

Он немного оживился и сказал более бодрым тоном:

- Но я не буду искать справедливости в ином мире, месье Жербье. Скажите вашим друзьям здесь и по другую сторону пролива, скажите, чтобы они поспешили. Я хочу успеть увидеть конец людей с пустыми глазами.

Он замолчал, и никто из них не знал, сколько продлилась наступившая тишина. Не зная этого, они оба устремили взгляд к щели в двери, через которую был виден яркий свет прожекторов над патрульной дорожкой.

Они встали одновременно, потому что пугающая иллюминация внезапно погасла. Тьма свободы соединилась с тьмой, запертой в лагере. Жербье и Легрэн были у двери.

Несмотря на всю свою предусмотрительность, несмотря на здравый смысл, Жербье снова повторил:

- Они поймут, что это была диверсия, они увидят, что я сбежал. Они сопоставят эти события. И они заподозрят тебя.

- Что они еще смогут со мной сделать? - пробормотал Легрэн.

Жербье все еще не уходил.

- Напротив, я принесу вам пользу, - сказал юноша. - Они придут и возьмут меня, чтобы я исправил поломку. Я пойду так быстро, что они даже не заметят, что ваша постель пуста. И я заставлю их прождать не меньше часа. Как раз достаточно, чтобы вы ушли далеко и встретились с Бизоном.

Жербье переступил через порог.

- Подумай в последний раз, - почти умолял он.

- Я никогда никому не был обузой. Я не хочу стать ею в первый раз, тем более для движения Сопротивления.

Жербье проскользнул между дверью и косяком и, не оборачиваясь, направился к щели под колючей проволокой.

Он выучил ее уже сотни раз и сотни раз подсчитывал число шагов, необходимых, чтобы дойти до этого места.

Легрэн осторожно закрыл дверь, вернулся на свою соломенную постель, вцепился зубами в простыню на ней и лежал очень тихо.

Казнь

Инструкция, полученная от организации, в которую он входил, приказывала Полю Дуна (чье имя теперь было Винсан Анри) прибыть в Марсель к середине второй половины дня и ждать перед Реформистской церковью одного товарища, которого Дуна хорошо знал. Дуна простоял на условленном месте уже несколько минут, когда мимо проехал газогенераторный автомобиль и остановился метрах в тридцати за ним. Из него вышел невысокий человек. На нем был котелок, темно-коричневое пальто, и его плечи сильно тряслись при ходьбе. Этот человек, которого Дуна никогда раньше не видел, подошел прямо к нему и показал удостоверение "Сюртэ" - полиции безопасности.

- Полиция, ваши документы?

Дуна и глазом не моргнул. Его фальшивые документы были безупречны. Человек в котелке произнес более вежливо:

- Я вижу, что все в порядке, месье. Но тем не менее, я попросил бы вас пройти со мной в участок. Простая проверка.

Дуна кивнул. Он не боялся никакой проверки.

Водитель стоял у подножки машины. Он был полным человеком со сломанным носом боксера. Он открыл дверь и одним движением втолкнул Дуна вовнутрь. Человек в котелке сел рядом с ним справа. Машина быстро двинулась вверх по холму. Дуна увидел на краю сидения, так, чтобы его нельзя было видеть снаружи, Андре Русселя, который также носил имя Филиппа Жербье, и у которого выросли усы. Поль Дуна почувствовал, как вся кровь прихлынула к его сердцу, и он сжался на сидении, как будто человек, распавшийся на части.

Псевдополицейский вытер свою лысину, похожую на тонзуру, как у монахов, посмотрел на шляпу с отвращением и проворчал:

- Грязная работа!

- Феликс, как бы ты не ненавидел котелки, тебе придется снова надеть его, причем тот же самый, - рассеянно сказал Жербье.

- Я знаю, - проворчал Феликс, - но только когда мы остановимся.

Поль Дуна подумал про себя: "Это когда они убьют меня".

Он равнодушно сформулировал свою мысль. Он больше не боялся. Первый шок вытеснил из него все живые эмоции. Как всегда, в момент, когда у него уже не было шансов, он готов был принять самое худшее с чувством странной понятливости и облегчения. Ему только очень хотелось пить, вены казались ему совсем пустыми.

- Посмотри на него, - сказал Феликс, обращаясь к Жербье. - Это он продал вас, и тебя, и Зефира, и радиста.

Жербье в знак согласия слегка опустил веки. Ему не хотелось

говорить. Ему не хотелось и думать. Все было очевидно благодаря самой позе Дуна: предательство и внутренний механизм этого предательства. Дуна привела в Сопротивление его сожительница. Пока она могла оживлять его, Дуна проявлял себя как полезный, умный и храбрый боец. Но когда Франсуазу арестовали, он продолжал действовать только по инерции. Когда, в свою очередь, поймали и его, то быстро освободили - и он стал инструментом в руках полиции.

- Нам следовало бы вывести его из игры сразу после исчезновения Франсуазы, - сказал Жербье. - Это была ошибка. Но у нас было так мало людей и так много дел.

Жербье зажег сигарету. Через дым Дуна казался ему еще более расплывчатым и бесплотным, чем обычно. Хорошая семья, приятные манеры... Милые черты лица... Маленькая родинка над серединой верхней губы привлекала внимание к его рту, красивому и мягкому. Его лицо было узким, без острых черт, и заканчивалось невыразительным, скорее полным подбородком.

- Очевидно защитная сила воли, - рассеянно думал Жербье. - Ему всегда был нужен кто-то, кто бы думал о нем. Франсуаза, полиция, теперь мы... для подпольной деятельности, роль "стукача", смерть.

А вслух сказал:

- Я думаю, Поль, нет смысла предоставлять тебе наши доказательства и задавать вопросы.

Дуна даже не поднял головы. Жербье продолжал курить. Он чувствовал усталость, которую вызывали скучные и ненужные формальности. Он начал думать обо всем, что сделает после этого. Его донесение... послать двух инструкторов... зашифровать сообщения для Лондона... встреча с большими боссами, прибывающими из Парижа... выбрать командный пост на следующий день.

- Не следует ли нам поторопиться? - спросил Жербье Феликса.

- Не думаю, - ответил Феликс. - Бизон знает свое дело, как никто другой. Он едет так быстро, как только можно ехать, не вызывая подозрений.

Дуна, опершись подбородком на руку, смотрел в сторону моря.

- Я тоже спешу, - продолжал Феликс. Там есть старый пост, за которым я снова должен присматривать. Мне нужно поменять руль на велосипеде одного молодого курьера. И еще этой ночью мне нужно будет встретить парашютистов.

- А как с новыми фальшивыми документами для шефа? - спросил Жербье.

- Они со мной, - сказал Феликс. - Тебе они сейчас нужны?

Жербье кивнул.

Поль Дуна прекрасно понимал, что если эти два человека так открыто говорят в его присутствии, то они полностью уверены в его молчании - в его вечном молчании. Они уже выбрали момент - и этот момент был совсем близок, когда ему придется исчезнуть из мира живых людей. Но этот приговор не вызывал у Дуна беспокойства или внутреннего беспорядка. Для него смерть была уже свершившимся фактом. Она уже относилась к прошлому. Значение и цену имело только настоящее. И сейчас, когда машина проезжала Старый порт, настоящее сформировалось в полной мере, с чудесной полнотой, с широтой голубой воды, с островками, похожими на античные галеры, с голыми, сухими песчаными холмами, которые, казалось, поддерживали небо на другой стороне залива.

Внезапно, когда машина проезжала отель "Ла Корниш", который узнал Дуна, перед ним возникло лицо Франсуазы, во всех чертах ее великолепия. Франсуаза стояла на краю террасы, нависающей над морем.

На ней было летнее платье, оставлявшее открытыми шею и руки. Она удерживала на своем лице свет и тепло дня. Легким и знакомым движением Дуна ласкал сзади ее шею. Она слегка отклонилась назад, и Дуна смог увидеть ее горло, ее плечи, ее полные груди. И Франсуаза целовала его в родинку над верхней губой.

Неосознанно Дуна дотронулся до этого маленького коричневого пятнышка. Также неосознанно Жербье дотронулся до своих усов, все еще колючих, которые он отрастил после побега из лагеря в Л. Феликс с отвращением посмотрел на свой котелок.

Дорога скрыла отель от взгляда Поля Дуна. Образ Франсуазы, откинувшей назад голову, исчез. Это не удивило Дуна. Эти игры относились к другому времени и к другому миру. Жизнь в подполье тогда еще не началась.

Феликс постукивал краешком своего котелка по стеклу, отделявшему его от шофера. Затем он натянул шляпу на свою лысину, окаймленную волосами по кругу. Машина остановилась. Поль Дуна не мог смотреть на море и повернулся в другую сторону бульвара. Там был холм с кучкой маленьких мирных, скромных и жалких домиков и вилл, разместившихся на его склоне. Машина остановилась перед дорогой безо всякого асфальта или гальки, круто подымавшейся наверх между низкими домами и меланхолическими маленькими садиками, как горная тропа.

Водитель опустил стекло позади его и сказал Жербье:

- Машине будет тяжело подняться на такую гору.

- И будет много шуму... Все прильнут к окнам, чтобы посмотреть, добавил Феликс.

Жербье быстро взглянул на профиль Дуна. Тот сидел безо всяких эмоций, снова повернувшись к морю.

- Мы пойдем пешком, - сказал Жербье.

- Тогда я тоже пойду, - заметил водитель.

У него был хриплый голос человека, который много курил и которому приходилось долгое время громко командовать. Его массивное дубленое лицо, с глубоко посаженными серыми глазами, почти полностью заполнило собой раму окна.

Жербье снова посмотрел на Дуна и сказал:

- Это не обязательно, Гийом.

-Действительно, необязательно, - сказал Феликс.

Водитель тоже посмотрел на Поля Дуна и проворчал:

- Согласен.

Жербье подождал, пока проедет трамвай с пассажирами. Затем открыл дверь. Сначала вышел Феликс, а затем, повинуясь жесту Жербье - Дуна. Феликс взял Поля за одну руку, а Жербье за другую.

- Я пойду достану ящик, а потом вернусь за телом с наступлением темноты, - сказал водитель, ковыряясь в сцеплении.

Дуна карабкался по крутому склону, окруженный Феликсом и Жербье, будто меж двух друзей. Он думал о том, как коммунисты иногда казнят своих предателей. Они приводят человека ночью на морской берег, раздевают его, заматывают в проволочную сетку и бросают в море. Крабы, через ячейки сети, полностью объедают тело. Франсуаза была с Дуна в ту ночь, когда он услышал эту историю. Безжалостная вспышка страсти воспламенила ее лицо, обычно такое сладкое и веселое. - Я тоже приняла бы участие в такой операции, - сказала она. - Просто смерть - недостаточное наказание для тех, кто продает своих товарищей. Поль Дуна вспомнил этот взрыв ярости. а также шею своей подруги, густо покрасневшей в тот миг, и он покорно подымался по дороге между Жербье и Феликсом.

Время от времени они видели на пороге дома женщину в черной юбке с растрепанными волосами, лениво вытряхивающую ковер. Дети играли в жалком маленьком саду. Мужчина, прислонившись к изгороди, тер свои голые лодыжки над войлочными тапочками. Каждый раз, проходя мимо людей, Феликс сжимал свой револьвер в кармане и шептал в ухо Дуна:

- Одно слово, и я сделаю это прямо здесь.

Но Жербье в руке, за которую он держал, ощущал лишь

бессилие и подчинение. Он снова почувствовал смертельную скуку.

Наконец они вошли в узкий тупик, окруженный глухими стенами и заканчивающийся двумя одинаковыми коттеджами, построенными впритык друг к другу. Ставни были открыты в левом из них.

- О, Боже! - сказал Феликс, резко остановившись. Его открытое круглое лицо выражало замешательство.

- Наш, - сказал он Жербье, - домик справа с закрытыми ставнями.

Феликс снова принялся уверять.

- В прошлый раз, когда мы сняли эту лачугу, в соседнем доме никто не жил, - добавил он.

- Это очень плохо, конечно, но все же это еще один лишний повод не привлекать к себе внимание, - сказал Жербье. - Пойдем.

Трое мужчин быстро прошли в конец тупика. Затем дверь правого домика отворилась как бы сама по себе, и они вошли вовнутрь. Паренек, стоявший за дверью, немедленно закрыл ее, закрыл заслонку глазка и повернул ключ. Все его движения прошли беззвучно, но в его спешке было заметно болезненно нервное напряжение. И Жербье вскоре убедился в этом, услышав торопливый шепот.

- Комната там в конце... Идите в последнюю комнату.

Феликс подтолкнул Дуна в шею и последовал за ним.

- Это он... предатель... кто он? - парнишка, встретивший группу, спрашивал едва слышным голосом.

- Вот он, - сказал Жербье.

- А вы руководитель?

- Я занимаюсь этим делом, - ответил Жербье.

Они по очереди вошли в заднюю комнату. Тени выросли, и после яркого дневного света темнота комнаты показалась слишком густой. Но свет, пробивавшийся сквозь щели в досках, вполне приемлемо освещал помещение, чтобы за несколько секунд рассмотреть все ее детали. Жербье увидел рассохшийся паркет на полу, мокрые пятна на стенах, два разных кресла, матрас прямо на полу, покрытый стеганым одеялом. И он рассмотрел товарища, подобранного Феликсом для помощи в казни Дуна. Это был высокий, стройный молодой человек, скромно одетый, с острыми чертами чувствительного лица. У него были сияющие, бодрые глаза.

Феликс указал котелком на молодого человека и сказал Жербье:

-Это Клод Лемаск.

Жербье улыбнулся своей полуулыбкой. Он знал, что если человек сам выбирает себе псевдоним, то в нем выражается черта его характера. Парень, назвавший себя "маской", наверняка пришел в движение Сопротивление с духом романтики тайных обществ.

- Он давно умолял испытать его в серьезном деле, - добавил Феликс.

Лемаск повернулся к Жербье.

- Я пришел более часа назад, - начал он очень быстро говорить. - Чтобы все привести в порядок. Тогда я и заметил это ужасное дело за соседней дверью. Они приехали сюда утром, или - самое раннее - этой ночью. Я следил за домом вечером, и там никого не было. Когда я увидел открытые ставни, я сразу побежал позвонить Феликсу, но он уже уехал. Тут ничего уже нельзя было сделать, правда?

- Совершенно ничего, уверяю тебя, совершенно ничего, - сказал Жербье, со всем облегчением и беспристрастностью, которые смог выразить несколькими словами.

Этот паренек говорил слишком много, слишком тихо и слишком быстро.

- Это хорошее место, - продолжал Жербье. - Мы все устроим.

- Мы можем начать допрос, если хотите, - сказал Лемаск. - Все уже приготовлено на чердаке. Я устроил что-то вроде суда. Я принес кресла, стол, немного бумаги.

Жербье улыбнулся и сказал.

- Мы здесь не для того, чтобы судить.

- Мы здесь вот для чего, - нетерпеливо произнес Феликс.

Он вытащил из кармана ручку своего револьвера, который он

постоянно держал на взводе. Металл блеснул в полумраке. Лемаск впервые взглянул на Дуна. Тот прислонился к стене и ни на кого не смотрел.

Людям вокруг него не хватало пространства и реальности. Но они были вооружены властью, ранее им неведомой. Кривой потолок, сырые стены и мебель, казалось, ждали, наблюдали и все понимали. У предметов был рельеф, плоть и суть, которых уже не было у Дуна. Лишь его глаза время от времени быстро пробегали по потрепанному красно-коричневому одеялу. Дуна узнал его. В гостиницах с сомнительной репутацией, в бедных транзитных домах, где в промежутке между миссиями, у него было счастье видеть Франсуазу, Дуна всегда встречал такие одеяла. Теперь и оно принадлежало к другой эпохе мира. Для изысканности в ней не было места. Угрозы, опасности тайной деятельности придавали любви свою форму и цвет. Франсуаза любила сидеть на красном одеяле, подымая вверх волосы, и счастливым голосом рассказывать о событиях ее дней и ночей. Она любила свою работу, любила руководителей, любила товарищей, она любила Францию. И Дуна чувствовал, как она физически передает ему эту свою страсть. Потому он тоже любил Сопротивление. Он больше не беспокоился, не чувствовал отвращения к жизни без дома и без имени. Под красным одеялом он мог прижиматься к плечам и груди Франсуазы. Ее теплое, открытое, красивое тело стало для него прекрасным укрытием, местом для убежища. Необычайное чувство безопасности усиливало удовольствие.

- Ну? - спросил Феликс, полностью вынув револьвер.

- Это невозможно... это невозможно, - сказал Лемаск. - Я здесь был еще до вас. Здесь все слышно. Прислушайтесь.

В соседнем домике маленькая девочка начала напевать тонкую, монотонную мелодию. Казалось, что песня звучит в самой комнате.

- Эти стены как из папиросной бумаги, -с яростью сказал Лемаск.

Феликс спрятал револьвер в карман и прорычал:

- Ну когда же эти чертовы англичане наконец-то пришлют нам бесшумные пистолеты, о которых мы их просили?

- Пойдем со мной, - сказал Жербье. - Поищем место получше.

Жербье и Феликс вышли из комнаты. Лемаск мгновенно встал перед дверью, на тот случай, если бы Дуна захотел сбежать. Но Дуна оставался неподвижен.

Лемаск не ожидал ничего того, что происходило. Он готовился с глубоким восторгом к акту, который должен был быть ужасным, но очень торжественным. Должны были сидеть три человека: руководитель организации, Феликс и он сам. Перед

ними предатель должен был защищать свою жизнь ложью, с отчаянными криками. Они должны были поймать его на противоречиях. А затем Лемаск должен был убить его, гордясь тем, что проткнул преступное сердце. Вместо этого мрачного и сурового правосудия - песня маленькой девочки, шаги его соратников, отзывающиеся на верхнем этаже, а перед ним - человек со светлыми рыжими волосами, молодой, с печальным, смиренным лицом, с родинкой прямо над серединой верхней губы, смотревший, не отрываясь, на красное одеяло.

На самом деле Дуна больше не видел одеяла. Он видел лишь Франсуазу, в участке, среди пытающих ее полицейских. Дуна все больше прислонялся к стене. Он был на грани обморока. Но в глубине его слабости был только ужас.

Маленькая девочка продолжала петь. Ее дрожащий тонкий голосок невыносимо действовал Лемаску на нервы.

- Как вы могли это сделать? - спросил он Поля Дуна.

Тот механически поднял голову. Лемаск не мог угадать видения, проносившиеся в памяти Дуна, придавая его глазам такое покорное, стыдливое и озабоченное выражение. Но он видел в них такое глубокое человеческое несчастье, как будто Дуна плакал.

Вернулись Жербье и Феликс.

- Бесполезно, - сказал Феликс. - Подвал соединяется с подвалом соседнего дома, а на чердаке слышимость еще лучше, чем здесь.

- Но мы должны что-то сделать, мы должны, - бормотал Лемаск, его руки уже дрожали от нетерпения.

- У нас должен был быть тяжелый нож. У Бизона всегда есть такой с собой.

- Нож, - пробормотал Лемаск. - Нож... Вы же не всерьез?

Открытое круглое лицо Феликса налилось кровью.

- Ты думаешь, мы пришли сюда ради забавы, дурень? - рычал Феликс почти угрожающим тоном.

- Если вы попытаетесь сделать это, я остановлю вас, - зашептал Лемаск.

- А я выбью все твои зубы, - сказал Феликс.

Жербье опять улыбнулся.

- Посмотри в столовой и на кухне, может найдешь там что-то, что может пригодиться, - сказал он Феликсу.

Лемаск возбужденно подбежал к Жербье и сказал ему на ухо:

- Это невозможно, только подумайте, я прошу вас. Это же убийство.

- Но мы все равно пришли сюда, чтобы убить, - сказал Жербье. - Ты согласен?

- Я... Я согласен... - заикался Лемаск. - Но таким образом... Мы должны...

- Таким образом, как нужно сделать, я знаю, знаю, - сказал Жербье.

Лемаск еще не привык к его полуулыбке.

- Я не боюсь, клянусь вам.

- Я знаю, я знаю... Это что-то совсем другое, - ответил Жербье.

- Я ведь делаю что-то подобное в первый раз в жизни, понимаете, продолжал Лемаск.

- Для меня это тоже впервые, - сказал Жербье. - Думаю, все получится.

Он посмотрел на Поля Дуна, который, съежившись, казался совсем маленьким. Его слабость исчезла, как и образ Франсуазы. Наступала последняя эра мира.

Дверь открылась.

- Проклятый дом, - сказал Феликс, руки его были пусты.

Он выглядел очень устало, его взгляд бродил по комнате, обходя место, где стоял Дуна.

- Мне кажется, - быстро сказал Феликс, - мне кажется, что лучше было бы оставить его тут до ночи, пока не придет Бизон.

- Нет, - сказал Жербье. - Мы слишком заняты, а кроме того, я уже хочу доложить шефу, что дело сделано.

- Боже мой, Боже мой, мы же не можем пробить ему череп рукояткой револьвера, -сказал Феликс.

Поль Дуна в этот момент сделал свое первое спонтанное движение. Он безвольно забил хилыми руками и выставил ладони перед лицом. Жербье понял, как сильно Дуна боится физических страданий.

- Намного больше смерти, - подумал Жербье. - Вот так полиция и заставила его предавать.

Жербье обратился к Феликсу:

- Вставь ему кляп.

Когда Феликс заткнул рот Дуна своим крепко скрученным носовым платком, а Дуна упал на матрас, Жербье спокойно сказал:

- Задушите его.

- Как? Руками? - спросил Феликс.

- Нет, - ответил Жербье. - В кухне есть полотенце, оно прекрасно подойдет.

Лемаск начал шагать по комнате. Он не замечал, что так сжимает пальцы, что костяшки трещат. Внезапно он навострил уши. Маленькая девочка в соседнем домике снова начала петь. На лице его было такое выражение, что Жербье опасался, как бы у парня не произошел нервный срыв. Он подошел к Лемаску и

грубо опустил его руки.

- Теперь не суетись, - сказал Жербье. - Дуна должен умереть. Для этого ты пришел сюда - чтобы помочь нам. Из-за него застрелили одного нашего радиста. Другой товарищ подыхает в Германии - тебе этого мало?

Молодой человек хотел что-то сказать, но Жербье не дал ему этого шанса.

- Ты чиновник в ратуше. Я это знаю, и ты офицер резерва. И это не твоя работа - убивать беззащитного человека. Но Феликс автомеханик, а я инженер. Но правда в том, что сейчас и ты, и Феликс, и я только члены движения Сопротивления, и никто больше. И это меняет все. Разве ты мог подумать раньше, что тебе придется заняться изготовлением поддельных печатей и штампов, фальшивых документов, что ты будешь гордиться этой работой? Ты просил о более серьезной работе. Тебе ее дали. Теперь не жалуйся.

Феликс вернулся бесшумно и внимательно слушал.

- У нас есть специалист по казням, - продолжал Жербье. - Но сегодня он отдыхает. Кто-то другой должен сделать его тяжелую работу. Нам придется научиться. Это не месть. Это даже не правосудие. Это необходимость. У нас же нет тюрем, чтобы защищаться от опасных людей.

- Верно, - сказал Феликс. - Я рад, что послушал тебя.

Его открытое круглое лицо выражало непреклонную ясность. Он осторожно развернул длинное кухонное полотенце, которое принес с кухни. Лемаск все еще дрожал. Но его дрожь была подобна слабости после приступа жара.

- Перенесите Дуна на это кресло, - приказал Жербье. - Феликс пусть встанет перед ним, я буду держать его руки, а Лемаск - ноги.

Дуна не сопротивлялся.

И рассеянно поражаясь тому, с какой легкостью все осуществлялось - со столь немногочисленными внутренними препятствиями - Жербье встал за спинкой кресла, над которой торчала голова Дуна. Но когда он взял Дуна за плечи, то остановился. Он только сейчас заметил, что на шее Дуна, чуть ниже уха, есть такая же родинка, что над верхней губой. Из-за этого крошечного пятнышка плоть вокруг него показалась более живой, более нежной, еще более уязвимой, как кусочек детства. И Жербье чувствовал, что эта плоть неспособна вынести ни грамма страданий. С такой плотью предательство Дуна показалось невинным. Бизон смог бы вынести пытки. И Феликс. И сам Жербье. Но Дуна не смог, как не смог бы и этот молодой человек, который сжимал колени приговоренного, и дышал как человек в

последней стадии агонии.

Стоя напротив Жербье, Феликс ждал, пока руководитель даст ему сигнал. Но руки Жербье так окаменели, что он не мог поднять их до плеч Дуна.

- Без сомнения, в этот момент выражение лица Феликса было куда страшнее, чем у его жертвы, - подумал Жербье.

Потом он подумал о доброте Феликса, об его верности и храбрости, о его жене, о болезненном и недоедающем маленьком сыне, обо всем, что сделал Феликс для Сопротивления. Не убить Дуна означало убить Феликса. Живой Дуна мог выдать Феликса. Это тоже можно было прочесть на маленьком коричневом пятнышке и на нежной плоти вокруг его. Вдруг Жербье снова почувствовал силу в своих руках. Не вина Дуна в том, что ему придется умереть, и не вина тех, кто убьет его. Тот единственный, кто виновен во всем - враг, навязавший фатальный ужас французам.

Руки Жербье упали на плечи Дуна, но в то же время Жербье прошептал ему в ухо:

- Клянусь тебе, старина, ты не почувствуешь никакой боли.

Скрученное кухонное полотенце обвило слабую шею. Феликс бешено рванул за оба конца. Жербье почувствовал, как быстро жизнь покинула руки, которые он держал. Ему показалось, что конвульсии прошли по его собственному телу. Каждая из них давала Жербье новый заряд ненависти к немцам и тем, кто стал их орудиями.

Жербье перенес тело Дуна на матрас и накрыл красным одеялом.

Он подошел к окну. Через щели в ставнях он увидел только пустой участок земли. Место действительно было подобрано удачно.

Феликс надел свой котелок. Его короткие толстые ноги все еще не могли успокоиться.

- Мы идем? - спросил он хриплым голосом.

- Минутку, - сказал Жербье.

Лемаск подошел к нему. Его острое, нервное лицо все было покрыто потом.

- Я не думал, - сказал он, - что один человек может сделать так много для движения Сопротивления.

Он тихо заплакал.

- Я тоже не думал, - сказал Жербье.

Он бросил быстрый взгляд на красное одеяло и добрым голосом сказал Лемаску:

- Ты всегда должен носить с собой таблетки цианида. И если тебя схватят, придется воспользоваться ими, старина.

Отправка в Гибралтар

Жан-Франсуа очень быстро шел вдоль Английской променады, хотя было еще слишком рано, чтобы посетить фешенебельный бар и, как каждый день, встретиться там с парой друзей, такими же, как и он, беженцами из Парижа, кому, как и ему, нечего было делать.

Жан-Франсуа торопился из-за солнца, из-за моря, накатывавшего на берег, и из-за своей молодости. Перед тем как выйти на Площадь Массена, Жан-Франсуа остановился у ателье модного портного. В витрине висели халаты из тончайшего шелка, которые можно было купить без карточек. Жану-Франсуа не слишком была нужна одежда. Но он все же зашел в ателье. Так или иначе, ему чем-то необходимо было заняться. Продавец улыбнулся ему, потому что все улыбались Жану-Франсуа. Жан-Франсуа был красив, строен, прост, с голубыми глазами, которым нечего было скрывать. И так как продавец улыбнулся ему, Жан-Франсуа купил два шелковых халата. Он вышел на улицу, чувствуя себя полным дураком, и рассмеялся. В эту минуту он заметил человека в кожаной куртке, невысокого, толстенького и сильного, у которого плечи при ходьбе очень сильно тряслись.

- Феликс, - радостно крикнул Жан-Франсуа, - Феликс Тонзура!

Человек обернулся твердым, быстрым движением, узнал Жана-Франсуа и только потом улыбнулся. Они вместе служили в разведывательном корпусе во время войны.

- Ты не изменился, старина, - сказал Феликс, - все такой же молодой и красивый.

- А как насчет тебя, давай посмотрим.., - начал Жан-Франсуа.

Он захотел снять с Феликса Тонзуры шляпу, чтобы посмеяться над его лысиной, благодаря которой тот заработал свое прозвище. Но Феликс остановил его.

- Я боюсь сквозняков, - сказал он грубовато.

- Как тебе живется в Ницце? Что с твоим гаражом в Леваллуа? - спросил Жан-Франсуа.

- Фрицы заставили меня работать на них в их ремонтной мастерской. Ну, ты можешь себе представить, я оставил им парочку изуродованных машин.

Полное, напряженное лицо Феликса приобрело то незабываемое выражение, которое всегда замечал Жан-Франсуа, когда Феликс сидел в засаде или выходил на патрулирование. Он был храбрым, прямым, честным человеком, а таких людей Жан-Франсуа любил.

- Давай выпьем, - сказал он.

Но Феликс отказался. Выпить можно и позже. Сначала он

хотел поговорить с Жаном-Франсуа.

- Что ты сейчас делаешь в гражданской жизни? - спросил Феликс.

- Ничего, - ответил Жан-Франсуа.

- А против бошей{5}?

- Ну, тоже ничего, - сказал Жан-Франсуа медленно.

- Почему ничего?

- Не знаю, - ответил Жан-Франсуа. - А что я могу сделать против них? Что можно сделать в одиночку?.. И никого нет вокруг...

- Ну, я нашел тебе одну работенку, лодырь, - сказал Феликс. - Как раз для тебя. Доставлять секретные бумаги в штаб, прятать оружие и учить молодых ребят обманывать полицейских и Гестапо. Настоящая работа для разведчика. Большая жизнь.

- Большая жизнь, - повторил Жан-Франсуа.

Внезапно он почувствовал потребность в ком-то, кто руководил бы им.

- Тебе придется вставать рано, - продолжал Феликс, - и проводить ночи в дороге, не зная, что происходит, и даже не стараясь это узнать.

- Я люблю путешествия и я не слишком любопытен, ты знаешь, - сказал Жан-Франсуа.

Феликс Тонзура на мгновение сконцентрировал взгляд на атлетических плечах собеседника, на его красивом лице, таком светлом и решительном.

- Нам как раз нужны такие бойцы, как ты. Этот день прошел для меня не зря.

Они прошли немного в тишине, довольные друг другом. Затем Феликс сказал:

- Мы встретимся с тобой завтра в Марселе. У меня там маленькая велосипедная лавка. Благодаря ей я обеспечиваю своих детей и имею прикрытие. Я скажу тебе адрес.

Жан-Франсуа полез в карман за записной книжкой.

-Не так, мой мальчик, не так, - воскликнул Феликс. - Никогда ничего не записывай. Все учи наизусть, все держи только в голове.

Феликс жестко взглянул на Жана-Франсуа и продолжал;

- И забудь, что у тебя есть язык. Держи рот на замке. Понятно?

- Я же не сумасшедший, - сказал Жан-Франсуа.

- Так все говорят, - заметил Феликс, - но потом оказывается, что у тебя есть жена...

Жан-Франсуа пожал плечами.

- Или родственники, от которых ты никогда ничего не

скрываешь, продолжал Феликс.

- Мои родители умерли, у меня есть только старший брат, который не захотел уехать из Парижа, - сказал Жан-Франсуа.

Он вдруг рассмеялся и добавил:

- Я без ума от него, но если я ему что-то и расскажу, то это совершенно безопасно. Он как ребенок.

Феликс посмотрел на лицо Жана-Франсуа, такое свежее и розовое, и тоже рассмеялся.

- И вот что ты должен знать, - сказал он и дал Жану-Франсуа свой адрес. Потом они зашли в первое попавшееся по дороге кафе. Это был как раз тот день, когда там продавали ликер.

II

Жизнь Жана-Франсуа действительно начала приходить в порядок. В ней теперь совмещались все элементы, которые ему нравились: тяжелые физические нагрузки, риск и радость от прохождения через сети врага, товарищество, подчинение руководителю группы, который ему нравился. Другие брали на себя заботу думать и отдавать приказы. Он только получал удовольствие. Он с удовольствием ехал на велосипеде по прекрасным прибрежным дорогам. Он ездил на поезде в Тулузу, Лион или Савойю. Он пересекал границы запретной зоны назло немецким таможенникам и их собакам. Он носил шифрованные донесения, переправлял взрывчатку, оружие, радиостанции. В амбарах, сараях, пещерах, подвалах, на лесных полянках он учил простых, смелых, серьезных и страстных людей обращаться с английскими автоматами{6}. Он представлялся им под псевдонимом, и сам не знал, кто они. Они любили друг друга, несмотря на секретность, с несоизмеримым теплом и доверительностью. Однажды утром ему пришлось несколько километров плыть в маске, чтобы подобрать таинственную посылку, спущенную в море с таинственного катера. При лунном свете он собрал несколько парашютов, сброшенных с бреющего полета.

Феликс Тонзура (Жан-Франсуа по-прежнему знал только его в рядах организации) не берег своего товарища по разведывательному корпусу ни от усталости, ни от опасности. - С твоим детским личиком, - говорил он, - ты повсюду пройдешь.

Это было правдой. И Жан-Франсуа чувствовал это. И эта готовность к сотрудничеству, это дружелюбие и вера удваивали его силы, храбрость и удовольствие.

Секретная деятельность как смола. Она затягивает все больше и больше. Чем больше ты уже сделал, тем больше остается нерешенных задач. Потребности огромны. Решительных людей со свободным временем и деньгами было очень мало. Жан-

Франсуа больше не спал две ночи подряд под одной крышей. Он жил в самом сердце опасности. Незаметно он стал человеком, совершавшим самые опасные подвиги. Этим он был обязан своей выносливости, своему умению, своей счастливой храбрости. В свою очередь, он не проник глубже в секреты организации, в которую входил. Он - с горсткой бесстрашных ребят - был подотчетен только Феликсу Тонзуре. Феликс, в свою очередь, получал приказы от вышестоящего начальства. За этим всем была полная тьма. Но эта тайна не смущала, не мучила и даже не интересовала Жана-Франсуа. Он не чувствовал ни ее важности, ни ее поэтичности. Он был рожден для движения и для игры. Неизвестное лицо, которое, не зная его, распоряжалось его существованием, беспрестанно предоставляло ему возможности и для того, и для другого, и только это имело для Жана-Франсуа значение.

III

Миссия, которую осуществлял Жан-Франсуа в Париже, показала ему, насколько полно его сформировала и втянула тайная жизнь.

Когда Жан-Франсуа вышел из поезда на Лионском вокзале, в руке у него был чемоданчик с английской рацией, сброшенной на парашюте в центральном департаменте несколько дней назад. Человека, схваченного с таким чемоданчиком, ожидала смерть под пытками.

В это утро агенты Гестапо и полевой жандармерии проверяли весь багаж на конечной станции.

Жану-Франсуа некогда было думать. Рядом с ним ребенок с большими коленками и толстыми икрами с болезненным видом спешил за пожилой женщиной. Жан-Франсуа взял ребенка на руки и в то же самое время передал чемоданчик немецкому солдату, проходящему рядом с оружием, висящим на плече.

- Подержите, старина, - сказал ему Жан-Франсуа, улыбаясь, - а то я не справлюсь сам.

Немец посмотрел на Жана-Франсуа, улыбнулся в ответ и взял чемоданчик без проверки. Спустя несколько минут Жан-Франсуа сидел в вагоне метро, поставив между ног свой чемоданчик.

Но это утро действительно не было добрым. На станции, где Жан-Франсуа должен был выйти, его ожидал очередной барьер - на этот раз из французских полицейских. Жану-Франсуа пришлось открыть чемоданчик.

- Что там у вас? - спросил полицейский.

- Посмотрите сами, офицер, - ответил Жан-Франсуа просто, - радио.

-Хорошо, проходите, - сказал полицейский.

Смеясь про себя из-за этой двукратной удачи, Жан-Франсуа передал радиопередатчик торговцу подержанной мебелью на левом берегу Сены. Тот попросил его пообедать с ним. Он, как и днем раньше, удачно обменял прикроватный столик на прекрасную копченую колбасу и немного масла и с удовольствием разделил бы праздничный обед со своим товарищем.

- Зайдите и понюхайте, - сказал продавец.

Он провел Жана-Франсуа в заднюю комнату. На железной решетке нежно жарилась колбаса. У Жана-Франсуа от вожделения расширились ноздри. Но он, поблагодарив, отказался. Он должен был сделать еще один сюрприз.

Чемоданчик Жана-Франсуа был удивительно легким. И, несмотря на усталость после напряженной ночи он чувствовал себя прекрасно. Половину Парижа он прошел пешком. Толпы во вражеской форме, тяжелая и меланхолическая тишина на улицах не смогли испортить его хорошего настроения. Этим утром он одержал свою победу.

Размахивая чемоданчиком и насвистывая марш своего бывшего полка, Жан-Франсуа вышел на Авеню де ла Мюэт перед фасадом смешного и милого маленького дома, построенного в конце прошлого века, который принадлежал его старшему брату. Здесь в маленьком особняке хранились прекрасные картины, бесчисленные книги и несколько прекрасных старинных музыкальных инструментов. Здесь также были, еще до вторжения, тихая утонченная женщина и маленький драчливый мальчуган с глазами Жана-Франсуа. Мать и ребенок уехали в деревню перед самым приходом немцев и все еще не вернулись. Но брат Жана-Франсуа отказался бросить свой дом из-за картин, книг и музыкальных инструментов.

Жан-Франсуа не разрешил старой экономке объявить об его приходе и бесшумно открыл дверь библиотеки. Там он и увидел своего брата, сидящего в кресле и читавшего толстый том. Лицо его нельзя было разглядеть, потому что на нем было тяжелое пальто с поднятым воротником и шерстяная шапка, натянутая по самые уши. Этот вид показался Жану-Франсуа очень смешным. Все еще разгоряченный от быстрой ходьбы он не заметил, что в доме был настоящий мороз.

- Здравствуй, Сен-Люк! - закричал Жан-Франсуа.

Имя брата было просто Люк. Но из-за его ровного темперамента, любви к духовной жизни и его доброжелательности ко всем людям несколько одноклассников прозвали его Сен-Люк - Святой Лука. Это имя прижилось и в семье.

- Маленький Жан, маленький Жан, - сказал Люк, голова которого едва доставала до плеч Жана-Франсуа.

Братья обнялись. Между ними была значительная разница в возрасте, но для Жана-Франсуа это не имело значения. Напротив, он считал себя намного сильнее, практичнее и находчивее брата.

- Все книги все еще здесь, и клавесин, и гобой, - сказал Жан-Франсуа. Значит, жизнь все еще прекрасна.

- Все еще, все еще, - нежно ответил Люк.

Потом он спросил:

- Но как ты приехал сюда, маленький Жан? Я надеюсь, у тебя есть "аусвайс"?{7}

- Ох, ох! Святой Лука больше не витает в облаках. Он даже сам знает, что нужно иметь "аусвайс"! - воскликнул Жан-Франсуа.

Он рассмеялся, а за ним и сам Люк. Жан-Франсуа смеялся очень громко, а Люк почти беззвучно. Но во всем прочем это был один и тот же смех.

- Да, у меня есть "аусвайс", Сен-Люк, - сказал Жан-Франсуа. - И даже... и даже...

Жан-Франсуа остановился на минутку, потому что едва не сказал, что его пропуск - фальшивый, прекрасная подделка. Потому он заключил:

- И я даже умираю от голода.

- Давай пообедаем прямо сейчас, - сказал Люк.

Он позвал старую экономку и спросил ее:

- Что у нас есть хорошего сегодня?

-Ну, желтая репа, как и вчера, месье Люк, - сказала служанка.

- Ах, ах! И что еще?

- Немножко сыра, продававшегося без карточек{8}, - добавила экономка.

- Ах, ах! - сказал Люк.

Он посмотрел на Жана-Франсуа с виноватым выражением лица.

- Еще есть немного масла, которое мадам прислала из деревни на прошлой неделе, - продолжала экономка. - Но у нас уже нет хлеба, на который его можно было бы намазать.

- У меня куча хлебных карточек, - воскликнул Жан-Франсуа, - и я даже. .

- Он снова поймал себя на слове. Эти карточки были украдены для организации одним чиновником в ратуше, и Жан-Франсуа едва не проболтался об этом.

- И я даже могу их вам оставить, - добавил Жан-Франсуа.

Экономка схватила карточки с какой-то жестокой жадностью и побежала в булочную.

- Ты сам ничего не можешь ни достать, ни приготовить, -

сказал Жан-Франсуа брату, повысив голос. - А ты ведь всегда любил изысканную еду.

- Я и сейчас люблю, - вздохнул Люк, - но что теперь поделаешь...

- А как насчет черного рынка? - спросил Жан-Франсуа.

- Старушка Марион боится жандармов, - сказал Люк, - а я...

- И ты тоже боишься, Сен-Люк, - уже более дружелюбно сказал Жан-Франсуа, хоть и немножко пренебрежительно.

Они поели на кухне, потому что только там был огонь. Люк все еще сидел в пальто и в шапке.

-Я экономлю на обогреве, - сказал он.

- Ну, я сегодня утром два раза подряд так согрелся, что думал, что умру, - воскликнул Жан-Франсуа.

Он снова вовремя остановился и объяснил:

- В этих поездах и переполненном метро вполне можно свариться.

В этот миг Жан-Франсуа вспомнил о торговце мебелью и пожалел, что отклонил его приглашение. Но потом он устыдился. Не мог же он предпочесть колбасу встрече с братом, которого не видел два года? Но когда Люк расспрашивал его о деталях путешествия, Жан-Франсуа понял, что он с таким сожалением вспомнил о задней комнате торговца мебелью не из-за колбасы, а лишь потому, что там он мог бы вполне честно рассказывать о своем поддельном "аусвайсе" и поражать его умением подделывать документы, и мог раскрыть тайну приобретения хлебных карточек, и, кроме всего прочего, - долго рассказывать о двух приключениях этого дня и о многих других вещах, и вместе с ним смеяться над немцами и французской полицией. А торговец, лавка которого служила и подпольным складом и "почтовым ящиком", со своей стороны мог рассказать сотню подобных интересных историй.

И Жан-Франсуа почувствовал, что маленький торговец, которого он едва знал, оказался сейчас ближе к нему, чем брат, которого он всегда нежно любил и продолжал любить, но с которым его уже ничего не связывало, кроме воспоминаний. Жизнь - реальную жизнь, во всей своей теплоте, со всей ее глубиной и огромным богатством ощущений - он мог разделить только с людьми вроде Феликса и Бизона, или с девушкой-рабочей, больной туберкулезом, которая спрятала его на два дня, или с инженером-железнодорожником с яркими голубыми глазами на покрытом сажей лице, который помогал ему перевозить оружие.

Жан-Франсуа уже пережил такое чувство на войне, со своими товарищами-добровольцами. Но тогда он мог открыто говорить о

них во всей Франции. Теперь ему приходилось все скрывать от всех, за исключением соратников тайной войне. И это делало из них для Жана-Франсуа людей, принадлежность и близость к которым он чувствовал.

Феликс разрешил Жану-Франсуа побыть три дня в Париже, но он сел на поезд, идущий на юг , уже тем же вечером.

Позднее он утверждал, что у него было предчувствие.

IV

В то время, как Жан-Франсуа обедал со своим братом в Париже, Жербье в Лионе принимал Феликса. Их встреча прошла в театральном агентстве. Его директор предоставил Жербье одно из своих бюро, чтобы тот мог принимать самых разных и удивительно выглядевших людей, не привлекая лишнего внимания.

Люди, которые знали Жербье и Феликса, ни в коем случае не должны были заметить ни малейшего изменения в их отношениях. Но Феликс и Жербье после казни Поля Дуна не чувствовали себя столь же естественно вместе, как это было до нее. Потому они говорили несколько быстрее и более напряженным тоном, чем раньше.

- Я послал за тобой, потому что это срочное дело, - сказал Жербье. Они обыскали все владение нашего друга доктора в юго-западном секторе. Весь дом перетрусили снизу доверху. К счастью, там в тот день не прятался никто из наших людей. Он выпутался, но место "засвечено".

- Понимаю, понимаю, - сказал Феликс.

- Сколько людей всего тебе нужно отправить в Гибралтар? - спросил Жербье.

- Ну, два канадских офицера "коммандос" из Дьеппа, как ты знаешь, три новых парняиз британских Королевских ВВС, спрыгнувших с парашютом, и еще два бельгийца, из числа тех, что были приговорены бошами к смерти.

- И еще один из наших радистов, которого мы направляем на обучение в Англию, и еще девушка, - сказал Жербье. - Всего выходит девять. Где они будут ждать подлодку?

- Боже мой, - воскликнул Феликс. - Дом доктора был самым удобным. Снова кто-то навел на него. Это работа или легионеров S.O.L. {9} или кого-то из людей Дорио{*9}. Я...

Он сжал кулаки, но не закончил фразу. Его взгляд встретился с взглядом Жербье. И они оба вспомнили о Дуна.

- Это сейчас не самая важная проблема, - быстро сказал Жербье. - Где же нам их разместить?

- Может разместить их маленькими группами по деревням? - спросил Феликс.

- Нет, - возразил Жербье. - Они уже и так наделали глупостей. Канадский полковник пошел в кафе. Он думал, что говорит по-французски без акцента, и все теперь знают, кто есть кто. На деревенское население можно положиться, в том числе и на жандармов. Но если попадется болтун. .

- Или пьяница.

- И потом подлодка возвращается с операции, - продолжал Жербье. - Об ее прибытии нам сообщат только за день. Они все должны быть где-то поблизости.

Феликс медленно тер свою макушку, пока тонзура не покраснела.

- Тогда нам придется провести разведку на местности в регионе и найти поместье, постоялый двор, фабрику, где примут наших людей, - сказал Жербье. - и найти в течение сорока восьми часов.

- Это рискованно, - сказал Феликс.

- Я знаю.

Жербье подумал о телеграмме, которую получил из Лондона. В ней генеральный штаб выражал свое удивление проволочками и неосторожностью организации. И он добавил с некоторой горечью:

- Мы не компания, страхующая от всех рисков.

- При условиях, в которых мы работаем, это в большей степени обходной путь.

- Все зависит от человека, которого ты подберешь для этой миссии, резюмировал Жербье. - Не нужен организатор с большим умом. Нужна решительность, хороший, быстрый глаз, чтобы узнавать людей, которым он сможет доверять. Это вопрос инстинкта.

- Понимаю, понимаю, - сказал Феликс. - И у меня есть парень, который выполнит приказ. Товарищ по добровольческому корпусу. Ты его никогда не видел, но ты знаешь, о ком я. У него нос, как у охотничьей собаки. Но он сейчас в Париже. Он должен был доставить новый радиопередатчик Дюбуа Дьё сегодня утром.

- А когда он вернется?

- Через три дня.

- Почему не раньше?

- У него в Париже брат, которого он не видел с войны... Я ведь не знал, что он нам так быстро понадобится, - сказал Феликс.

- Ох, эти семейные дела, - сказал Жербье сквозь зубы.

- Это замечание было в мой адрес? Феликс контролировал свой голос, но эта фраза прозвучала так агрессивно, что Жербье не решился ответить. Глаза у Феликса горели от недосыпания,

веки покраснели, а круглое лицо было землистого цвета.

- Он мало спит, его нервы на пределе, - подумал Жербье. - Но из нас никто не спит достаточно.

Феликс, увидев, что Жербье молчит, снова выпалил с той же грубостью:

- Если твое замечание о семье касалось меня, то ты слишком далеко зашел.

До этого момента Жербье не знал, как ему поступить. Но тут он вспомнил и спросил:

- Как чувствует себя твой сынишка?

- Не очень хорошо, - сказал Феликс. - Доктор нашел у него в легком ганглии...

- Тебе нужно отправить его в деревню, - сказал Феликс.

- На какие деньги? - спросил Феликс. - Ведь если человек постоянно в разъездах, как я, или занят тысячей дел одновременно, у него нет ни минуты, чтобы заработать хоть пару су. Нам едва хватает на еду, и то только потому, что моя жена работает экономкой. А у моей жены есть гордость. Теперь она обвиняет меня в том, что я лентяй и бесполезный человек. А что мне ей сказать? А малыш все время один сидит в сырой лавке.

- Ты мне никогда об этом не рассказывал, - сказал Жербье. - Мы бы нашли средства...

- Пожалуйста, месье Жербье, - сказал Феликс. - Разве я похож на попрошайку?

Жербье задумчиво водил пальцем по столу, за которым сидел. В этот момент Феликс, автомеханик, напомнил ему Роже Легрэна, молодого электрика, больного туберкулезом, в лагере в Л. Та же самая верность долгу... То же самое чувство чести...

Молчание Жербье теперь глубоко взволновало Феликса.

- Я рассказывал все это не для того, чтобы пожаловаться - пробормотал он. - Я не знаю, что на меня нашло. Когда ты говорил о семье, я подумал, что ты, ну, что ты один, что тебя ни с кем ничего не связывает. Это даже удача для такой работы, которую мы делаем.

Жербье продолжал расчерчивать стол своим ногтем. Он не был связан ни с кем, это правда. Ближе всего в своих личных отношениях он привязался к Легрэну. Но Легрэн отказался бежать...

Это удача....

- Так кого мы направим в разведку? - резко спросил Жербье.

-Я пойду сам, - сказал Феликс.

Жербье снова посмотрел на воспаленные веки Феликса, на нездоровый цвет его щек.

- Тебе нужно хорошо выспаться ночью, - сказал Жербье.

- Я за это не переживаю. Но я поклялся моей жене и сыну, что схожу с ними в кино завтра в субботу.

Но Феликсу действительно удалось выполнить свое обещание. Он встретил Жана-Франсуа, прибывшего экспрессом "Париж - Ницца".

V

Ферма размещалась на середине пути между большим национальным шоссе и морем. Просторные хозяйственные сооружения, построенные в старинном стиле, образовывали подкову, окаймлявшую главный дом. В сторону моря, почти до самой воды, разместились ухоженные поля, виноградники, сады. Эти земли были огорожены низкими стенами. Жан-Франсуа, сидевший на тропе, положил рядом на землю велосипед и смотрел на ферму. Из всех возможных убежищ, которые он увидел за день, это показалось ему самым подходящим во всех отношениях. Жан-Франсуа вскочил в седло и поехал.

На дворе цыплята ковырялись в грязи, а у свинарника старый сельскохозяйственный рабочий колол дрова.

- Где хозяин? - спросил его Жан-Франсуа.

Старик с трудом выпрямился, вытер бесстрастное лицо обратной стороной своего запачканного рукава и приставил ладонь к уху.

-Я вас не слышу, - сказал он.

- Хозяин, - громко прокричал Жан-Франсуа.

Открылась дверь, и вышла женщина в черном платье и шали. Она была средних лет, невысокая, и очень прямо держала голову.

- Хозяина нет, он в городе, - сказала она с острым и живым местным акцентом.

Жан-Франсуа несколько раз улыбнулся ей.

- Это не имеет значения, мадам, - сказал он. - Вы настоящая хозяйка, я уверен.

На Жане-Франсуа был теплый свитер с высоким воротом, пара старых бриджей, велосипедные чулки и старые спортивные туфли. Но из-за его рук, осанки и голоса фермерша была уверена, что он представитель обеспеченного класса.

- Если вы с черного рынка, то бесполезно, - сказала она. - Нам нечего продавать.

- Ну, а могу я попросить у вас попить, - сказал Жан-Франсуа. - У меня в горле пересохло.

На веках и лбу молодого человека был тонкий слой пыли. Зима в этом регионе была очень мягкой, и дороги совсем сухими.

- Заходите, - сказала женщина.

В большой гостиной в узком камине горел огонь. Старая сельская мебель блестела в лучах заходящего солнца. Снаружи

доносился сухой звук колки дров и писк цыплят. Хозяйка поставила на стол бутылку и стакан.

- Воды было бы вполне достаточно, - сказал Жан-Франсуа.

- Огюстина Вьелла никогда не отказывала путнику в стакане вина, даже в эти трудные времена, - сказала женщина с гордостью.

Жан-Франсуа пил медленно, и удовольствие,_ получаемое от каждого глотка, отражалось на его сияющем лице.

- Еще стаканчик? - спросила Огюстина Вьелла.

- С удовольствием, - ответил Жан-Франсуа. - У вас хорошее вино.

- Это с нашей собственной земли, - сказала фермерша.

Она понаблюдала, как Жан-Франсуа пьет, и вздохнула. У нее не было сына, и ей очень бы хотелось, чтобы у нее был такой большой мальчик, как этот, сильный, красивый и простой.

- Вы были на войне? - спросила она.

- От начала до конца, - ответил Жан-Франсуа, - в разведывательном корпусе.

- В разведывательном корпусе, - заметила Огюстина Вьелла, - были очень хорошие солдаты, как говорят.

- Как говорят, - повторил Жан-Франсуа со смехом.

Он внезапно встал, подошел к радиоприемнику на комоде, включил его и повернул ручку настройки на частоту Лондона.

- В это время передач нет, - сказала фермерша.

Она стояла у стола. Жан-Франсуа подошел и уселся рядом с ней на угол стола.

- До наступления ночи мне нужно найти место, чтобы спрятать нескольких товарищей, - сказал он.

На лице женщины ничего не отразилось, но она понизила голос и спросила:

- Это сбежавшие заключенные?

- Они англичане, - сказал Жан-Франсуа.

- Как англичане, что вы имеете в виду? - воскликнула Огюстина Вьелла.

От удивления она повысила голос. И с инстинктивной тревогой посмотрела в окно. Но увидела только глухого работника.

- Несколько после рейда на Дьепп и еще несколько сбитых летчиков, объяснил Жан-Франсуа.

- Святая Дева, - пробормотала Огюстина Вьелла, - Святая Дева... Британские солдаты здесь. Я была уверена, что они только в наших северных провинциях.

- Там они и начинали прятаться, правильно, - сказал Жан-Франсуа. - Там с ними превосходно обходились.

- На это следовало надеяться, - сказала фермерша. - Британские солдаты найдут хороший приют в любом добром доме во всей Франции.

Огюстина Вьелла завязала концы своей черной шали на груди, и шаль слегка задрожала.

- Так я смогу привести их к вам? - спросил Жан-Франсуа.

- Я должна даже поблагодарить вас, - сказала фермерша.

- Это небезопасно, я должен предупредить вас, - сказал Жан-Франсуа. - И также с ними...

- Я думаю, вы еще слишком молоды, мой малыш, чтобы давать мне советы в моем доме, - прервала его Огюстина Вьелла.

- А как насчет их безопасности? - спросил Жан-Франсуа.

- Мой муж и дочь думают так же, как и я, а работник был здесь еще во время моего свекра, - нетерпеливо сказала Огюстина Вьелла.

- Их будет семь или восемь человек, - сказал Жан-Франсуа.

- Дом большой.

- А как с едой?

Никто не умрет от голода, слава Богу, даже в это несчастное время, в доме у Огюстины Вьелла, - заверила хозяйка.

VI

Они прибыли маленькими группками за две ночи. Канадские "коммандос" из Дьеппа добирались сюда через десять убежищ: рыбацкие хижины, поместья деревенских землевладельцев, горные хутора, придорожные гостиницы. Двух раненых летчиков Королевских ВВС несколько недель лечил в своем доме деревенский врач. Наконец Феликс привел молчаливого поляка, которому немцы до побега переломали все пальцы на правой руке.

Чтобы соорудить постели для всех этих людей Огюстина Вьелла поснимала матрацы со всех своих кроватей и вынула из комода самые лучшие ткани в доме. Чтобы накормить их, она приготовила баранину с травами, зажарила гуся, взяла яйца с птичьего двора, соленое масло, мед с холмов, и повидло, сделанное на ее ферме из настоящего сахара. Ее гости так никогда и не узнали, что ради них она пожертвовала всеми своими запасами. которые собирала на голодную зиму, и что она отдала им весь хлеб семьи. Эта гордая и деспотичная хозяйка заботилась о них с хлопотливостью и даже робостью. Они казались для нее чуть ли не сказочными героями. Они пришли так издалека. И они все еще воевали.

-Не беспокойтесь, - говорила она им, когда они благодарили ее. - Что стало бы с нами, если бы не было вас?

И они, уже познавшие такое же гостеприимство во всей

Франции, улыбались и взволнованно смотрели на нее.

Жюль Вьелла, которого не взяли в армию ни в 1914, ни в 1939 году из-за косолапости, повторял про себя:

- И я тоже внес свой вклад в эту войну, вот сейчас. Он иногда говорил это и вслух, но только своей дочке Мадлен. Жене он сказать это не осмеливался. Мадлен, похожая на Огюстину своими черными глазами и испанской фигурой, сама не знала, кого она любит больше - стройного, широкоплечего и вежливого канадского полковника или молодого летчика с детским лицом. Бельгийцы вызывали ее смех своим акцентом и смешными историями. Старый работник на ферме, родившийся в приграничном поселке, был уверен, что его хозяева прячут контрабандистов. Они оставили его в этой уверенности.

Ночью все собирались послушать английские радиопередачи в большой гостиной фермерского дома, где все - и двери, и ставни, были тщательно закрыты. Огюстина Вьелла смотрела на эти незнакомые чужеземные лица на фоне старых стен, старой мебели, которые знали только одну и ту же семью скромных благопристойных крестьян, и недоверчиво качала гордой головой. И когда она подумала, что эти люди скоро уйдут на подводной лодке (они сами ей об этом рассказали, настолько были в ней уверены), Огюстине показалось, что она уже рассказывает эту историю детям, которые будут у ее Мадлен, и что эти дети будут слушать ее рассказ как волшебную сказку.

Это продлилось около недели. Затем в один из вечеров вернулся Жан-Франсуа. Он сообщил, что отправка состоится следующей ночью. Огюстина Вьелла сильнее затянула шаль на груди, чтобы скрыть дрожание рук. Когда они ушли спать, Огюстина задержала Жана-Франсуа.

- Я хотела бы спрятать еще кого-то, если вам будет нужно, - сказала она почти робко.

Ее просьба не удивила Жана-Франсуа. Каждый раз люди, случайно оказавшие услугу Сопротивлению, были этим счастливы и хотели сделать что-то еще.

Была ли это ненависть к врагу или чувство солидарности, или любовь к приключениям, находившая в этом выход? Жан-Франсуа не мог самостоятельно решить этот вопрос. Но он знал, что благодаря такому опыту вся страна наполнилась людьми, обеспечивающими превосходные транзитные маршруты, и бесчисленными соратниками, укрывающими людей от врага.

- Недостатка в клиентах не будет, - улыбаясь, сказал Жан-Франсуа Огюстине.

Его голубые глаза на минутку остановились на радиоприемнике, который слушал Жюль Вьелла.

- И еще, - сказал Жан-Франсуа, - мы могли бы вести радиопередачи из вашего дома.

-Я не совсем поняла, - сказала фермерша.

- Мы могли бы говорить с Лондоном, - пояснил Жан-Франсуа.

- Святая Дева! - воскликнула хозяйка. - Говорить с Лондоном! Из нашего дома! Из нашего дома! Ты слышишь, Жюль? Ты слышишь, Мадлен?

- Подождите минутку, - сказал Жан-Франсуа. - Это означает смертную казнь. Жан-Франсуа мог слышать дыхание семьи Вьелла в большой комнате с потемневшими от копоти балками.

- Что ты думаешь, Жюль? - спросила хозяйка своего мужа.

-Я хочу того же. что и ты, - ответил Жюль Вьелла.

Огюстина прислушалась к глухому шуму от шагов на чердаке, который издавали канадцы, бельгийцы, англичане и поляк, собираясь спать.

- Тогда я согласна.

- Я поговорю об этом завтра с моим шефом, - пообещал Жан-Франсуа.

Жербье приехал за несколько часов до рассвета. С ним был радист, старый и бородатый, и невзрачно выглядевшая молодая женщина.

Жан-Франсуа отвел Жербье в сторону и сказал:

- Рыбак будет ждать нас сегодня в 10 часов вечера. У него большая лодка. Он сможет взять всех. Это позволит сделать все за один рейс. Девушка из дома проведет вас к нужному месту через поля в обход патрулей.

- Хорошо спланировано, - сказал Жербье.

- Я вернусь? - спросил Жан-Франсуа.

-Нет, - ответил Жербье.

Он зажег сигарету и продолжил:

- У меня есть задание для тебя. Очень серьезная операция, мой малыш (его голос стал вдруг очень нежным и проникновенным). Ты доставишь на подлодку большого шефа. Ты понимаешь - большого шефа. Он тоже уезжает. И я не хочу, чтобы он поднялся на борт со всей группой. Это рискованно. Нас слишком много. Ты пойдешь с ним - из другой точки - на весельной лодке. Бизон подвезет его к тебе. Подождите моего сигнала, когда я буду на борту. Три голубые точки и тире.

- Я справлюсь. Я обо всем позабочусь, - сказал Жан-Франсуа.

Он был рад. Он любил грести.

Огюстина Вьелла спустилась вниз, чтобы приготовить завтрак для новых гостей.

- Как вы видите, мы сегодня очень торопимся, мадам. Потому я хотел бы прямо сейчас спросить у вас, сколько мы вам должны, -

сказал ей Жербье.

- О! - пробормотала Огюстина. - О, как вы можете...

- Но посмотрите, восемь человек целую неделю... в эти трудные времена, - настаивал Жербье.

- А как насчет вас - вам тоже платят за то, что вы делаете? - Огюстина жестко взглянула на него. - Нет! Тогда я должна сказать вам, что такие крестьяне, как мы, Вьелла, горды не меньше вас.

Жербье подумал о Легрэне, о Феликсе и пошел завтракать на кухню. Закончив, он снова обратился к Огюстине, которая не удостоила его даже взглядом

- Я хотел бы попросить вас все-таки позволить привезти вам что-то из Лондона, когда я вернусь.

-Вы... вы собираетесь вернуться назад? - запинаясь, спросила Огюстина. - Они тоже так делают?

- Иногда, - сказал Жербье.

- Но ведь намного тяжелее начинать все заново, побывав в свободной стране.

- Я не знаю... Это моя первая поездка, - сказал Жербье. - И мне хотелось бы привезти вам оттуда сувенир.

Огюстина глубоко вздохнула и прошептала:

- Оружие, дайте нам оружие. Весь кантон сможет им воспользоваться, когда настанет нужный день.

VII

Темнота была густой. Только хребты крутых гор, окружавших бухточку, выделялись на фоне ночного неба. Грот образовывал дно узкого пролива, похожего на стрелу, по которому море тысячи раз накатывало свои волны на берег.

Жан-Франсуа лежал на песке бухты так близко к воде, что сильные волны доставали до его голых ног. На нем была пара парусиновых брюк, закатанных до колен, старый шерстяной свитер, и он прекрасно чувствовал себя в этой легкой и свободной одежде. С регулярными промежутками времени он закрывал глаза, чтобы лучше слышать, что происходит в ночной пустоте и чтобы после этого лучше видеть. Жан-Франсуа выучил этот прием наблюдения в разведывательном корпусе, и он научился различать миражи в темноте, принимающие формы врагов, и ничего не боялся.

Легкая волна щекотала песок. Жану-Франсуа был рад, что море утихомирилось. Он не боялся открытого моря. Из всех спортивных упражнений, которыми он с успехом занимался, морские игры давались ему лучше всего. Он знал свою силу. Он знал свои умения. Даже в плохую погоду он с уверенностью бы доставил этот ялик на расстояние вытянутой руки к британскому кораблю. Но Жан-Франсуа предпочитал спокойное море для

своего пассажира. Ведь он, возможно, не привык к морской качке.

Жан-Франсуа закрыл глаза и превратился как бы в слушающую антенну. Вокруг него ничего не было слышно кроме шума волн. Очень далеко, на дороге, огибающей рассеченный берег, он услышал слабый звук мотора. Это могла быть машина Бизона. Жан-Франсуа поднял веки. Было странно думать, что шеф вскоре займет место в лодке, и что у него в руках сконцентрирован объем и вес всего мира. Группа Феликса, даже сам Феликс никогда не видели его. У него не было имени и формы, но по его приказу люди шли в тюрьмы, под пытки, на смерть. Он сбрасывал оружие с небес и доставлял боеприпасы с моря. Его существование представлялось Жану-Франсуа в виде какого-то святого облака. Его отъезд приобретал все величие театрального чуда. Прибыв неизвестно откуда, он собирался быть поглощенным морем.

И здесь Жан-Франсуа, который раньше никогда не задумывался о серьезных вещах, должен был послужить паромщиком для большого шефа, человека, который планирует, организовывает все и всем командует. Жана-Франсуа переполняло чувство скорее не гордости от этого, а веселья. - Встречаются основание и верхушка пирамиды, - подумал он про себя. - Забавная математика. После войны поговорю об этом с Сен-Люком. Жан-Франсуа почувствовал, что улыбается в ночи. Бедняга Сен-Люк со своей шерстяной шапкой, желтой репой, и страхом перед жандармами, когда жизнь так прекрасна, так широка, так....

Жан-Франсуа слегка приподнялся на локтях. Все мысли в нем временно приостановились. Он был уверен, что услышал какое-то движение со стороны скал, прикрывавших бухту слева. Этот человек должен был превосходно знать местность. Он не издавал никакого звука, слышен был только плеск воды, накатывающейся на гальку. Теперь тишина была снова совсем полной. И как раз сейчас с минуты на минуту должен был быть дан световой сигнал в ночной темноте. Этот неизвестный наблюдатель не должен был ни в коем случае его увидеть. Жан-Франсуа пополз вдоль берега. В руке у него была резиновая дубинка. Закопавшись в песок, легкий и скользкий как змея, Жан-Франсуа быстро добрался до изгиба бухты. Там между двух каменных глыб он увидел еще что-то - неподвижную, но слегка более серую тень. Это был человек.

Жан-Франсуа уверенно сжал в ладони дубинку. Удар по голове не убьет нежданного наблюдателя, но заставит его проспать до рассвета.

Жан-Франсуа продвинулся еще на несколько дюймов. Цель была совсем близка, и он напряг мускулы. Но тут человек исчез за

камнем, и Жан-Франсуа услышал приглушенный голос:

- Без глупостей. Я вооружен.

Две маленькие волны одна за другой накатились на берег. Потом голос спросил (и Жан-Франсуа почувствовал, что этот человек привык к власти):

- Что вы здесь делаете в это время?

- А вы? - отозвался Жан-Франсуа, готовясь перепрыгнуть через камень.

- Я деверь Огюстины Вьелла, - сказал невидимый собеседник. Жан-Франсуа расслабился и пробормотал:

- Нашей фермерши?

Человек вышел из своего укрытия.

- Я решил пройтись по берегу и посмотреть, все ли в порядке с отправкой.

- Ну и как? - спросил Жан-Франсуа.

- Прекрасно, - ответил человек. - Жандармский патруль уже проехал сверху по дороге. Бошей здесь мало. и они не знают местность. Они доверяют таможне!

- А что с таможней?

- Что с ней? - сказал человек. - Это чертовски хорошо. - Таможня - это я. Я старший таможенный офицер всего сектора.

- Я скажу, что это хорошо! - сказал Жан-Франсуа. И спрятал дубинку обратно в карман.

VIII

Искры голубоватого света поднялись над водой, вспыхнули и исчезли. Жан-Франсуа увидел сигнал и сразу же встал на ноги. Почти мгновенно на тропе, спускавшейся с дороги к бухте, послышались тяжелые неуклюжие шаги. Было так тихо, что Жану-Франсуа показалось, что звук каждого шага слышен по всей Франции. Он сжал рукоятку дубинки и снял с предохранителя револьвер, лежавший у него в кармане. Его приказ гласил - обеспечить безопасность отплытия любой ценой.

Через несколько минут возникли две тени и скользнули по песку.

- Садитесь в лодку, - сказал один из людей.

Жан-Франсуа узнал голос Бизона.

Он столкнул ялик в воду, держа его настолько близко к берегу, как было можно, и использовал всю свою силу, чтобы удерживать его на месте.

Напротив, пассажир взобрался в нее так неумело, что ялик едва не перевернулся.

- Он точно не тренировался в добровольческом корпусе, - нетерпеливо подумал Жан-Франсуа. Он выровнял ялик и взялся за весла.

- Удачи, шеф, - прошептал Бизон.

Только сейчас Жан-Франсуа вспомнил, кто такой этот неуклюжий пассажир. И та неопытность, которую шеф показал перед лицом стихии, показалась ему теперь бесконечно трогательной и достойной уважения.

- Если бы он был таким как я, он не был бы большим шефом, - подумал про себя Жан-Франсуа.

Он больше ни о чем не думал, а только греб как можно быстрее и как можно тише. Пассажир сидел на своей скамье.

Сигнальная ракета вспыхнула снова. Расстояние, которое следовало пройти, было немалым. Но руки Жана-Франсуа двигались взад и вперед как хорошо смазанные поршни мотора. Наконец, на горизонте, уже совсем близко, показалась расплывчатая тень. В последний раз взмахнув веслом, Жан-Франсуа развернул лодку и подвел ее к стальному корпусу субмарины, лишь слегка возвышавшемуся над водой.

Кто-то на ее борту наклонился вперед. Яркий луч мощного фонаря внезапно залил светом всю лодку. В первый раз за всю эту ночь два человека в ней увидели друг друга в лицо. Тот, который с трудом смог встать со скамьи, сказал приглушенным голосом:

- Боже мой, маленький Жан, разве это возможно?

И Жан-Франсуа узнал своего старшего брата.

- Шеф, - заикнулся он. - Послушай, как. . .

Свет погас. Ночь стала темнее, чем раньше, совсем непроницаемой. Жан-Франсуа шагнул вслепую. Когда он дотронулся до брата, того уже подымали вверх невидимые руки. Подлодка отошла в сторону и погрузилась.

Инстинктивно Жан-Франсуа направил свою лодку по кильватерному следу, оставленному подлодкой, увозившей его брата. Внезапно его оставили силы, и он поднял весла. Ялик медленно дрейфовал. Жан-Франсуа не имел понятия, сколько времени ему понадобилось, чтобы понять и поверить в то, что случилось.

Этот отъявленный Святой Лука, - пробормотал он, наконец, - ну и семейка...

Потом он рассмеялся и, тихо напевая, погреб по темному морю в сторону берега.

"Это прекрасные люди"

Ужин был при свечах. Это были высокие тонкие свечи цвета чайной розы. Старая леди никогда не пользовалась другим освещением, принимая гостей. Для ее друзей она все еще выглядела похожей на свои портреты, развешанные по стенам и написанные во времена короля Эдуарда VII. Дом выходил на площадь Белгрэйв-Сквэйр. Бомбардировки разрушили немало

домов в окрестностях, но старая леди постоянно отказывалась покинуть свое жилище. Ее слуги были освобождены по возрасту от военной службы, и она могла поддерживать свое хозяйство и обеспечивать его нормальным питанием, потому не отказывалась от старых привычек. Одной из них, выработанной еще во времена Антанты, было устраивать встречи с известными французами Лондона. Не предупреждая ее, они, в свою очередь, могли в последний момент приводить новых гостей. Мой сосед за столом был одним из таких людей.

Он только что прибыл из Франции. Он не знал никого за этим столом, за исключением друга, который, представив его, уселся на другом конце стола. Беседа была оживленная и блистательная, но касалась людей и фактов, с которыми он был совершенно не знаком. Он слышал слова, но не язык. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, как путешественник, попавший на неизведанный берег, законы и привычки которого ему совершено не знакомы.

Это меня не удивляло. Я был сам точно в такой же ситуации. Наше схожее состояние и одиночество естественным образом привлекли меня к нему. За исключением гривы седеющих волос и высокого массивного лба, в его чертах читались простота и благородство, делавшие его лицо очень привлекательным. У него были светлые немного усталые глаза, по очереди останавливавшиеся на цветах, украшениях на стене, пожилых слугах, канделябрах, с вниманием, одновременно изучающим и восхищающимся. В нем можно было почувствовать постоянное присутствие медитации, но также и склонность к причудам, и глубокую искренность. Его характер и его занятия, несомненно, ограждали его от трудностей и хлопот повседневной жизни. Профессор... Ученый из лаборатории... Может быть, ботаник...

- Здесь все удивляет, не так ли? - спросил я своего соседа.

- Больше чем удивляет, - сказал тот с теплотой. - Мы как бы оказались среди чудес.

Его голос был немного слабым, но с большой убеждающей силой.

- Жизнь вдруг стал такой простой, - продолжал он.

Эти слова вернули ощущение расплывчатого дискомфорта, которое меня часто угнетало в Лондоне.

- Слишком простой, - сказал я.

Мой сосед посмотрел на меня с дружеским пониманием (постепенно я заметил, что он не мог смотреть на людей другим взглядом). И я почувствовал, что свежая искренность в его контактах с окружающим миром основывалась не столько на наивности, сколько на доброте.

- Вы думаете об условиях, в которых мы живем дома, - сказал

он, - и вы удивлены здесь солидными кусками белого хлеба... и горячей ванной каждое утро с мылом, оттирающим ваше тело.

Он наполовину закрыл свои задумчивые и прозрачные глаза.

- Я несомненно аморален, - продолжил он, - но, скажу совершенно честно, я не могу заставить себя чувствовать из-за этого угрызения совести. Я просто воспринимаю вещи так, как они есть.

Мой сосед был одним из тех редких существ, чье присутствие заставляет размышлять вслух.

- Вы редко покидали свою башню из слоновой кости? - не смог сдержаться я от замечания.

- Вы имеете в виду, что я книжный червь? - засмеялся он.

Я никогда не забуду его смех. Он был едва слышен, но его звук был таким нежным, чистым и столь убежденным, это придавало отблеск детства лицу взрослого мужчины, что меня переполняли восхищение и зависть к человеку, который мог так смеяться в его возрасте. Это было такое чувство, будто бы он только что познакомился с забавными вещами во вселенной, и смеялся, слушая свой собственный смех. В этом был необычайный шарм.

- Как вы догадались? По форме моих плеч? По волосам? - спрашивал он.

Он медленно провел по пучкам белых волос, вьющихся над макушкой, и сказал:

- Слишком длинные, я знаю. Но вот все никак не могу заставить себя пойти к английскому парикмахеру. Я так привык к нашим. Они прекрасные люди.

Это внезапное возбуждение, по столь малозначительному поводу, показалось мне немного смешным. Меня, видимо, обманули мои чувства, но мой сосед снова рассмеялся. И пока он приглаживал свои седеющие волосы, его смех снова показался мне таким молодым, даже более привлекательным.

- Я имею в виду не умение, совсем нет, - сказал он.

Он покачал головой и продолжил.

- В Париже я постоянно посещаю парикмахерскую на левом берегу Сены. Она маленькая. Хозяин сам работает там вместе с еще двумя работниками. Его жена работает там кассиром. У них маленькая дочка и маленький сын, которые, приходя из школы, делают свои домашние задания в задней комнатушке парикмахерской. Семья без истории. Ну так вот, однажды утром я пришел к моему парикмахеру, и он вдруг бросил одного клиента, ожидавшего его, подбежал к другому, ждавшему своей очереди, взял напечатанный листок из его рук и подскочил ко мне, крича:

- Смотрите, месье, что я только что получил. Я нашел это в

моем почтовом ящике. Он держал в руке экземпляр подпольной газеты, "Либерасьон", если я не ошибаюсь. - Статьи в ней превосходны, - сказал хозяин. - Против немцев, против коллаборационистов, с именами, деталями и всем-всем. Нужна храбрость, чтобы печатать такое. Не так ли, господа?

- И все в парикмахерской - и клиенты с лицами, намазанными пеной, и парикмахеры с ножницами и расческами, все согласились с ним. Подпольная газета прошла по рукам всех в парикмахерской. - Представьте, эти прислали ее мне. Мне! - повторял хозяин. Его переполняла гордость. - Это действительно большая честь, то что они делают, - тихо сказала его жена за стойкой кассы. - Читайте быстрее, - прошептал мне хозяин. - Я жду сегодня утром много клиентов, и каждый должен получить возможность прочесть ее. За два сантима он захотел повесить газету в витрине.

- Это было до того, как за распространение газет Сопротивления была введена смертная казнь, или уже после? - спросил я.

- После, намного позже, - ответил мой сосед.

Он засмеялся. Его лицо выражало самое удивительное, самое нежное восхищение. Можно было подумать, что для него то совершенно новая история. Со стороны могло показаться, что это я только что рассказал ее ему.

- Парикмахеры - прекрасные люди, - подчеркнул он.

Обед постепенно подходил к концу. Слуга подал шоколадный крем. Он был богат и легок, приятен для глаз и на вкус. Нужно быть французом, чтобы в полной мере понять его невероятный вкус.

- О, - сказал человек рядом со мной.

Он замолчал, чтобы полностью со всей невинностью посвятить себя этому блюду. Потом он пробормотал:

- Обед как сон.

Его серьезный и химерический взгляд медленно прошел по всему столу в том конце, где мы сидели. Последовав за его взглядом, я снова осознал красоту цветов, обслуживания, хрусталя, осознал обаяние мягко мерцающих свечей. История, рассказанная этим человеком, заставила меня обо всем этом забыть. Но, казалось, у него был дар одновременно получать удовольствие от благословения счастливого дома и в то же самое время хранить в памяти мучения и усилия людей, оставляемых на милость когорты шпионов, вешателей и палачей.

- Настоящий сон, - сказал мой сосед. - Мы многим обязаны этой пожилой леди, которая нас даже совсем не знает.

Хозяйка дома очень прямо сидела на углу стола. Ее

маленькая нежная голова возвышалась над воротником из черного бархата. Этот цвет и материал превосходно сочетались с сияющей сединой ее волос. Ее глаза оставались очень живыми. Мы сидели слишком далеко, чтобы слышать, о чем она говорит, но по движениям губ было видно, что речь ее полна ума, воли и остроумия.

- Женщины прекрасные создания, - сказал мой сосед.

Когда меня снова удивил этот повод его энтузиазма, он добавил в полушутливом, полувиноватом тоне:

- Вы знаете, это совсем не связано с шоколадным кремом...

Я вспомнил женщину по имени Матильда. Ее муж был клерком у судебного исполнителя. Я не знал ее, но я часто слышал о ней от моей подруги студентки, которая мне о ней рассказала.

(Он точно профессор, - подумал я про себя.)

- Любимым времяпровождением этой студентки было ездить в метро и незаметно засовывать в карманы немецких солдат и офицеров антинемецкие листовки. Она жила на одном этаже с Матильдой в современном многоквартирном доме барачного типа, построенным мэрией Парижа для мелкой буржуазии. Но если студентка вела беззаботную жизнь в своей девической квартирке, с абсолютной сексуальной независимостью, то клерк судебного исполнителя, его жена и семеро их детей ютились в трехкомнатной квартире. Матильда пожелтела и согнулась, измучившись от домашних забот, и, возможно поэтому, стала очень агрессивной женщиной. Кроме того, моя подруга тяготела к анархизму, а Матильда, вслед за мужем, стала фанатичным членом "Аксьон Франсэз"{10}. Вскоре они ненавидели друг друга так, как это могут лишь женщины.

- Однажды, просто для забавы, студентка засунула листовку Матильде в карман пальто. Но жена судебного исполнителя оказалась попроворнее, чем солдаты оккупационных войск. Вы понимаете, она провела всю жизнь, следя за своими детьми, за газом, смотря, чтобы ее не обокрали. Она схватила девушку за запястье и прочла листовку.

- Наконец-то я поймала одну из них, слава Богу! - воскликнула Матильда.

Это все происходило на лестничной клетке. - Пойдем в твою квартиру, приказала Матильда. Моя подруга очень не хотела привлекать к себе общего внимания и подчинилась.

В комнате девушки была неубранная постель. Коробки и банки с косметикой, очень личными предметами туалета, пустые бутылки валялись повсюду. Матильда сделала шаг назад. - Я никогда бы не подумала, пробормотала она. Но отвращение,

удлинившее ее и без того длинное лицо, уступило место выражению просьбы и смирения. Она взяла руки девушки в свои грубые руки и сказала:

- Мадмуазель, вы должны помочь мне! - Помочь вам? - повторила ошеломленная студентка. - Против бошей, - сказала Матильда. И неожиданно эта совершенно молчаливая и твердая женщина, которая казалась столь же сухой в ее чувствах как и в ее чертах лица и тела, оказалась охваченной страстью. Она рассказывала о своих голодающих детях, о бесполезных продовольственных рядах на рынке, о пытках зимы без угля, о воспалении легких у мужа, об охоте за одеждой и обувью, которых нельзя было найти. Ни одно из этих слов не было жалобой. Они выражали горячее чувство бунта против немцев. Единственным разочарованием Матильды было то, что она не могла действовать активно. Но что было ей делать? Она не знала никого в группах сопротивления. Ее муж (жалкий бедолага, как она начинала понимать) все еще верил в Маршала. - Я хочу работать для падения бошей, - продолжала Матильда. - Я не боюсь трудностей, боли и риска. Эти боши должны подохнуть, И я хочу помочь им в этом. Во время этой вспышки Матильда ни разу не повышала голос. Но жесткость ее слов, напряжение тонких губ и восковых щек, почти невыносимый блеск в глазах, обычно таких недоверчивых и тусклых, оказали на мою подругу большее воздействие, чем если бы она кричала. - Вы могли бы распространять листовки в моем кругообороте, - сказала студентка. - Вы не будете знать никого больше и будете получать инструкции только от меня. Могу себе представить, что, услышав название газеты и бросив последний взгляд на неприличный беспорядок в комнате, у Матильды, должно быть, началась внутренняя борьба с ее собственной совестью. Но она согласилась. Сначала ей поручили участок улицы, потом целую улицу, потом еще одну, затем целый район. Это была большая работа, которую она выполняла методично и тщательно, с большим вниманием к деталям. Она не спорила. Ей хватало времени на все. Она никогда не уставала. Она раньше вставала и шла в продовольственные лавки. Она позже чинила одежду. Это никого не касалось. Ее муж тоже ничего не знал.

- Однажды она рано утром зашла в соседнюю квартиру, чтобы получить новые указания, и нашла там чужого мужчину в постели студентки. - Товарищ по борьбе, - объяснила та. Матильде удалось сделать равнодушное лицо, она получила инструкции и ушла. Она все еще худела, но лицо ее уже не выражало больше враждебности ко всему миру. Особенно радовалась она, когда ей удавалось добавить взрывчатку к толстой пачке листовок. А вы

знаете, как ей удавалось проносить их через весь Париж? Она прятала газеты, а при случае и динамит, на дно маленькой коляски, в которой возила своего последнего восемнадцатимесячного ребенка. Две ее маленькие дочки постарше сопровождали ее. Под блузками девочки тоже прятали запрещенную прессу. Кто мог бы хоть в чем-то заподозрить эту серьезную женщину с впалыми щеками в сопровождении своих недокормленных детей?

Все вышли из-за обеденного стола и направились в большую гостиную. Мы тоже. Но я никак не мог успокоиться, настолько захватила меня история, рассказанная моим соседом по столу, об усталой женщине, с ее скудной, но тщательно ухоженной одеждой, которая с утра до вечера, при любой погоде катит коляску с бледным младенцем по голодающему трагичному Парижу, пряча под ребенком запрещенные газеты и взрывчатку.

- Матильду, однако, в конце концов, арестовали из-за неосмотрительности, в чем не было ее вины, - сказал мой собеседник. - Но ничто не смогло заставить ее заговорить. Когда я покинул Францию, полиция все еще не решила окончательно ее судьбу.

Слуги в белых жилетах разносили кофе, напитки, сигареты и сигары. И мой сосед сказал:

- Я не курю, но люблю, когда люди вокруг меня курят табак "Вирджиния" или гаванские сигары. Особенно здесь. Вы согласны, что такой запах прекрасно подходит к этому месту?

Он обладал способностью заставлять меня постоянно колебаться из одной вселенной к другой. Но в то время как его ум балансировал и регулировал без видимых усилий драматичные и почти чудовищно контрастирующие видения, я воспринимал эту богатую теплую комнату, это изобилие, эту безопасность с ощущением своего рода метафизического ужаса.

Я все еще был так близок к страданиям и борьбе французского народа, ощущая в себе их климат, что та голодная, полная опасности и угнетения, подземная жизнь казалось мне самой естественной для человека в наше время. Смешавшись с группой, образовавшейся вокруг нашей хозяйки, с помощью внутреннего согласия, которое дремлет в большинстве существ, я, возможно, совсем забыл бы об этом, шутил и курил сигару и пил виски с миром в сердце. Это случалось со мной в Лондоне и прежде. Если этого не произошло сейчас, то причиной тому был мой компаньон. Все же мне и в голову не пришло бы оставить его.

- На Рю де Лилль в Париже, - рассказывал он, - живет прекрасный французский аналог хозяйки этого дома. В ее гостиных дрожишь от холода, еда скудная, и сигарету делят одну

на четырех. Но зато энергия, любовь к сохранению традиций, дух и деспотичный темперамент этой вдовы-графини ни в чем не уступает этой обаятельной пожилой леди.

- Вы часто посещаете пригород Сен-Жермен? - не смог я удержаться от вопроса.

- Рояль "Стейнвей" у графини звучит превосходно, - ответил мой сосед со смехом, - я иногда прихожу к ней и играю у нее дома.

Я посмотрел на него с новым вниманием. Почему я решил, что он ученый из лаборатории? Его вьющиеся волосы, массивные брови, серые бесхитростные глаза, его смех? Но ведь те же самые черты точно в той же, если не в большей степени, могли соответствовать и человеку искусства.

Кто-то поставил на граммофон, спрятавшийся в углу большой комнаты, джазовую пластинку.

- Единственный приятный момент в такого рода музыке - то, что она не мешает разговору, - сказал мой сосед. - Музыка - настоящая музыка - звучит в пригороде Сен-Жермен, но там присутствует еще и заговор. Старая графиня взяла в свои руки все связи, все влияние, накопившееся за ее долгую сентиментальную жизнь, которая, как считалась весьма полноценной. Среди ее друзей из прошлой эры было немало высокопоставленных чиновников. Она терроризировала их, настраивала против Маршала, принуждала брать на себя обязательства. Стол, в котором ее прабабушки прятали записки, написанные Лозеном и герцогом Ришелье, теперь был завален поддельными документами, пустыми продовольственными карточками, фальшивыми командировочными направлениями, рекомендательными письмами для судей, полицейских комиссаров, начальников тюрем. Графиня демонстрировала нездоровое безрассудство. Но ее спасал ее довольно комичный деспотизм. - Она просто сумасшедшая старуха, говорили люди и оставляли ее в покое.

Новая пластинка, новая джазовая мелодия... Мой сосед продолжал:

У графини был внучатый племянник лет тридцати, с плоской узкой грудью, почти лысый, прыщеватый. Он сдирал прыщи тонкими пальцами, тонкими как нити. Он плохо учился, его не взяли в армию, без профессии, с маленьким доходом. Настоящий портрет никудышного сына из социально видного семейства. Он включился в движение Сопротивления, потому что всегда выполнял поручения для своей тетушки. Прекрасный парень

В этот раз я запротестовал.

- Что вы имеете в виду?

- Ну, - сказал мой сосед, - этот парень стал самым лучшим курьером. Несмотря на слабое здоровье, он проводил недели в поезде без сна и почти без пищи. Он прорывался сквозь заслоны, обходя ловушки. Десять раз он шел на верную смерть, все еще раздирая своими хрупкими пальцами прыщи на коже. Однажды его арестовали и весьма грубо с ним обращались. Но им не удалось вытащить ни слова из него. Старая графиня через свои связи устроила его освобождение. Когда он вернулся к ней, выйдя из тюрьмы, он едва переставлял ноги. Его прыщи стали ранами. Это был единственный раз, когда он заговорил о своих чувствах. - Я думаю, что никто больше не сможет обвинить меня

в том, что я был бездельник во время войны, - сказал он.

Это его освещение целой жизни так поразило меня, что я не смог сдержать удивление. Мой сосед рассмеялся.

- Разве это не превосходное лечение комплекса неполноценности? спросил он меня.

- Вы действительно знаете многих людей, - сказал я, - и много секретов.

- Моя профессия предполагает доверие, - заметил мой сосед.

Его смех стал еще тише, чем обычно. Я снова внимательно посмотрел на человека и подумал:

- Может он на самом деле невропатолог или психиатр?

Но пока я с любопытством всматривался в его лицо, он внезапно повернулся в сторону и стал недосягаемым, как это было. Граммофон проигрывал следующую пластинку, и это была оратория Баха. В ней слышалась красота посреди властной успокаивающей мощи. Я наконец-то почувствовал расслабление в этой гостиной на Белгрэйв-Сквэйр, среди роскошной деревянной обшивки стен и дрожащих язычков свечей, волшебным образом отражавшихся в глубоких зеркалах. И я мог открыть эту комнату со всей ее роскошью и спокойствием для маленького парикмахера, для тех студентов, для Матильды, для непредубежденного сына из видного рода. И я любил их всех еще больше, если бы они были здесь, больные, затравленные, недокормленные, дрожащие и серые от холода, со скромной и

святой загадкой их храбрости.

Величественные звуки органа текли мимо. Беседы постепенно подходили к концу.

- В последний раз, когда я играл эту ораторию, ее слушал Тома, - сказал мой сосед. - У меня никогда в жизни не было друга лучше его, и я никогда не встречал человека с более чистым знанием или более высоким духом.

Мой собеседник говорил своим обычным тоном, мягким и спокойным. Я, тем не менее, сразу понял, что его друг умер трагической смертью. И он догадался, что я это понял.

- Да, - мягко продолжал он. - Тома убили пулей в затылок в подвале отеля "Мажестик". Ведь он входил в маленькую группу ученых, которые в провинциях собирали сведения и передавали их в Лондон. Группу раскрыли и арестовали. Он мог скрыться. Но ему показалось невозможным не разделить судьбу своих товарищей. Он вернулся в Париж, взял на себя основную часть вины, и, исполняя его последнюю волю, ему позволили погибнуть последним, после того, как он уже увидел, как погибли его друзья.

Я совершенно естественно ждал от моего соседа, что он и к этой истории добавит слово "прекрасно", которое было ему столь же подходило к нему, как тик. Но это слово не прозвучало. Несомненно, на определенном уровне духовного возвышения уже ничего не могло поразить его.

Я молчал, а мой сосед начал смеяться. Я не знал, каким образом во мне возникло такое чувство, но я понял, что было невозможно почтить мертвого друга лучше, чем этим смехом.

И мой сосед вышел, немного наклонившись и отбросив седые пряди назад рукой.

Филипп Жербье, мой старый товарищ, подошел ко мне.

- Ты знаешь человека, который только что вышел из комнаты? - спросил я его.

- Назовем его Сен-Люк, - сказал Жербье со своей полуулыбкой.

- Ты хорошо его знаешь?

- Да. Он наш шеф, - ответил Жербье.

Он зажег новую сигарету от той, которая уже догорала, и добавил:

-Он через несколько дней вернется во Францию, с прибывающей луной.

Я быстро вышел.

На улицах солдаты крепко обнимали девочек в униформе. Радостные голоса вызывали такси.

Прибывающая луна! Прибывающая луна, думал я, глядя на

небо, расчерченное лучами прожекторов. Прибывающая луна...

Я вспомнил радость этого человека, настоящее имя и профессию которого я так и не узнал, при виде шоколадного крема или запаха табака "Вирджиния"... И его лицо, когда н слушал ораторию Баха.

Увижу ли я вас снова, однажды, мой сосед с глазами ребенка и мудреца, с воздушным смехом, мой сосед - мой "прекрасный" сосед?

Заметки Филиппа Жербье

Вернулся вчера из Англии. Спрыгивая с самолета в темную ночь, я вспомнил Ж. Он плохо приземлился и сломал обе ноги. Тем не менее, он закопал свой парашют и пять - шесть километров полз до ближайшей фермы, где его приютили. В моем случае, когда пилот подал мне сигнал, я почувствовал, как сильно сжалось сердце. Нет причины бояться. Никакого ветра. Приземлился на свежевспаханном поле. Зарыл парашют. Зная местность, без труда нашел маленькую местную железнодорожную станцию.

Несколько крестьян, рабочих, железнодорожников ждали тут первый поезд. Вначале, как всегда, обычный разговор: еда, еда, еда. Все меньше рынков, невыносимые реквизиции, нет топлива для обогрева. Но и новое наблюдение: депортации. Нет ни одной семьи, говорили они, которую бы это не затронуло. Они продумывают способы, как бы сберечь от депортации своих сыновей, племянников, двоюродных братьев. Ощущение как будто отправляют в тюрьму. Ярость заключенных, закованных в цепи. Органичная ненависть. Они еще обсуждали военные новости. Те, у кого есть радио, пересказывали другим все, что услышали из Лондона. Я вспомнил, что сам выступал на Би-Би-Си два дня назад от имени французского инженера.

Вышел из поезда в маленьком городке в К. Я не хотел напрямую связываться с нашим штабом в южной зоне. Последние телеграммы, посланные оттуда в Лондон, звучали тревожно. Пришел к архитектору - нашему другу, который посмотрел на меня как на привидение. - Вы прибыли из Англии, вы прибыли из Англии, - все время повторял он. Он узнал мой голос по радио. Я даже не думал, что стану из-за этого таким узнаваемым. Таким образом, я совершил глупую и серьезную ошибку. Неосмотрительность происходит не столько от недоброжелательности, искушения поговорить или даже глупости, сколько от восхищения. Многих наших людей захватывает этот энтузиазм. Им нравится преувеличивать, создавать ореол вокруг наших товарищей, особенно руководителей. Это побуждает их двигаться, возвышает их и

придает колорит мелкой монотонной повседневной работе. - Вы знаете, Х. провел восхитительную операцию, - говорит кто-то своему знакомому. Тот делится своим энтузиазмом с третьим. И так - пока история не станет известна "стукачу". Нет ничего опаснее такого великодушия чувства.

Потому, когда я был в Лондоне, мне угрожала опасность стать объектом культа. Я понял это по тому, как архитектор обходился со мной. Он человек с серьезным характером и суждением. Но он смотрел на меня, как на что-то чудесное. То, что я вернулся, не слишком удивило его, но то, что я провел в Лондоне несколько недель, что я дышал лондонским воздухом, что даже соприкасался локтями с жителями Лондона, шокировало его. Он воспринимал этот мой отпуск, эти дни комфорта и безопасности, как акт редчайшего мужества. Такая на первый взгляд абсурдная оценка объяснялась очень просто. Когда все казалось потерянным, Англия оставалась единственным источником надежды и тепла. Для миллионов европейцев в ночи она была огнем веры, и все, кто приходил и приходит к этому огню, попадали в ореол этой веры. У мусульман паломник, посетивший Мекку, получает титул "хаджи" и носит зеленую чалму. Я тоже "хаджа". У меня есть право на зеленую чалму в порабощенной Европе. Мне это казалось довольно абсурдным, потому что у меня нет ни малейших религиозных чувств, но также и потому, что я как раз возвратился из Лондона. И моя точка зрения была прямо противоположной.

Этого восхищения достойны как раз те, кто живет во Франции. Голод, холод, реквизиции и казни, к которым мы здесь привыкли, глубоко воздействовали на воображение и чувства людей, живущих по другую сторону Ла-Манша. Тех, кто борется в движении Сопротивления, окружает почти мистическая аура. Если бы я сказал об этом нашим людям, они пожали бы плечами. Никогда женщина, которая ворчит часами в очередях, плачет от бессилия, из-за того, что не может прокормить своих детей, проклинает правительство и врагов, забравших от нее мужа и отправившего его в Германию, унижается перед молочником и мясником ради капли молока и унции мяса, никогда такая женщина не поверит, что она что-то выдающееся. И парень, который каждую неделю со старым чемоданом, полным подпольной литературы, радист, который передает наши сообщения, девушка, которая печатает мои донесения, священник, который снабжает нас информацией, доктор, который лечит наших раненых, и, прежде всего Феликс и Бизон, - никто из этих людей не считает себя героями, и я тоже не считаю.

Субъективные мнения и чувства не имеют никакого значения.

Правда состоит только в действиях. В часы досуга я хочу какое-то время вести учет фактов, которые я, как человек, занимающий хорошую для наблюдения позицию, могу узнать о Сопротивлении. Позднее, в перспективе, эти собранные подробности составят в целом кое-что и дадут мне возможность вынести суждение.

Я все еще жив.

* * *

Провел ночь у архитектора. Меня посетил местный руководитель. Железнодорожник. Бывший секретарь профсоюза. Очень красный. Прекрасный организатор. С верным характером. Если бы у всех групп в стране были бы такие руководители, как этот собранный и решительный рабочий, у нашей политической организации было бы не много хлопот.

Этот человек подтвердил ту плохую оценку, вынесенную мною из телеграмм. Обыски, полицейские рейды, "мышеловки". Гестапо пытается обезглавить Сопротивление. Десять раз оно промахнулось, но, наконец, ударили по явочным квартирам. Раскрыты наши командные посты в Лионе, Марселе, Тулузе и Савойе. Захвачены три радиостанции. Мы не знаем теперь, что происходит на севере, но здесь все очень серьезно. Мой заместитель в командовании группы, мелкий служащий регистратуры, дотошный и неустанный, казнен. Моя секретарша депортирована в Польшу. Феликс арестован.

Лемаск, как оказалось, справляется очень хорошо. В своем бюро он устроил резервный командный пост. Помаленьку, когда все другие провалились, его пост стал очень важным. Лемаск заменил арестованных новыми людьми. Он проявил себя быстрым, энергичным, эффективным работником. Но я не доверяю его нервам. Я вернулся как раз вовремя.

Железнодорожный рабочий посоветовал мне не оставаться слишком долго у архитектора. Слишком многие знают, что он голлист. Это ведь маленький городок.

* * *

Сейчас я остановился у барона де В. и живу в прекрасном замке времен Людовика XIII. Поместье включает парк, лес, пруд, богатые и обширные земли. Трудно представить себе более безопасное и более приятное убежище. Мне нужно восстановить свои связи и разработать планы в мирной обстановке. Барон полностью предоставил себя в мое распоряжение. У него своеобразный характер. С длинным носом, потемневшей от солнца и ветра кожей, маленькими жесткими глазками он был похож одновременно на волка и на лису. Его интересовали только свои владения и охота. Бывший кавалерийский офицер, само

собой разумеется, держал в страхе жену и детей. Его старшая сестра, старая дева, никогда не снимавшая бриджей для верховой езды, была единственным человеком, кто мог с ним справиться. Барон де В. был заклятым врагом Республики. До войны он организовал из своих фермеров, псарей и охотников целый эскадрон, вооруженный охотничьими ружьями и револьверами, во главе которого намеревался кавалерийской атакой захватить ближайшую префектуру и объявить монархистский переворот. Этот эскадрон, прекрасно организованный и обученный, сохранил до сего дня свою боеготовность. Но теперь он будет действовать против немцев. Оружия вполне достаточно. На земли барона уже приземлилось немало парашютистов. Сам барон не входит ни в какую подпольную организацию, но помогает им всем. Отправив жену и детей спать, он с сестрой садятся на коней и едут подбирать парашютистов.

Именно этому феодалу наш руководитель сектора, профсоюзный секретарь, доверил меня.

Я поддразнивал барона де В. его союзом с революционером. Он ответил:

- Я предпочитаю, месье, красную Францию Франции покрасневшей от стыда.

* * *

Новости о Феликсе от Жана-Франсуа.

Феликса арестовали на улице два человека, которые прекрасно говорили по-французски, но были агентами Гестапо. Его допрашивали, но не очень сильно избивали. Так как Феликс не хотел признавать свое настоящее имя, три гестаповца ночью привезли его к нему домой. Жена и маленький сын, запуганные и ничего не знавшие о подпольной деятельности Феликса, сразу же опознали его. Немецкий полицейский бил его на виду у жены и ребенка, пока он не потерял сознание. Потом они начали обыск, перетряхнув весь дом. Феликс пришел в себя, но не шевелился. Ему хватило духа лежать тихо и неподвижно, постепенно восстанавливая силы, как рассказывал Жан-Франсуа, а затем внезапно рванул к окну, пробил ставни и выскочил на улицу. Его комната была на втором этаже. Он растянул связки на лодыжке, но все равно убежал. По улице проезжал велосипедный патруль французской полиции, и Феликс рассказал сержанту, что произошло. Полицейские доставили его к одному из наших людей. Следующий день он провел в одной из наших клиник, следующий - в другой клинике, третий день - в третьей. Только тогда Гестапо потеряло его след. На ноге Феликса теперь только легкий пластырь, и он вскоре совсем поправится. Он просил меня о новом задании. До конца войны он не сможет увидеть жену и

ребенка. Он считает, что жена очень на него сердита.

* * *

Учитель из Лиона воспользовался своим воскресеньем, чтобы провести две ночи в поезде и доставить мне почту. Он уснул как раз перед тем, как сесть на обратный поезд. Он настолько сильно недоедает, что часто забывает в классе то, чему учит. Что касается детей, то он не решается вызывать их к доске. Их больше не держат ноги. Они падают от голода.

* * *

Деревенский священник прибыл в поместье для мессы. Он провел там несколько дней и ночей, посещая одну ферму за другой. - У вас, - сказал он одному крестьянину, у вас есть место, чтобы спрятать троих, отказавшихся ехать на работы в Германию. - Вы, - говорил он другому, - должны накормить еще двух человек. И так далее... Он точно знал, кто что сможет сделать. Кюре пользовался большим влиянием, и люди охотно слушались его. О нем сообщили немцам, и его предупредили французские власти. - Я не могу терять время, говорил он. - Перед тем, как отправиться в тюрьму, я должен устроить еще три сотни. Для него это стало спортом. Гонкой со временем.

* * *

Когда я уезжал, число отказавшихся ехать на работу в Германию достигло уже нескольких тысяч. Теперь их насчитывается уже десятки тысяч. Многие прячутся в деревнях. Но многие бежали в естественные убежища и заполонили "маки" - лесные чащи в гористых районах: в Савойе, в Севанне, чащи Центрального массива и Пиренеев. Так в них образовались целые армии молодых людей{11}. Их нужно кормить, организовать и вооружить как можно лучше. Это новая и серьезная проблема для Сопротивления.

Некоторые группы независимо организовались в общины. Они иногда выпускают газеты. У них есть свои законы: что-то вроде крошечных республик. Другие каждое утро салютуют флагу - флагу с Лотарингским крестом{12}. Следующей почтой в Англию отправятся фотографии таких церемоний.

Но, прежде всего, эти парни, молодые рабочие, студенты, клерки, нуждаются в сильных и волевых руководителях, деньгах и связях с внешним миром. Организовал из нашей организации комитет, чтобы курировать их, из трех человек: Феликса, Лемаска и Жана-Франсуа. Их сильные стороны и недостатки как раз дополняют друг друга.

* * *

Отправил группу для приема людей и грузов, прибывающих из Англии. В группу входят пожарный, мясник, секретарь

муниципалитета, жандарм и врач. Средства транспорта - автомобиль жандармерии и грузовичок мясника.

* * *

Хороший день:

1. Заработал радиопередатчик в доме у фермерши, укрывавшей нас перед отправкой на подлодке в Гибралтар.

2. Феликс вышел из больницы, его лодыжка зажила, и он отрастил бороду. Он сообщил, что держит связь с Лемаском.

3. Прибыла Матильда.

Вместе с еще шестьюдесятью подозреваемыми она сбежала из Дворца Правосудия в Париже, где их держали для допросов. Она сама не знает, кто и как это устроил. Скорее всего, внутренние пособники. Им сказали, что они должны идти только по коридорам, затем открыть дверь, выходящую на Площадь Дофина, и выйти на свободу.

Матильда три дня скрывалась в Париже. Она сопротивлялась страстному желанию увидеть своих детей. Она утверждает, что ей никогда не было и никогда не будет так трудно. Она показала мне фотографию, которую ей удалось скрыть от всех обысков. Шесть детей, от старшей, семнадцатилетней девушки, до младенца, которого Матильда так долго катала в коляске поверх кипы запрещенных газет. - Я уверена, моя большая Тереза сможет хорошо позаботиться о младших, - сказала Матильда. - Я не смогу присматривать за ними, пока война не окончится. Она снова взяла фотографию и спрятала ее. То, как она это сделала, дало мне почувствовать, что в следующий раз она посмотрит на нее очень нескоро. Она сразу же попросила дать ей работу, много работы, опасной работы. Я сказал, что подумаю. Я знаю, что она может сделать многое и сделать хорошо. Я должен найти самое лучшее использование для нее. Пока она остается в замке.

* * *

Проверил много донесений.

Для людей в Сопротивлении поле жизни постоянно сужается. Все больше гестаповских арестов и все больше смертных приговоров немецких судов. И теперь французская полиция автоматически сдает французов, которых они держат, всякий раз, когда немцы требуют. Раньше была тюрьма, концентрационный лагерь, домашний арест, даже простое предупреждение со стороны властей. Сегодня это почти всегда смерть, смерть, смерть.

А мы, со своей стороны, убиваем, убиваем, убиваем.

Французы не были ни готовы, ни расположены убивать. Их темперамент, их климат, их страна, тот уровень цивилизации, которого они достигли, отвратили их от кровопролития. Я помню,

как тяжело нам было в первый период Сопротивления хладнокровно планировать убийства, засады, ликвидации. И как сложно было подбирать для этого людей. Сейчас нет никакого такого отвращения. Во Франции снова возник примитивный человек. Француз убивает, чтобы защитить свой дом, свой ежедневный хлеб, своих любимых, свою честь. Он убивает каждый день. Он убивает немца, немецкого пособника, предателя, "стукача". Он убивает по воле разума и убивает по воле инстинкта. Я не сказал бы, что французский народ очерствел, но его клинок стал острее.

* * *

Вернувшись из Парижа, Матильда часть пути пропутешествовала с вдовой-графиней, в доме у которой шеф обычно любил слушать музыку. Графиня везла с собой молодого британского пулеметчика, который до того прятался у нее. На пересадочной станции им пришлось провести два часа в зале ожидания. Внезапно нагрянула проверка документов. У англичанина никаких бумаг не было. Он не знал ни слова по-французски. Пожилая дама заставила его припасть к полу, а сама уселась сверху, прикрыв длинной, широкой, старомодной юбкой все вокруг себя. Полиция ничего не заметила. Естественно, пассажиры проявили полную солидарность и молчали.

* * *

Долгие разговоры с Матильдой. Я знал от шефа, что она выдающаяся женщина, но она все равно поразила меня. Она родилась, чтобы командовать и в то же время служить.

Она видит вещи в прямых, простых терминах. Ее воля, методичность, ее терпение и ее ненависть к немцам - все эти качества были одинаково сильны. Теперь, когда все ее семейные узы разорваны врагами, она превратилась в мощный инструмент против них.

В тюрьме Матильда много узнала о маскировке, способах побега, технике убийств. Я возьму ее к себе в командование заместителем. Она отправляется в поездку по всей южной зоне, чтобы выйти на контакт с руководителями секторов. Она присоединится ко мне в большом городе. Здесь связи слишком слабые.

* * *

Был ли это случай, удача, предвидение или инстинкт. Я покинул замок неделю назад. Через два дня после моего отъезда барон де В. был арестован в одно и то же время с руководителем сектора. Оба уже расстреляны.

* * *

Франция стала тюрьмой. Угроза, несчастье, мучение, неудача

нависают над ней подобно тяжелому небосводу, который, разрушаясь, каждый день опускается все ниже на наши головы. Франция - тюрьма, но подпольное существование дает самые необычные пути побега. Документы? Сделаем сами. Продовольственные карточки? Украдем из ратуши. Машины, горючее? Отберем у немцев. Обструкционисты? Задавим их. Законов, инструкций больше нет. Больше нет никаких трудностей, потому что мы начали с самого трудного, пренебрегая основным:

- инстинктом самосхранения.

* * *

Дорожная сцена.

Мой поезд простоял на вокзале в Тулузе дольше, чем положено. Агенты Гестапо проверяли наши удостоверения личности. Они в моем вагоне (третьего класса). Они вошли в мое купе. Ничего не произошло. Их шаги удалились. Но другой полицейский агент заходит в купе и делает одному из пассажиров знак, чтобы тот следовал за ним. Пассажир поворачивается к немцу спиной, наклоняется, будто чтобы поднять упавшую газету. И тут мы все увидели, как он вытащил револьвер из под своей подмышки, снял его с предохранителя и засунул в карман пальто. Все произошло естественно и очень быстро, с полным спокойствием. Пассажир взял свой чемодан и вышел. Поезд стоял. В нашем купе все сидели тихо. Поезд двинулся. Пассажир вернулся. - Они ошиблись, - сказал он и сел на свое место. Он разрезал сигарету пополам и выкурил половинку. Беседа в купе возобновилась.

* * *

Дорожная сцена.

В набитом людьми коридоре вагона третьего класса молодая девушка бросает быстрый взгляд на довольно объемный пакет, завернутый в дешевую бумагу, лежащий в нескольких ярдах от нее. Путешественники наступают друг другу на ноги, толкаются, потому что торопятся выйти или зайти на остановках. Пакет рвется и открывается. Девушка вскакивает. Содержимое пакета рассыпается по полу. Пачки подпольных газет. Пассажиры собирают их. Девушка исчезла.

Вот результат нехватки чемоданов, прочной бумаги и крепкой веревки.

* * *

Однажды ночью группа Сопротивления в Марселе поснимала канализационные решетки. Поскольку только немцы и их друзья имеют право ходить по городу после комендантского часа, не стоит сожалеть ни о ком, кто поломал кости на дне

канализационных колодцев.

* * *

На всех больших железнодорожных вокзалах Гестапо и французская полиция, подчиняющаяся немецким приказам, разместила людей с исключительной зрительной памятью, которые тщательно изучили фотографии разыскиваемых патриотов. Это "физиогномисты" вроде тех служащих, которые стоят на входе в игровые залы больших казино и запоминают лица игроков.

* * *

Гестапо любит набирать в филеры пожилых, кроткого вида людей с орденскими розетками. Люди не склонны заподазривать таких седеющих джентльменов. Когда за тобой следит один из таких, это еще не означает непосредственной опасности. Но если замечаешь нескольких молодых и сильных людей, появляющихся вслед за ним, то следует ожидать самого худшего.

* * *

Я живу в большом городе, в доме у судебного следователя, в качестве его слуги. Это хорошее прикрытие. К несчастью, мне всегда приходится встречаться с очень многими людьми. А если в такой тихий дом столь часто приходят и уходят разные люди, это быстро становится заметным. Мне нельзя здесь долго оставаться.

* * *

Матильда вернулась из своей поездки. Она дала мне полный отчет о нашем секторе. Она видела всех. Она все ночи провела в поездах. Это не так выматывает, говорила она, как заботиться о большой семье, когда ты беден. Честно говоря, она уже не выглядит как домохозяйка. Я думаю, ее новый стиль жизни и холодная отчаянная ярость так сильно изменили и ее выражение лица, и ее походку. Но она работала, как всегда, великолепно. Она сказала мне, что в ходе поездки несколько раз меняла свою внешность. Иногда она пудрила волосы и надевала строгое черное платье, в другой раз наносила на лицо много грима и одевалась вызывающе. - Я легко превращалась из пожилой благодетельной дамы в старую шлюху, - говорила она в своей деловой манере.

Одним из самых важных дел, которое ей удалось, было налаживание отношений с местными руководителями других групп, чтобы исключить взаимные помехи или дублирование при проведении операций. Иногда бывает так, что две или три разные организации одновременно разрабатывают операцию против одного и того же объекта: диверсию, повреждение поезда, рейд или ликвидацию. Если между ними нет контакта, то число участников операции бесконечно увеличивается, и так же сильно

возрастает риск. А, кроме того, одна или две группы могли бы в то же самое время быть использованы в другом месте. И еще, стремясь избежать риска при проведении маленькой операции, можно случайно навести полицию в район, где готовится куда более значительная акция. Но с другой стороны, координация планов увеличивает опасность утечки информации и неосмотрительности.

Это постоянная проблема жизни в подполье. Невозможно набирать людей, действовать, не доверяя людям свои тайны, но доверять людям тайны - опасно. Единственное средство - это разделение всего, чтобы ограничить ущерб.

Коммунисты - великие мастера разграничения, как и всего другого, связанного с подпольной жизнью. Матильда вернулась полной восхищения силой, дисциплиной и методичностью, которую она нашла среди них. Но, отстав от них на четверть века в опыте подпольной работы, нам их не догнать. Они профессионалы, а мы все еще платим наши ученические долги.

* * *

Матильда нашла для себя чердак в доме одной маленькой портнихи. Ей она представилась медсестрой. Завтра она получит свои бумаги. Она будет командовать одной из наших боевых групп.

* * *

Я все еще живу у судебного следователя. Для организации он не больше, чем друг. Но друг, на которого можно рассчитывать. Он только что расследовал дело голлистов, по которому обвиняли четырех человек. Один их четырех арестованных сделал признание, которое привела за решетку еще троих. Следователю удалось убедить сознавшегося отозвать свое признание на основании того, что оно было насильно выбито полицией - как это и было на самом деле. Следователь сказал ему:

- Мое расследование обеспечит вам самый мягкий приговор.

На самом деле, он сделал все возможное, что бы как можно дольше продержать информатора в тюрьме. У нас нет своих тюрем. Большая удача, если нам удается воспользоваться вишистскими тюрьмами для своей пользы.

Каждый вечер судебный следователь рассказывает мне, как продвигается дело. Три товарища узнают о том, как их освободили, только после войны.

Если они - и я - доживут.

Шеф в Париже.

Я через Жана-Франсуа устно передал ему содержание накопившейся пачки почты. Жан-Франсуа вернулся. Шеф

согласился, чтобы Феликс, Лемаск и Жан-Франсуа занялись "маки" в регионе. Он также одобрил мое новое назначение Матильды.

* * *

По дороге в Париж Жан-Франсуа вез с собой целый чемодан листовок. В тот же чемодан он положил и кусок ветчины. Ему было жаль своего брата. И действительно, шеф в Париже умирает от голода... На улице Жана-Франсуа внезапно остановил патруль жандармерии ("garde mobile") и приказал открыть чемодан. Жандарм внимательно осмотрел его содержимое. Выражение лица у него было жестким. Жан-Франсуа приготовился бросить чемодан и убежать. Но жандарм просто сказал ему:

- Нельзя смешивать черный рынок с борьбой против бошей. Это неправильно. Когда Жан-Франсуа рассказал об этом своему брату, тот был глубоко тронут. Гораздо больше, чем теми приключениями, в которых наши люди теряли свои жизни.

* * *

В распоряжении Гестапо огромные суммы денег для информаторов и "стукачей". Мы знаем маленький городок с десятью тысячами человек населения, в котором бюджет Гестапо составляет миллион франков в месяц. С такими деньгами ему удалось купить четырех информаторов на нужных местах. Их можно было бы легко ликвидировать, но я думаю, лучше сохранить их до окончательного расчета. Предатели, чьи лица известны, не так опасны.

* * *

В лагере противника у нас друзья повсюду. И мне даже интересно, подозревает ли враг, как они многочисленны, активны и удачно расположены. Я уже не говорю об организациях Виши. Нет ни одной супрефектуры, ратуши, полицейского участка, пункта распределения продовольствием, тюрьмы, комиссариата или правительственного учреждения, где не было бы наших людей. Каждый раз, когда кому-то из наших товарищей угрожает передача в руки Гестапо, сам Лаваль{13} находит на своем столе записку, предупреждающую его, что он лично ответит за наших товарищей.

С Виши не слишком сложно. Но даже среди немцев у нас есть свои "концы".

Бизон по-прежнему непобедим. Матильда попросила его достать четыре немецких мундира. Бизон их достал. Это наверняка означало смерть четырех немецких солдат. Мы никогда не узнаем, как Бизону это удалось. Он скрытен, как и положено сержанту Иностранного Легиона.

Матильда восхищается им и вызывает у него уважение. Он

говорит о Матильде:

- Она - это кто - то.

* * *

Снова переехал. Живу уже под пятым именем. По бумагам: колониальный чиновник в отпуске. Лечусь от малярии. Матильда, как медсестра, приходи делать мне уколы.

Л., член организации генерала де Голля, прибыл из Лондона. Это его пятая поездка. Перед отъездом у него была гора работы. Две бессонные ночи. Полет на самолете. Прыжок с парашютом. Двенадцать километров пешком. Поезд на рассвете. Заснул. Ударился головой о голову своего соседа и проснулся. Спросонья подумал, что все еще в Англии. И сказал:

- Oh, I am sorry. Протер глаза: его соседом был немецкий офицер. Никаких серьезных последствий.

* * *

Улетая в Лондон в последний раз, Л. взял с собой свою семью. Им уже было слишком опасно оставаться во Франции. Семья состоит из его жены, трех маленьких дочек (десяти, шести и четырех лет) и восемнадцатимесячного младенца. Вот история Л.

- Я договорился с рыбаком, который очень хотел попасть в Англию. На своем суденышке он устроил фальшивую палубу. Утром, перед тем как войти на борт, я поговорил с дочерьми. Было еще темно. Я приказал им не шуметь и молиться с большим вниманием и верой, чем обычно. Потом я сказал им, что мы отправляемся в опасное морское путешествие, и, может быть, никогда больше не увидим друг друга, если Бог нам не поможет. Кораблик стоял на якоре в маленькой реке. Мы пробрались в наше потайное место, и судно дало ход. В устье нас ожидала немецкий таможенный досмотр. Я слышал их шаги, и мне казалось, что они давят сапогами мою грудь. Я лежал на спине и держал младенца в руках. Если бы он закричал, застонал, все бы пропало. Я говорил тихо в его ухо, и уверен, что он понимал. Досмотр тянулся долго. Малыш не издал ни звука.

- Когда мы поселились в Лондоне, я наткнулся на дневник, который очень регулярно ведет моя старшая дочь - ей десять лет. Она очень хорошо описала историю ночного пробуждения, молитву и мои предупреждения. В конце она написала: "мы, привычные к таким вещам, не удивились".

* * *

Первая операция Матильды.

Одного из наших очень полезных руководителей групп недавно перевезли из тюрьмы, где его держали, в госпиталь. Вчера вечером машина "Скорой помощи" с четырьмя немецкими

солдатами и медсестрой остановилась у госпиталя. Медсестра показала приказ Гестапо о передаче ей нашего руководителя группы. Ни Матильде, ни людям ее группы не пришлось воспользоваться оружием.

* * *

Феликс, Лемаск и Жан-Франсуа работают над организацией нескольких горных убежищ для людей, прячущихся от принудительной отправки в Германию.

Посетил сектор Лемаска.

Я не эмоциональный человек, но то, что я увидел, никогда не забуду. Сотни и сотни молодых людей вернулись в первобытное состояние. Они не могли мыться. Они не могли бриться. Длинные волосы свисали на задубевшие от солнца и дождя лица. Они спали в пещерах, в ямах, в грязи. Добыча пропитания ужасная ежедневная проблема. Крестьяне пытались делать то, что умели, но это не могло продолжаться вечно. Одежда распалась на лохмотья, обувь порвалась на острых скалах. Я видел ребят, привязавших к ногам вместо обуви куски старых шин или даже полоски коры. Я видел других, у которых из одежды не было ничего, кроме старого мешка из-под картошки, разрезанного на две части, который они обматывали тело на манер набедренной повязки. Невозможно узнать, откуда эти ребята. Кто они: крестьяне, рабочие, служащие, студенты? Они одинаково голодают, на их лицах одно и то же выражение страдания, твердости и гнева. Те, кого я посетил, были хорошо дисциплинированы благодаря Лемаску и отобранным им помощникам. Мы дали им столько денег и продовольствия, сколько смогли достать. Но есть еще тысячи беглецов, скрывающихся в лесах. Ни одна секретная организация не сможет помочь даже их самым элементарным нуждам. Неужели им придется либо умереть от голода, либо сдаться властям? А ведь зима еще не наступила. Горе тем, кто поставил наших молодых людей перед таким ужасным выбором.

* * *

Лемаск делает удивительные успехи. Обязанности, которые он исполнял после моего отъезда в Лондон, его сегодняшняя работа придали ему решительность и авторитет. Он контролирует свои нервы. Его энтузиазм укрощен, но просвечивает наружу, как приглушенный огонь. Он проявляет безоговорочно мощное господство над теми подверженными инстинктам людьми, которыми командует.

У меня нет времени оглядеть территории, находящиеся под надзором Жана-Франсуа и Феликса. Мне нужно будет подготовить срочный отчет для Лондона об этой инспекции для

ближайшей отправки почты.

* * *

Феликс послал ко мне курьера с полным списком всего, что требуется "маки". В конце списка такое примечание:

"Виши послало роту жандармерии в этот регион, чтобы выловить нас. Я установил контакт с капитаном. Мы поговорили и поняли друг друга. Он сказал мне:

- Не бойтесь. Я был офицером Республиканской Гвардии. Я давал присягу защищать Республику. Сейчас Республика в лесах "маки". Я буду защищать ее".

* * *

Матильда сделала открытие, окончательно подтвердившее информацию, в достоверности которой мы еще не были уверены.

У портнихи, у которой в доме живет Матильда, есть сын двенадцати лет. Как и у всех городских мальчишек нашего времени, у него бледная кожа, слабые мускулы и голодный взгляд. Он очень тихий и вежливый. Матильда без ума от него. Мальчик работает пажом в отеле Т. Это хорошая работа, не столько из-за жалования, сколько из-за остатков еды из ресторана, которые ему иногда достаются. Матильду однажды пригласили на такую праздничную трапезу. Она говорила, что не видела ничего более умилительного, чем паренек, притворявшийся сытым и оставляющий лучшие куски матери, и мать, разыгрывавшая ту же комедию, хотя ничто не могло отвратить их взгляды от еды.

Ну, в конце концов, ребенок стал плохо спать. Он кричал, плакал, стонал и задыхался во сне. Самой пугающей была дрожь, которая трясла его тело. Как безумный, он кричал:

- Не делайте ей больно... Не убивайте ее... Стойте, пожалуйста, не кричите так...

Испуганная мать спросила совета у Матильды, до сих пор считая, что она медсестра. Часть ночи Матильда слушала кошмары ребенка. Потом она его тихо разбудила. И начала задавать ему вопросы. Женщина, у которой так много детей, которых она так сильно любила, умеет разговаривать с детьми. Сын портнихи рассказал ей следующее. Около недели назад ему поручили обслуживать постояльцев на четвертом этаже отеля, где он работал. Он должен был стоять на лестничной площадке и открывать дверь. Весь этаж, рассказывал он, был занят дамами и господами, которые говорили по-французски, но были немцами. К ним приходило множество людей. Это были мужчины и женщины, обычно идущие между двумя немецкими солдатами. И у этих французов всегда был неестественный взгляд, как будто они боялись, но не хотели это показывать. И их всегда приводили в

один и тот же номер, номер 87. После этого из этого номера всегда доносились крики и ужасные стоны и шум. Шум прекращался, потом начинался снова и снова. - Пока вы от этого не заболеете, клянусь вам, мадам, - сказал ребенок Матильде.

- Хуже всего - голоса женщин, которым причиняют боль. И если бы вы видели их состояние, когда их возвращают назад. Их часто забирают в другой номер, а потом возвращают. И все начинается снова. Я не хотел никому рассказывать, потому что даже боюсь думать об этом.

Так мы узнали, где в этом городе расположена камера пыток.

* * *

На следующий день Матильда спросила, как бы я посоветовал портнихе поступить с сыном.

- Ну, конечно, прямо сейчас забрать его из отеля, - сказал я.

- А я убеждена, что следует оставить его там, - ответила Матильда. Очень полезно иметь шпиона в таком месте. Особенно такого невинного.

Губы Матильды сжались, и она посмотрела на меня печальным испытующим взглядом. Мне пришлось согласиться, что она права.

Серьезный удар по нашей газете.

Ее набирали в нескольких разных типографиях, каждая выпускала свою часть. Таким путем работавшие на нас наборщики могли делать свою работу быстро и незаметно Затем в тот же самый день шпоны опускали в почтовый ящик, который стоял среди десяти других ящиков в общем коридоре. Товарищ, который жил в этом доме и пользовался этим почтовым ящиком, забирал шпоны и передавал их в другую типографию, где печаталась газета. Вчера дно ящика, видимо, слишком старого, отвалилось, и шпоны с шумом посыпались на пол коридора. Глупый жилец, проходя мимо, подумал, что это взрывчатка. (Почти каждый день в городе взрывались бомбы.) и сообщил полиции. Наш друг в камере. Гестапо уже объявило, что он перешел на их сторону.

Я думаю, он будет сопротивляться испытанию, уготовленному ему номером 87. Но в любом случае, нам придется поменять все адреса типографий. Теперь, когда немцы используют пытки, нам следует придерживаться строгого правила. Как только нашего товарища, который что-то знает, арестовывают, мы априори должны сделать вывод, что все, что знает он, теперь знает и Гестапо. Я сменил свое имя и адрес.

* * *

Капитан жандармерии сдержал свое обещание, данное Феликсу. В лесах он не нашел ни одного дезертира, прячущегося

от депортаций. Для уверенности он ежедневно совершал объезды лесов и долин, но обязательным заранее посылал разведывательный мотоцикл, создававший адский грохот. Это было предупреждение для всех. Но капитан только что сообщил Феликсу, что два офицера СС прибыли, чтобы надзирать и руководить этой охотой на людей.

* * *

Владелец публичного дома рассказывал одному из своих друзей, владельцу бара:

- Мой дом реквизировали боши. Он никогда так интенсивно не использовался. Но я не хочу этих денег. Они обжигают мои руки. Я хотел бы использовать их против бошей.

Владелец бара передал это желание Бизону, а тот, в свою очередь, сообщил Матильде. Она встретилась с содержателем борделя.

- Как я узнаю, что эти деньги действительно используются против бошей? - спросил он ее. - Мы передадим условленную фразу по радио из Лондона, - ответила Матильда. Мы передали условленную фразу. Би-Би-Си повторила ее. Мы получили 500 тысяч франков. Больше того, владелец борделя передал свое великолепное владение в наше распоряжение. Один старый генерал, оказывавший нам большую помощь благодаря своим связям в армии, за которым охотилась полиция, уже нашел там убежище.

* * *

Приключение Феликса.

Капитан жандармерии предупредил, что два офицера СС заподозрили его, и что он не сможет долго противостоять их давлению. Феликс сам занялся изучением передвижений и привычек обоих немцев. Рота жандармерии расположилась в довольно большой деревне. Немцы сняли шале на склоне горы. Они вставали очень рано и завтракали в маленькой гостинице, расположенной между их шале и деревней. Тропа, которая вела к гостинице, с двух сторон окружена насыпями, а в одном месте делает сильный изгиб. Это превосходное место для засады.

У Феликса в арсенале был автомат. Он вполне мог бы прикончить немцев в одиночку. Но в деревне жило два крепких парня, которые всем подряд рассказывали, что готовы сделать что-то против немцев. Один из них почтальон, а другой шорник. Феликс решил воспользоваться возможностью и испытать их. Если они просто трепачи в кафе, то лучше знать, с кем имеешь дело. Если же они действительно могут действовать, то их нужно включить в дело. Феликс предложил работу почтальону и шорнику. Они согласились.

На рассвете трое мужчин засели у изгиба тропы. У Феликса был свой автомат, у почтальона и шорника - револьверы. Вставало солнце. Немцы приблизились. Они говорили на своем языке и громко смеялись. Они не испытывали беспокойства. Они ведь хозяева в завоеванной стране. Феликс поднялся из укрытия и направил на них автомат. Два офицера бросили короткий взгляд на человека с небольшой бородой и круглым красным лицом. Они подняли руки вверх.

- Они сразу все поняли, - рассказывал мне Феликс. - Их лица даже не пошевелились. Феликсу стоило только нажать на спусковой крючок, чтобы покончить с ними. Но он хотел, чтобы почтальон и шорник проверили себя и сдали свой экзамен. Он приказал каждому из них убить по одному немцу. Они подошли и выстрелили несколько раз, как показалось, на мгновение закрыв глаза. Немцы упали, не потеряв хладнокровия, совсем просто. Могила для них была приготовлена заранее. Феликс и его соучастники бросили в нее тела и закопали кусками торфа. Кроме этих трех человек никто никогда не сможет найти тела этих двух эсэсовских офицеров.

- Это была чистая работа, - сказал Феликс, - но, между нами, она меня даже расстроила. Эти гады действительно были бесстрашны. И тот взгляд, когда они поняли, что произошло, как бы ударил меня в живот. Мы взяли наше оружие и оружие эсэсовцев, и пошли попить кофе в бистро, куда ходили боши. Мне было интересно, как будут реагировать почтальон и шорник, потому что я сам, хотя и сделал уже немало плохого, все еще чувствовал себя не в своей тарелке. Ну, там у Жюва, они совершенно спокойно допили свой черный сок, и вскоре оба храпели на скамье. После полудня почтальон пошел разносить письма, а другой вернулся к продаже своей упряжи, как будто ничего не произошло.

Феликс потер свою лысую макушку и заметил:

- Они на самом деле изменились, французы.

* * *

Шеф будет восхищен почтальоном и шорником. Этот человек исключительной интеллигентности и культуры любит только истории о детях и о простых людях.

* * *

Я живу у молодой пары в очень скромном месте. Он - служащий торговца шелком и проводит ночи, работая для нас курьером. Его жена стоит в очередях, готовит пищу, присматривает за домом и служит моей секретаршей, что заставляет и ее не спать ночами. Она уже неоднократно теряла сознание. Я сказал об этом мужу. Но тот нашел это совершенно

естественным. Он, конечно, любит свою жену. Но работа на первом месте.

* * *

Я думаю, что среди участников подпольного движения происходит эволюция, изменяющая их темперамент в обратной пропорции. Тихие, чувствительные и миролюбивые люди ожесточились. Жесткие, как я сам, напротив, стали чувствительнее. Как объяснить это? Возможно те, кто видели жизнь в розовом свете, защищаются неким щитом против часто ужасающей реальности, которую открывает Сопротивление. И, возможно, люди вроде меня с их более пессимистичным взглядом на людскую природу, открыли в Сопротивлении, что люди лучше, чем они полагали раньше.

Только шеф остается верен себе. Я думаю, ему пришлось долго оценивать возможности добра и зла, неосознанно существующих в каждом человеке.

* * *

Долгий разговор с Луи Х., руководителем группы, с которой мы часто сотрудничаем. Сначала мы обсудили очень специфическую тему. Трое очень ценных людей Луи Х. сидят в концентрационном лагере. Гестапо потребовало выдачи этих трех мужчин. Через четыре дня их перевезут в Гестапо на поезде. У организации Луи Х. огромные потери за этот месяц, и у него больше нет людей, чтобы освободить своих товарищей. Он попросил нас провести эту операцию. Я отдал необходимые приказы.

Потом, самопроизвольно, мы, как бывшие одноклассники, сослуживцы или однополчане, оба ударились в воспоминания. Мы оба уже ветераны Сопротивления, Мы видели, как утекло много воды и крови. Луи Х. подсчитал, что из четырех сотен первоначальных участников его группы, в живых осталось только пятеро. Пусть у нас пропорция выживших больше (дело удачи, или, возможно, организации), наши потери тоже ужасны. И Гестапо наносит свои удары беспрестанно, все сильнее и ближе. Но врагу уже не удается больше подавить Сопротивление. Время ушло, слишком поздно. Луи Х. и я решили, что если год назад Гестапо арестовало или расстреляло бы тысячу правильно выявленных нужных людей, оно, таким образом, перерезало бы все руководство наших групп и дезорганизовало бы Сопротивление на долгое время, может быть, даже до конца войны. Сегодня это невозможно. У нас слишком много кадров и подчиненных, добровольцев и пособников. Они могут депортировать всех мужчин, но останутся женщины. И среди них тоже немало удивительных. Сопротивление приняло форму

гидры. На кровоточащем месте одной отрезанной головы вырастают десять.

* * *

Когда Луи Х. ушел, я почувствовал некую депрессию. Нелегко считать потери. И, кроме того, мне действительно долго не удавалось выспаться. Я думал о горе Мон-Валерьен, где ежедневно расстреливают людей, о поместье в Шавиле, куда грузовики ежедневно привозят жертв на расправу расстрельным командам, о стрельбище в З., где ежедневно наших товарищей убивают из пулеметов.

Я думал о камерах в Фресне, о подвалах в Виши, о номере 87 в отеле в Т., где каждый день, каждую ночь, они жгут груди женщинам, ломают пальцы, загоняют булавки под ногти, подключают к гениталиям электрический ток. Я думал о тюрьмах, о концлагерях, где люди умирают от голода, туберкулеза, холода, вшей. Я думал о нашей подпольной газете, уже три состава редакции которой были полностью расстреляны. О секторах, в которых не осталось ни одного мужчины и ни одной женщины из первоначального состава, когда работа только начиналась.

И я спросил себя как жесткого реалиста, как инженера, работающего с чертежами: оправдывают ли наши результаты такие потери? Стоит ли наша газета жизней ее редакторов, печатников, распространителей? Перевесят ли мелкие диверсии, незначительные ликвидации, наша скромная секретная армия, которая, возможно, так никогда и не вступит в бой, наши ужасные потери? Действительно ли мы, руководители, найдем оправдание пробуждению, обучению и принесению в жертву так многих хороших храбрых людей, такого большого доверия, нетерпеливых, возвеличенных душ ради битвы удушения, ради борьбы секретов, ради голода и пыток? Короче говоря, действительно ли мы нужны для победы?

Как реалисту, как честному математику мне пришлось допустить, что я этого не знаю. И я даже так не думал. В цифрах, при практичном подсчете, мы проигрываем. Потому, размышлял я, нам нужно честно сдаться. Но как раз в тот момент, когда я думал о том, чтобы сдаться, я почувствовал, что это невозможно. Невозможно переложить на других ответственность, всю тяжесть нашей защиты и спасения. Невозможно оставить немцев с памятью о стране без отпора, без чувства собственного достоинства, без ненависти. Я чувствовал, что, когда врага убиваем мы, без мундиров, без флага, без территории, то тело одного этого врага весит намного больше на весах, измеряющих судьбу нации, чем целое кровопролитие на поле битвы. Я понял, что мы отважились на самую славную войну в истории

французского народа. Войну с малым материальным интересом, с тех пор, как победа обеспечена и без нашей помощи. Войну, к которой нас никто не принуждал. Войну без славы. Войну казней и убийств. Другими словами, незаконную войну. Но эта война - акт ненависти и акт любви. Любви к жизни.

- Для людей, столь щедро жертвующих своей кровью, - однажды сказал шеф со своим беззвучным смехом, - по крайней мере, подтверждено, что ее тельца являются красными.

* * *

Девушка-коммунистка рассказывала мне:

- Мой товарищ, ничем не примечательная женщина, подвергалась таким попыткам в тюрьме Санте, что после побега оттуда постоянно носит с собой яд. Понимаете, она больше не смогла бы через это пройти. Она скорее умрет. Так что она попросила у меня порция яда, которую всегда носит в своем чемоданчике. Потому что, вы понимаете, вопрос о том, чтобы прекратить борьбу против бошей вообще не возникал. Тогда уж лучше умереть сразу же.

* * *

Провел день в деревне у владельца большого виноградника.

Среди прочего, он сказал мне:

- Если вам понадобится танк, дайте мне знать.

Я узнал, что во время отступления он спрятал старый танк "Рено". Он загнал его в один из гаражей и окружил стеной. У меня не хватило смелости сказать ему, что этот старый кусок металлолома ни на что уже не годен. Он им так гордился. И, кроме того, ради этого танка он рисковал жизнью, жизнью легкой и полной удовольствий.

* * *

Матильда и Бизон отправились организовывать побег трех узников, о чем меня просил Луи Х.

Приключение Жана-Франсуа.

Район "маки", где работает Жан-Франсуа, расположен недалеко от довольно большого города, куда он часто ходил за провиантом, для поддержки связи, за фальшивыми документами и так далее. Он ходил туда слишком часто, как мне кажется, поэтому его арестовала французская полиция, когда он выходил из поезда.

Со времен своего недолгого опыта службы в разведывательном корпусе Жан-Франсуа полюбил ручные гранаты. И сейчас у него в чемодане были три штуки. Когда он в сопровождении двух конвоиров пробирался через толпу к узкому выходу со станции, ему удалось открыть замок чемодана и высыпать его содержимое на пол. Собирая все назад, он смог

незаметно рассовать гранаты по карманам. Пока его вели в комиссариат, он дважды нагнулся, чтобы завязать шнурки. Гранаты остались в сточной канаве.

Полиция немного заподозрила его движения и надела наручники.

- Снимите их на минутку, чтобы он смог подписать свои показания, сказал комиссар, к которому привели Жана-Франсуа. Стоило наручникам освободить его руки, как Жан-Франсуа со всей силой ударил полицейских, стоявших по обеим сторонам от него. Они попытались скрутить его, но он их оттолкнул, отбросил комиссар в сторону и побежал к двери полицейского участка. В дверь как раз входил священник.

- Держите вора! Держите вора! - кричали полицейские, пытаясь догнать Жана-Франсуа. Священник стал в проходе.

- Голлист! Голлист! - закричал Жан-Франсуа.

Священник пропустил его и тут же загородил дверь обоим полицейским. Они попадали на пороге. Пока полицейские пытались выпутаться из-под сутаны кюре, Жан-Франсуа выбежал по улице, затем пронесся по другой, потом еще по одной, и оказался, наконец, вне досягаемости.

Но как долго? У них есть его описание. Его куртка разорвана. Если пойти домой к кому-нибудь из людей, кого он знал, то есть опасность навести полицию на след всей местной организации. Ему нужно было как можно быстрее покинуть город. Но за станцией наблюдали сильнее, чем за каким-либо другим местом. Жан-Франсуа решил уйти пешком, но сперва ему следовало изменить внешность. Он зашел в парикмахерскую, в которой никого не было, и позвал владельца. Тот, с видимой простудой, вышел в тапочках из задней комнаты. У него было не вызывающее доверия лицо, напоминавшее куницу, с осторожными маленькими глазками, спрятанными под дряблыми веками. Настоящее лицо "стукача". Но у Жана-Франсуа не было ни выбора, ни времени. Он попросил парикмахера сбрить усы и перекрасить его естественные пепельно-светлые волосы в густой черный цвет.

- Я хочу сыграть одну шутку, - объяснил он, - пари с моей подружкой.

Парикмахер не ответил и молча принялся за работу. Время от времени Жан-Франсуа пытался поймать взгляд парикмахера в зеркале, но ему это так и не удалось. За целый час они не перебросились ни словом.

- Это - все, - думал Жан-Франсуа.

- Ну, как? - наконец, спросил парикмахер.

- Прекрасно, - ответил Жан-Франсуа. Его действительно нельзя было узнать. Ему даже больно было смотреть на свое

жесткое, темное лицо. Он заплатил парикмахеру двадцать франков.

- Я сейчас принесу сдачу, - сказал парикмахер.

- Не стоит, - ответил Жан-Франсуа.

- Я принесу вам сдачу, - повторил парикмахер и исчез за грязноватой занавеской. Жан-Франсуа настолько был уверен, что тот донесет на него, что взвешивал два варианта - или просто убежать или до того убрать этого человека с дороги. У него не было времени решать. Парикмахер почти сразу же вернулся со старым плащом, висящим на руке.

- Быстро наденьте это, - сказал он тихим голосом, все еще не глядя на Жана-Франсуа. - Красивым этот плащ не назовешь, но у меня он только один. Иначе вас быстро заметят в этой рваной одежде.

* * *

Жан-Франсуа рассказал мне эту историю так же весело, как всегда, но его веселость показалась мне утратившей былую свежесть. Его смех стал немного жестче. Возможно, из-за черных, как чернила волос его лицо приняло какое-то другое выражение. Или, может быть, на нем начинает отражаться состояние постоянного риска, ощущение постоянного чьего-то невидимого присутствия за его плечами.

В любом случае, он больше не будет осуществлять связь со своим братом. Я не хочу, чтобы хоть какая-то малейшая зацепка смогла вывести полицию на след Сен-Люка. Я сказал об этом Жану-Франсуа, и он согласился без единого слова. Он очень редко говорит о своем брате, и если говорит, то очень кратко. Тот факт, что его брат и шеф - одно и то же лицо, кажется, сбивает его с толку. Я сожалею об этой его сдержанности - мне нравилось слышать, как он называет брата "Сен-Люк".

* * *

Трех товарищей, освободить которых нас попросил Луи X., посадили на поезд вчера в 7.45. Их разместили в купе третьего класса, надели наручники и приставили к ним пять жандармов. Матильда села в поезд в то же время. На ней было черное пальто и такого же цвета платок на голове. Матильде удалось устроиться в вагоне, в котором везли заключенных. Поезд прошел несколько станций, затем дорога шла через пустынную деревенскую территорию. В 11.10 Матильда дернула стоп-кран, проскользнула в купе, соседнее с тем, в котором держали узников, подошла к окну и развязала свой черный платок. Через несколько секунд, когда поезд остановился, Бизон и еще два наших человека с железнодорожной дамбы запрыгнули в вагон, где сидели жандармы и три товарища из группы Луи X. Наши люди были

вооружены автоматами. Жандармы сняли с заключенных наручники. Затем мы заставили жандармов снять свои мундиры, из-за чего не слишком огорчились. Товарищи Луи Х. и наши люди переоделись в жандармскую форму, взяли их карабины и спрыгнули на дорогу. В этот момент появился главный проводник.

- Теперь можете ехать, - крикнул ему Бизон. Поезд двинулся. Матильде даже не пришлось выходить из купе.

* * *

Место, выбранное для похищения, находится в двенадцати километрах от довольно большого поместья. Эта земля принадлежит тому самому владельцу виноградника, который предлагал мне танк. Он спрятался на другой стороне дамбы с телегой, запряженной двумя лошадьми. В телеге лежало несколько больших пустых винных бочек. Люди Луи Х. и наши спрятались на дне бочек. Виноградарь привез их в кладовую в своем доме. Бизон и два его товарища ушли с наступлением ночи. Сбежавшие узники спрячутся у виноградаря еще на неделю. И смогут немного нарастить жирок.

Приехав туда, я провел с ними один вечер. От троих остались буквально одни кости. Дисциплина в их лагере была куда суровее, чем в том, где я познакомился с Легрэном. Запрет на получение посылок, много бесполезной работы, постоянное наблюдение, часовые ночью у дверей каждого барака. Колючая проволока под током высокого напряжения. Узники так голодали, что ели траву, которая росла в лагере. Комендант проводил ежедневную инспекцию с плеткой в руке. Этим он задавал тон для охранников.

- Однако однажды издевательства прекратились, - рассказывал один из сбежавших заключенных, - благодаря вмешательству одного самого странного нашего товарища. Деревенский землевладелец в мирной жизни, он посвятил свою жизнь сочинению приключенческих романов, печатавшихся в местных газетах. В Сопротивлении он действовал в точности в духе своих романов. Чудо, что его не застрелили. Мы никогда не встречали человека более импульсивного, разговорчивого, большего фантазера. Но однажды он сказал коменданту, что у него в самом лагере спрятан радиопередатчик, что с его помощью он поддерживает связь с Лондоном, и что комендант будет казнен, если хоть раз еще ударит заключенного. Старый мерзавец поверил и испугался.

* * *

В том же лагере была партийная ячейка коммунистов. С ними, как всегда, обходились самым жестоким образом. Однажды

нескольким коммунистам удалось сбежать. Через три дня они вернулись и сдались. Они бежали без разрешения партии. И партия отправила их назад в лагерь.

* * *

Этот факт напомнил мне о моем разговоре с депутатом парламента от коммунистов, сбежавшем из концлагеря в Шатобриане. Он мог бы сбежать без труда. Но он не делал этого, пока партия ему не приказала. Только трем его товарищам был разрешен побег. Прочие остались. Их включили в число жертв первого официального уничтожения заложников.

В тюрьме и в лагере самым страшным мучением для этого депутата была мысль, что его арестовали в собственном доме, хотя Компартия проинструктировала своих активистов никогда не ночевать дома.

- Понимаете, - сказал этот человек, отдавший партии двадцать пять лет жизни, - понимаете, меня могли бы выгнать из партии, и я заслужил это. К счастью исполнительный комитет был снисходителен. Они просто устроили мне хорошую взбучку и привлекли к работе.

Работа его состояла в редактировании подпольной "Юманите". К этому времени уже четыре ее прежних главных редактора по очереди были расстреляны.

* * *

Я не знаю ни одного человека в Сопротивлении, кто не говорил бы о коммунистах с особым чувством в голосе и с очень серьезным выражением.

* * *

Офицер из французского штаба в Лондоне прибыл с очень важным заданием на несколько недель в Париж. На следующий день после бомбардировки американской авиацией заводов Рено мы услышали, как один рабочий с этого завода, с рукой на повязке, открыто радовался результатам налета. Мой товарищ незаметно положил что-то в неповрежденную руку рабочего. Это был Лотарингский крест.

- Я понимаю, что это довольно странный жест, - сказал он мне после этого, - но я не был во Франции три года, и открытие этой новой нации немного вскружило мне голову.

Довольно долгая поездка в компании с майором маркизом де Б.

Его приговорили к тяжелым работам, и ради жизни и из-за патриотизма он сбежал после тридцати страшных месяцев заключения. Он человек исключительного темперамента, очень смелый, но всегда здравомыслящий. Ожидая, пока мы сможем переправить его в Англию, он разъезжает по стране, собирая

информацию, как будто у него совершенно надежный статус, и вся полиция Франции не разыскивает его.

- Я чувствую, что жил как слепой, - рассказывал он мне. - В моем кругу у нас не было ни возможности, ни времени, ни, честно признаюсь, желания сблизиться с народом и узнать его. Со времен моего побега я всегда встречаю только людей из народа, и я никогда не забуду этот урок.

Однажды вечером из-за нестыковки при установлении контакта майор де Б. оказался без документов и денег в деревне, где никого не знал. Майор де Б.постучал в дверь школьного учителя и попросил о гостеприимстве. Не спрашивая ничего, учитель провел этого чужака в столовую, где как раз готовились к обеду - скудному, естественно. У жены учителя было трое детей. После обеда майор де Б. отвел учителя в сторону и сказал:- У вас семья. Я должен предупредить вас, что я офицер генерала де Голля и сбежал из тюрьмы, а Гестапо назначило награду за мою голову.

Учитель подпер дверь толстой доской и показал майору два тяжелых револьвера.

* * *

Пересаживаясь с поезда на поезд, мы заняли места в купе, где сидел вдрызг пьяный немецкий солдат. Некоторое время спустя его стошнило прямо на наши ноги. Лицо майора де Б. страшно побледнело, и он тихо сказал:

- Heraus, Schwein!{14} Может быть, солдату показалось, что он столкнулся с немецким офицером в штатском или агентом Гестапо или просто автоматически подчинился голосу "вышестоящего начальника"? Я не знаю, но из купе он вышел.

* * *

Многие люди в Сопротивлении проводят большую часть времени в поездах. Ничего нельзя доверить телефону, телеграмме или письму. Любую почту может доставить только курьер. Каждая явка, каждый контакт предполагает поездку. Кроме того, есть перевозчики оружия, газет, радиостанций и диверсионного оборудования. Это объясняет необходимость целой армии курьеров, циркулирующих по Франции, как лошадки на карусели. Но это объясняет и те ужасные удары, которым они подвергаются. Враг, так же как и мы, прекрасно знает, насколько необходимы нам эти постоянные разъезды. Не было ни одной поездки, в ходе которой я не встретился бы с двумя, тремя или четырьмя товарищами из моей организации или из какой-то другой и, как предполагаю, сталкивался с еще очень многими, которых не знал. Жизнь заговорщика вырабатывает почти безошибочный инстинкт в этом отношении. Интересно, настолько ли силен этот же

инстинкт у полиции?

* * *

Мне кажется, что за мной следит старый господин с опрятной бородкой и ленточкой Почетного Легиона в петлице. Неужели Гестапо выпускает свои щупальца? Я приказал одному из наших людей проследить за стариком.

* * *

С Бизоном произошла глупейшая авария. Он слишком быстро ехал на украденном у немцев мотоцикле и перевернулся. Кома. Госпиталь. При нем было два револьвера и большой складной нож.

Его отпечатки пальцев хранились в картотеке. Французская и немецкая полиции были проинформированы. Все еще находившегося без сознания Бизона поместили на операционный стол. Трещина в черепе, сломанная челюсть. Прибывшая полиция убедилась, что он еще в бессознательном состоянии, и перенесла допрос на следующий день. Бизон очнулся на рассвете. Голова его была полностью забинтована. Он испытывал ужасные боли. Санитаров вокруг не было. Он встал и сбежал из госпиталя через окно. Без перерыва двигался он по городу и наткнулся на трамвай, который как раз шел в пригород, где жили его друзья. - Я увидел четыре двери, - рассказывал он потом, - к счастью, я нашел правильную.

* * *

Сегодня за мной ходят два человека. Старый господин с орденской ленточкой в петлице и другой, притворяющийся продавцом билетов Национальной лотереи. Пришло время мне исчезнуть. Очевидно, я слишком много разъезжал.

* * *

Очень неприятная ситуация. Женщина, в доме которой я прячусь, страшно напугана. Сотрудничающий с нами священник попросил ее спрятать меня. Она сделала это из чувства долга, и потому что священник долгие годы был ее духовником. Но я чувствую, что она в состоянии постоянного мучения. Стоит раздаться звонку или стуку в дверь, у нее замирает дыхание, а я ведь не могу оставаться без связей.

Я подумывал попробовать изменить внешность. Но глаза мои слишком близко посажены, а нос ни с чьим не спутаешь. Борода на моем лице смотрится ненатурально, а кроме того, полиция в наши дни очень подозрительно относится ко всем бородатым. Я не рожден, чтобы быть актером. У нас был товарищ, который легко делал из себя горбуна и выглядел так жалостно, что немцы часто уступали ему место в метро. Он садился очень осторожно, потому что в своем горбу переносил много интересных вещей.

* * *

Срочное задание заставляет меня отправиться в дорогу. Что за облегчение для женщины, приютившей меня!

* * *

В тот же день, когда я покинул мадам С., в ее квартиру нагрянула полиция. Обыск не дал результатов, но они все равно увезли мадам С.

* * *

Я уехал, чтобы закончить ряд схем, которые готовил уже долго. Ими очень интересуется Лондон. Я поехал к фермеру, который живет недалеко от моей цели. Он предоставляет мне всю информацию. Чтобы меня никто не заметил в этом очень тщательно охраняемом районе, врач из ближайшего города на машине привозит меня к опушке, откуда я пешком под защитой кустов добираюсь до фермы. В этот раз у доктора не хватило бензина, и он смог довезти меня до тропинки и сразу там оставил. На входе тропинки (только вечер был великолепен) прогуливался немецкий солдат. Он не видел, как я вышел из машины, но видел, как она подъехала и уехала.

Я обедал с моим фермером и показывал ему мои схемы. Едва я засунул их назад в карман, как солдат, которого я видел на тропинке, вошел и знаком приказал мне следовать за ним. Дорога была отрезана. На мгновение я подумал было прыгнуть ему на спину, выцарапать глаза и убить его. Но я боялся подвести фермера под расстрел. По той же причине я не решился избавиться от схем. Солдат привел меня на военный пост к дежурному офицеру и изложил ему мое дело. Этот лейтенант был смуглым и темноволосым, и, хорошо помню, его лицо дало мне надежду. Я предпочитаю темноволосых немцев блондинам.

-Что вы делаете на ферме? - спросил меня лейтенант. У меня было время, чтобы заранее подготовить ответ. Я сказал, что я агент страховой сельскохозяйственной компании.

- Какой страховой компании?

- Цюрихской, - ответил я. Я сказал так не случайно. Я не знаю, какой импульс подсказал мне, что если какое-то название и могло бы заинтересовать офицера, то именно это. Оказалось, что он хорошо знал Цюрих, как и я. Мы поговорили об его парках, музеях и театрах и вообще о Швейцарии, и немец отпустил меня без обыска.

* * *

Схемы, которые я подготовил, мне следовало передать в большом деловом офисе в Париже на Авеню дель Опера. Два дня спустя, путешествуя только местными поездами, я появился там. Как только я протянул руку к звонку, как дверь открылась сама

собой. Чья-то рука мягко схватила меня за запястье и втянула вовнутрь. Я столкнулся с немецкими полицейскими. С утра офис стал ловушкой.

- Кто вы? Зачем вы сюда пришли?

Я придумал объяснение, связанное с обычными коммерческими делами.

- Ваши документы?

Я показал самые новые, изготовленные после того, как за мной начали следить те два старика. Один из полицейских подошел к телефону и стал говорить со штаб-квартирой Гестапо. Я понимаю немецкий и смог понять суть беседы. На другом конце провода полицейского попросили прочесть список имен. Я услышал имя, которым пользовался всего десять дней назад. Полицейский вернулся ко мне, вернул мне бумаги и вытолкнул за дверь. Я старался идти как можно медленнее. В помещении консьержа мне показалось, что я увидел человека в очках. Я спокойно вышел и пошел по улице, останавливаясь у витрин магазинов. В нескольких шагах от меня двигался человек в очках. Потом я дошел до булочной, в которой, как я знал, было два выхода. Таким путем я выиграл несколько минут. Я увидел пожарное депо, где нашел нескольких благожелательно настроенных людей. Они спрятали меня в пожарной машине и привезли на ней к торговцу подержанной мебелью на левом берегу, одному из лучших наших агентов. Я передал ему схемы и наследующий день покинул Париж, толкая перед собой тачку, полную старых стульев.

Три раза подряд я успешно избежал самого худшего. Что за необычайная комбинация невероятностей! Верующий назвал бы это чудом. Игрок в "баккара" сказал бы, что это хорошая рука.

* * *

Подобрал укрытие в маленькой деревушке в доме у мясника - подпольного забойщика скота. Каждый день кто-то приносит ему свинью, теленка или барашка, из которого он выпускает кровь, убивает и режет. Его защищает все население, которое он кормит дешевым мясом. Этот человек - святой черного рынка. Он не берет с людей больше, чем нужно ему на жизнь. Обманывать немцев и Виши - самое лучшее развлечение для него. Он прячет и кормит меня за смешную плату. Он дает мне лучшую вырезку. Я объедаюсь мясом, вот так чудо. Подпольный мясник прячет еще одного бывшего министра, которого вскоре отправят в Лондон. Мы вместе играем в шары. Погода чудесная, горный воздух бодрит, и дни пролетают быстро.

* * *

Когда кто-то, как мы, меняет одно случайное убежище на

другое, по милости сообщников, по доброй воле или из-за преследования, приходится посещать самые необычные места. Способность удивляться притупляется. Но мое новое убежище полностью оживило мое умение удивляться.

Это маленький особняк восемнадцатого века, с окнами, дверьми, обоями, картинами и мебелью того времени. Вокруг него посажены тихие деревья, а перед фасадом разместился пруд с цветущими водяными лилиями. Тропы поросли мхом, и кажется, что все уснуло за этими обваливающимися стенами, окружающими парк.

Особняк принадлежит двум старым дамам, сестрам, которые никогда не были замужем. Здесь они живут более трех четвертей века. У них был брат, которого они обожали. Он погиб на войне в 1914 году. Их друзья постепенно умерли, и теперь они никого не знают. Поместье находится далеко от дорог, и они никогда не видели немцев. Их пища, состоящая из овощей и молочных продуктов, не изменилась и по-прежнему поставляется им старым фермером.

Мир и жизнь забыли об этих женщинах.

Мой подпольный мясник встречается время от времени со старым фермером. Фермер рассказал обо мне этим дамам, и вот я здесь.

Днем я гуляю среди заколдованных деревьев, где животные не боятся человека. Вечерами я слушаю песни лягушек, а потом - крики ушастой совы. Во время трапез старые дамы на изысканном французском задают мне вопросы о войне. Но им трудно понять мои ответы, потому что они не знают, что такое самолет, танк, радио и даже телефон. Они погрузились в своеобразный летаргический сон еще в начале прошлой войны. Смерть брата навсегда остановила для них движение вселенной. Единственная война, которая для них реальна и жива в памяти, это война 1870 года. Их отец, дяди и старшие кузены принимали в ней участие. Истории, собранные ими об этом, создают ауру волнения молодости этих двух женщин. Их ненависть к пруссакам относится к тому времени, когда я еще не родился.

Однажды я попытался кратко набросать этим старым леди картину сопротивления. Они качали своими маленькими морщинистыми головами. - Я поняла, сестра, - сказала одна из них, - они как "вольные стрелки". - Но приличные и с хорошими манерами, сестра, - поспешила добавить другая.

* * *

Время идет. Время значит много. Я часто думаю о шефе. Он бы бесконечно смог жить в месте, вроде этого. Мне хотелось бы иметь его книгу единственную, которую он написал. Об этом

знает очень мало людей. Но немногие ученые люди, разбросанные по миру, считают Ж. равным себе, именно из-за этой книги. Именно из-за этой книги и я хотел познакомиться с ним. Уже долгое время он был моим интеллектуальным ориентиром

* * *

Время идет.

Я развлекаюсь, составляя по памяти список подпольных газет, которые знаю:

l'Avante-Garde
L'Ecole Laique
L'Art Francais
L'Enchaine du Nord
Bir Hakim
L'Etudiant Patriote Combat
France d'abord
Franc-Tireur Ce Piston
Le Franc-Tireur Normand
Le Populaire
Le Franc-Tireur Parisien
Resistance
l'Humanite
Rouge Midi
l'Insurge
Russie d'Aujourd'hui
Les Lettres Francaises
l'Universite Libre
Liberation
Valmy
Liberer et Federerla
Vie Ouvriere
Le Medecin Francaisla
Voix du Nord
Musiciens d'Aujourd'hui
La Voix de Paris
Pantagruella
Voix Populaire
Le Pere Duchesne

* * *

Еще был "la Voix des Stalags" ("Голос Шталагов"{15}).

В начале 1942 года несколько партизан - военнопленных встретились в Париже. Некоторых из них освободили по причине плохого состояния здоровья, большинство - сбежали. Они беседовали о жизни в лагерях, и все согласились, что было бы

здорово распространять среди военнопленных газету, которая боролась бы с циркулирующей в лагерях пропагандой в пользу маршала Петена, пользующейся полной поддержкой немцев.

Собравшиеся товарищи решили выпускать "Голос Шталагов". Они нашли бумагу и типографию. Они писали статьи и сводки новостей. Но как может такая газета дойти до читателя? Существует вполне достаточно торговцев, снабжавших лагеря провиантом и другими товарами, которые смогли бы припрятать тонкие листы среди них. Но как уберечь эти пакеты от обыска и как получить нужные адреса.

Один из членов комитета решил эти две проблемы одновременно. Он обратился в редакцию газеты "Je Suis Partout" ("Я - повсюду") и рассказал служащему такую историю:

Он - директор школы. И он создал систему регулярного сбора среди своих учеников подарков для отправки пленным. Он сам был в плену, и в Германии с энтузиазмом следил за злобной коллаборационистской кампанией, которую вела газета "Je Suis Partout". И он хотел бы рекламировать эту газету среди военнопленных.

Псевдодиректора с огромным воодушевлением провели в бюро главного редактора. Тот дал ему 1200 адресов в разных Шталагах. Они были напечатаны на ярлыках этой газеты, работавшей для врага. Нельзя было бы придумать лучшего пропуска для "Голоса Шталага".

* * *

У меня новое имя и я в очередной раз сбрил усы. У меня отросли очень длинные волосы, и я ношу старую кепку. Теперь я бухгалтер у одного промышленника, на которого работает около сотни человек. Я сплю на фабрике. Даже самое настоящее удостоверение личности уже не удовлетворяет полицию. За время моего уединения машина контроля, машина, которая душит нас, стала еще страшнее. Из-за депортаций и дезертиров теперь требуется иметь рабочую карточку, сертификат о прохождении проверки и сертификат о проживании. Облавы и проверки безжалостны. Обыски в трамваях, ресторанах, кафе, кинотеатрах. Идут чистки целых кварталов, квартира за квартирой. Почти невозможно проехать сто километров на поезде, не подвергнувшись полицейскому допросу.

Все дело становится адски сложным. Женщины берут на себя все больше и больше работы.

* * *

Снял студию для наших контактов.

В этом доме я выдаю себя за художника, которому нравится рисовать, когда он развлекает своих друзей или беседует с ними.

* * *

Этим утром должен встретиться я в студии с Жаном-Франсуа, Лемаском и Феликсом. Я не видел их уже несколько месяцев и нам нужно очень много решить для их "маки". Когда я подходил к дому, консьержка у двери вдруг ни с того, ни с сего, начала выбивать старый коврик. Увидев меня, переходящего улицу, она стала выбивать его с какой-то странной яростью. Эта консьержка никогда не была одной из нас и ничего не знает о моей деятельности.

Но, тем не менее, я не вошел в дом.

* * *

Эта женщина осознанно спасла мою жизнь. Удивительно простая цепь случайностей привела к катастрофе.

Уезжая из региона, Жан-Франсуа передал командование одному бывшему офицеру, пользовавшемуся большим авторитетом, но слишком оптимистичному и без навыков конспирации. Ему потребовалось послать сообщение Жану-Франсуа, и он направил курьера. Это был совсем юный мальчишка безо всякого опыта и, вместо того, чтобы послать его к посреднику, бывший офицер дал ему полный адрес студии. Паренек, ожидая поезда на пересадочной станции, уснул. Его разбудила проверка документов. При нем нашли мой адрес, а он не смог найти удовлетворительного объяснения. В студии устроили засаду, и Лемаск, Феликс и Жан-Франсуа были арестованы. Только после этого консьержке пришла в голову мысль воспользоваться ковриком, чтобы подать мне сигнал тревоги.

* * *

Новости от Жана-Франсуа.

Полиция допросила его в студии, выложив на стол в качестве доказательства все донесения, найденные у Жана-Франсуа, Феликса и Лемаска. Жан-Франсуа отвечал все, что приходило ему в голову. Внезапно он так сильно ударил комиссара по руке, что тот ослабил хватку. Жан-Франсуа освободился от его рук, схватил документы, ударами повалил двух инспекторов - одного на другого, и как ураган помчался вниз по лестнице. Он в надежном месте передал мне донесения и, получив мои инструкции, вернулся назад в леса "маки".

* * *

Новости от Феликса.

На обрывке тонкой гладкой бумаги у Феликса был адрес запасной явочной квартиры, арендованной на имя одной молодой девушки, куда я время от времени приходил под видом покровителя. Этот адрес Феликс зашифровал своим собственным

кодом. На допросе ему удалось объяснить эти значки как условленную встречу в определенный день и час в оживленном квартале с важным руководителем Сопротивления. Он выдавал эти сведения с колебаниями, уклончиво и с оговорками, чтобы полицейские легче поверили. В тот же день он согласился привести двух полицейских на предполагаемую встречу.

Он дошел до середины квартала, полицейские отставали от него на несколько шагов Рядом проезжал трамвай. Феликс запрыгнул на подножку, протиснулся вовнутрь и вышел с другой стороны, где растворился в толпе.

Затем он захотел сообщить об этом мне и пошел на запасную явочную квартиру. Но за это время девушка, снимавшая ее, сама пришла в студию, где ее арестовала полиция и заставила заговорить.

Феликса снова арестовали.

Как и Лемаска, его содержат в Виши в подвалах отеля "Бельвью", реквизированного Гестапо.

* * *

Я видел на фабрике молодого рабочего, который восемь месяцев без всякой причины провел в немецком квартале тюрьмы Фресне. Ему сломали два ребра, и он хромает.

Самым невыносимым для него был тяжелый запах гноя, исходящий от стен камер.

- Запах наших замученных товарищей, - говорит он.

Я думаю о Лемаске. Я думаю о моем старом друге Феликсе.

* * *

Новости о Лемаске.

Его заперли в одну камеру с Феликсом, в наручниках и в ножных кандалах. Феликс считается более опасным. Он вызвал жуткую ярость Гестапо, обманывая их. Они начали допрашивать его с самого первого дня. Он не вернулся с допроса, но в эту самую ночь, при свете ламп в камере, Лемаск видел, как тело Феликса тянули по коридору на веревке, привязанной к его шее.

На его лице больше не было глаз, не было нижней челюсти. Лемаск смог опознать его только по лысой макушке. Феликс Тонзура...

Лемаск так напуган, что ему предстоит пройти через те же пытки, что внезапно понял, что он сбежит.

Лемаск смог (он так никогда и не сказал, как именно) расстегнуть замочек кандалов на лодыжках. Несмотря на наручники, ему удалось раскачать решетку вентиляционного отверстия, вынуть ее и, изгибаясь, выползти ногами вперед. Так он оказался на улицах Виши, закованный в наручники. В Виши он знал только одного человека - министерского чиновника,

проживавшего в одном конфискованном отеле. Лемаск видел его только однажды, получая от него поддельные бумаги. На улицах, переполненных патрулями жандармерии и Гестапо, Лемаск в наручниках принялся искать этот отель. Он должен был найти его до рассвета, иначе он погиб. Наконец, он нашел это место. Он вошел в спящий отель. Последняя попытка, отчаянная попытка памяти вспомнить этаж и номер комнаты. Лемаску показалось, что он все-таки вспомнил. Он постучал в дверь, и она открылась. Это действительно был товарищ, которого он искал.

В тот же вечер дружески настроенный рабочий пришел в отель с ножовкой и освободил Лемаска от наручников. Я получил подтверждение этого рассказа и от чиновника, и от рабочего. В противном случае мне пришлось бы всегда задаваться вопросом, не проявил ли Лемаск слабость и не выдумал этот побег по заданию Гестапо.

* * *

Движение Сопротивления совершает диверсии, налеты и убийства широко, упорно и спонтанно. У всех организаций есть свои боевые группы. Боевики образуют настоящую армию. Количество немецких трупов возросло настолько, что враг отказался от системы расстрела заложников. Они больше не могут убить сто французов за одного убитого немца, если не намереваются уничтожить всю Францию. Враг, таким образом, на самом деле, публично признал, что страна празднует победу над террором.

Но Гестапо продолжает свою ужасную работу. Оно хочет заменить заложников подозреваемыми.

* * *

Я взял на себя обязанности по приему самолетов. Мой пост не предусматривает, чтобы я детально занимался частными операциями, но у нас очень высокие потери. В секторе не осталось ни одного человека, способного руководить подобными миссиями. Матильда идет со мной; она хочет научиться этой работе. Группа состоит из владельца такси, его жены и деревенского кузнеца. Их передал нам Луи Х. Я с ними не знаком.

* * *

Мы безрезультатно провели ночь на местности. Около часа самолет кружил над нами в темноте, но туман был слишком плотным. Летчик, видимо, не мог видеть свет нашего сигнального фонаря. На рассвете мы вернулись в деревянную хижину. Она принадлежит кузнецу, который, кроме того, еще и браконьер, построивший ее с краю этой территории.

Такси остановилось под деревьями, с замаскированным радиопередатчиком. Мы обменялись сообщениями с Лондоном.

Самолет вернется завтра ночью.

* * *

Дождь шел до вечера. У нас нечего было есть, нечего пить и очень мало сигарет. Мы проводили время за разговорами.

Владелец такси бывший авиамеханик. Как только он вышел на людей из Сопротивления, то сразу передал свой газогенераторный автомобиль и себя самого в его полное распоряжение. Он очень много работал. У него не было ни одной аварии. С ним произошло только одно, зато особенное приключение.

В прошлом году в главном кинотеатре маленького городка, где он живет, взрывом гранаты было убито три немца. Комендант объявил о расстреле заложников. Комиссар французской полиции, который не входил ни в одну организацию, а был просто приличным человеком, обратился к коменданту с протестом. Он заявил, что взрыв гранаты был не акцией Сопротивления, но выражением гнева некоторых солдат, вернувшихся с Русского фронта к тем солдатам, кто там никогда не был. Немецкий офицер внимательно выслушал комиссара и предложил ему следующее:

- Я даю вам три дня, чтобы предоставить доказательства вашего утверждения. Если вам это не удастся, вас расстреляют вместе с несколькими жителями города, теми, кто захочет поручиться за вас.

Комиссар принял предложение коменданта. Он обсудил его со своим приятелем - владельцем такси, не имея понятия, что тот входит в подпольную организацию. Владелец такси согласился помочь. Прошло два дня. На третий день комиссар смог предъявить неоспоримые доказательства своего предположения.

- Вполне может быть, что из-за этого дела я еще не имел никаких проблем с Гестапо, - сказал мне таксист. - Оно дало мне первоклассное алиби. Дело вот в чем. Фрицы наверняка думают, что ни один подпольщик никогда не пошел бы на такой риск. Но тогда я совсем не думал об этом и сорок восемь часов у меня болел живот, могу вам сказать.

Жене таксиста за тридцать. Она выглядит молодо, любезно и по-матерински. Она ненавидит немцев с какой-то нечеловеческой невинностью. Бывает только один хороший немец, - говорит она мягко, - это мертвый немец.

Однажды вечером, проводя разведку вблизи немецкого лагеря, жена таксиста порезала ногу колючей проволокой. Она перевязала рану платком, который сразу же пропитался кровью, и пошла на ближайшую станцию. В поезде она сидела рядом с немецким солдатом. Солдат увидел окровавленный платок. У

него была чувствительная душа. Он настоял заменить этот платок своим полевым бинтом. - Пока он перебинтовывал мою ногу, - рассказывала жена таксиста, - я смотрела на заднюю часть его шеи. Какое прекрасное место, чтобы всадить нож. Но мне все-таки нужно было что-то сделать с ним. И я стащила его фонарь. Вот он. Мы пользуемся им для сигналов.

* * *

Кузнец-браконьер представился мне как Жозеф Пиош; не знаю, настоящее это его имя или нет. Лицо его терракотового цвета. Маленькие смешливые глаза. Губы человека, любящего хорошую еду и девочек. За этой простотой скрывается один из самых сообразительных и решительных людей. Он не любит рассказывать о своих приключениях. Но среди его товарищей они знамениты. Таксист упросил его рассказать о некоторых.

Жозеф Пиош, прекрасный радист, установил передатчик в арендованном маленьком домике на краю поля. Через некоторое время район стал очень небезопасным. Машины с радиопеленгаторами кружили в окрестностях. Необходимо было перевезти передатчик в другое место, но в последний день Пиошу нужно было отправить двадцать две очень важные радиограммы. Передача двадцати двух радиограмм требует много времени, если тебя окружают пеленгаторы. Пиош забаррикадировался в доме вместе с двумя хорошо вооруженными сыновьями. Он приказал им держать оборону, пока не будут отправлены все сообщения.

После этого он на очень короткое время приехал в Париж. Когда он сошел на Лионском вокзале, чтобы привезти несколько поддельных печатей и штампов одному товарищу, его задержали несколько людей Дорио, работавших на немцев. Они затолкали его в машину и повезли в Фресне. Пиош закурил свою трубку. Ты точно куришь сейчас в последний раз в жизни, - сказал один из сопровождавших его громил. Пиош курил много и быстро. И каждый раз, засовывая руку в кисет с табаком, он незаметно вытаскивал печать или штамп и засовывал их между подушками сидения. Потом он сказал:

- Если уж мне придется скоро умереть, я хотел бы полакомиться цыпленком, он лежит в моем вещевом мешке. Он съел крылышко, съел ножку, и одновременно запихнул в оставшийся от цыпленка обглоданный скелет печати и штампы, а затем выбросил все через окно. Когда его привезли в Фресне, у него не нашли ничего подозрительного. Несмотря на это, они трижды приводили его к расстрельной стене, надеясь заставить признаться. Он плакал, доказывая свою невиновность. В конце концов, его отпустили. Самым забавным во всем этом деле Жозеф Пиош считал свою встречу в Фресне с землевладельцем, который

однажды засадил его в тюрьму за браконьерство в его владениях. Теперь они стали хорошими друзьями. Землевладельца потом расстреляли.

* * *

Благодаря этим историям мы без скуки дождались темноты. Мы вышли в нужный район. В этот раз летчик увидел сигналы. Самолет приземлился точно в условленном месте. Британские летчики, выполняющие такие здания - мастера высочайшего уровня. Но самолет оказался слишком тяжелым для такой влажной почвы.

Он настолько глубоко зарылся в болото, что никакие совместные усилия экипажа, пассажиров, которых он привез, и нас не смогли освободить его. Тогда английский летчик с внушающим уважение доверием предложил:

- Мы должны попросить помощи у соседней деревни. - Пойдем со мной и поговорим с ее мэром, - сказал ему Жозеф Пиош, - потому что если я пойду один, он может мне не поверить.

Они пошли вместе и разбудили мэра, который привел с собой всех мужчин поселка.

Они вытащили самолет.

* * *

Лемаск отдохнул только неделю после побега и вернулся к работе. Его снова арестовали.

К счастью в этот момент он все еще в руках французской полиции. Матильда пообещала мне вытащить его из тюрьмы. Но в любом случае, так как Лемаск знает, где я живу, я сменю адрес.

* * *

Маленький дом, принадлежащий чиновнику на пенсии, на околице деревни. Его арендовал Х., наш старый друг, который тоже прячется под чужим именем.

Его жену депортировали в Германию. Их сын, десятилетний мальчик, остался с ним.

Вечером за ужином я, естественно, назвал Х. его настоящим именем, и он, естественно, ответил. Малыш толкнул Х. локтем и прошептал:

- Папа, наша фамилия - Дюваль.

* * *

Матильда с волосами, выкрашенными хной, обильным гримом и подушкой под платьем выдала себя за беременную сожительницу Лемаска. Ей разрешили навестить его в тюрьме.

Побег Лемаска кажется достаточно простым благодаря сообщникам внутри тюрьмы, если удастся избавиться от довольно сомнительного типа - сокамерника Лемаска. Для этого Матильда засунула в карман Лемаска маленький пузырек. Лемаск отказался

отравить человека, который, по всей вероятности, шпион.

* * *

Матильда передала Лемаску немного хлороформа. Но он отказался воспользоваться им, боясь, что даст слишком большую дозу. А время поджимает. Гестапо собирается потребовать выдачи Лемаска. Я думаю, он все еще помнит Поля Дуна.

* * *

Этим утром, в воскресенье, я сильно испугался. Немецкая военная машина остановилась напротив нашего дома, и из нее вышел комендант. Я стоял у окна. (Я провожу большую часть дня на этом посту, так как не могу выйти из дому). И хотя меня скрывала занавеска, я на минутку сделал шаг назад.

Сын Х., игравший в комнате, взглянул на улицу. - Ничего страшного, сказал он мне. - Комендант этого района каждое воскресенье заходит в бистро на углу. Он считает, что тут самый лучший коньяк в регионе. Если вы хоть немного посмотрите, вы хорошо посмеетесь. Давайте пошпионим вместе. У мальчишки было скрытное выражение лица.

Я увидел, как комендант вышел во двор кафе и повалился в кучу навоза. Это не комендант, - триумфальным тоном рассказал мне мальчик. - Происходит вот что. Комендант выпивает бутылку коньяка. Когда он добрый и пьяный, он требует от владельца бара поменяться с ним одеждой. А владелец бара от отвращения специально вываливает бошевский мундир в навозе. Ребенок беззвучно рассмеялся, и я сперва последовал его примеру. Но потом меня заинтересовало: не испытывает ли сам комендант ненависть к своей форме и, освободившись при помощи алкоголя, не прибегает ли он к помощи "заместителя", чтобы тот покрыл ее грязью.

* * *

Чувствительность немцев выражается порой в самых странных формах.

Молодая медсестра, которую я знал, лечила капитана СС. Он начал усердно за ней ухаживать, что приводило девушку в ярость. - Мне нравится, когда ты сердишься, - говорил эсэсовец , - от этого ты становишься еще красивее.

- Это не трудно, - ответила медсестра. - Для этого мне только нужно взглянуть на боша.

И капитан был очарован. Но частенько он говорил:

- Я хотел бы стать проповедником, чтобы слова мои обладали непреодолимой силой, и чтобы все французы были у моих ног. А ты обнимала бы мои колени.

Я не знаю, что мне думать об этом. Фанатизм или чистая жестокость? Потребность властвовать и быть любимым

одновременно? Мазохизм? Духовный садизм?

* * *

Лемаска перевели в другую тюрьму. Там он встретился с одним из товарищей, который после допросов в очень плохой форме. Матильда организовала его спасение силами основной боевой группы в тот день, когда его в последний раз перевозили из тюрьмы в суд. Все было готово. Наши люди приготовились открыть огонь. Но Лемаск, державший за руку своего измученного товарища, отрицательно покачал головой Матильде и пошел, поддерживая другого, который едва переставлял ноги. На выходе из Дворца правосудия оба были переданы Гестапо. Меня охватил приступ гнева по отношению к Лемаску. Но он, несомненно, нашел своего Легрэна.

* * *

Жена Феликса просит разрешить ей работать с нами. Она совершенно ничего не знала о подпольной деятельности Феликса. Она узнала об его конце от одного из наших эмиссаров, передавшего ей деньги для облегчения ее материальной нужды. Эмиссар этот получил четкие инструкции ничего не рассказывать ей о деталях организации, никаких связей, ничего, что могло бы навести на нас. Жена Феликса отказалась от денег и тихо заплакала. - Мой несчастный муж, - повторяла она. - Если бы я только знала, если бы я знала. Она не могла простить себе, что так часто ругала Феликса за его отлучки, попрекала очевидной ленью.

Я понятия не имею, как ей удалось выйти на одного из наших людей. Через нескольких посредников ее просьба, наконец, дошла до Матильды, которая только одна знала мое убежище, и передала эту просьбу мне. Жена Феликса станет курьером. Это самая опасная работа, но жены казненных товарищей всегда выполняют эти миссии лучше, чем кто-либо.

Мы берем на себя ответственность за чахоточного маленького сына Феликса.

Вопрос детей всегда очень тяжелый. Их сотни, может быть, тысячи, оставшихся без отца или без матери. Расстрелянных, посаженных в тюрьму, депортированных. Я знаю случаи, когда дети сопровождали своих арестованных родителей прямо до тюремных ворот, пока их оттуда не прогнали охранники. Я знаю другие случаи, когда дети оставались одни, оставленные в квартирах, откуда увели их родителей. И другие случаи, когда первой мыслью этих детей было выбежать из дома и предупредить друзей о западне.

Я знаю женщину, занимавшуюся перевозкой британских солдат и летчиков через испанскую границу. Она переводила их

одного за другим под видом больных, сама играла роль жены, показывала документы, избегала провалов. Для полной семейной комедии ее всегда сопровождал семилетний сын. Она совершила такую поездку пятьдесят четыре раза. Потом уловку раскрыли. Ее расстреляли. Мы так никогда и не узнали, что стало с сыном.

* * *

Лемаска доставили в номер 87. Он упал в обморок через полчаса допроса. Затем он пришел в себя. И проглотил таблетку цианида.

* * *

Самое последнее изобретение гестаповских следователей. Они сверлят десну иглой бормашины, пока не дойдут до челюстной кости.

* * *

Я послал Матильду и Жана-Франсуа на инспектирование наших радиостанций, вернее, того, что от их осталось, одну за другим.

Мы вступили в полосу неудач.

В начале движения Сопротивления мы могли посылать наши точки и тире без большого риска. У немцев не было достаточно сил, чтобы уделять значительное внимание секретным передатчикам, и было мало оборудования. Но в то время нам не хватало передатчиков, опытных операторов, постоянных связей с Англией. Работа делалась неорганизованно и примитивно. Сегодня мы бесконечно лучше оснащены и обучены. Но, с другой стороны, враг тоже не дремал. У него теперь отличный технический персонал и первоклассные радиопеленгационные машины, замаскированные под машины развозки товаров, "Красного креста" или почты, которые патрулируют, крейсируют, кружатся и шпионят по всей стране.

Мне удалось наблюдать, как одна из таких машин приближалась к цели. Она двигалась очень медленно, со скоростью пешехода. У каждого дома она останавливалась на секунду и снова гладко и тихо стартовала. Со стороны казалось, что внутри нее неумолимый механизм, ярд за ярдом сжимая радиус, приближался к цели. Впечатление было таким, как будто удушающий монстр ощупывал одно жилище за другим, пропуская свои щупальца сквозь стены.

Машине потребовалось немногим больше часа с того момента, когда она впервые засекла волну, чтобы найти место, где работала станция. Полтора часа - это очень мало чтобы установить контакт с Лондоном и передать сообщения. Поэтому начинается борьба. Пока радист работает на своем месте, один его товарищ стоит у окна, а другой дежурит на улице. Как только

он замечает крадущегося зверя и понимает, в каком направлении тот движется, то подает заранее условленный сигнал человеку у окна. Тот, в свою очередь, предупреждает радиста. Это игра скорости и удачи. В последнюю неделю мы ее проиграли.

Аякса взяли совершенно неожиданно. Его наблюдатели следили за фасадом дома. А Гестапо приехало по аллее с тылу. В этот раз пеленгатор стоял на пожарной машине, и по ее пожарной лестнице немецкие полицейские попали в окно квартиры. Аякс отомстил как сумел. Он спросил своего помощника:

- Что случилось с этой миной замедленного действия? Агенты Гестапо здорово перепугались. Аякс воспользовался этим выигрышем во времени, чтобы уничтожить шифр.

Об аресте Бриллианта мы не знаем подробностей. Мы только знали, что в самой середине передачи сообщения в Лондон он вдруг передал слова: "Полиция... полиция. . полиция". И передача прервалась.

Ахилла я любил больше всех. До войны он был официантом в популярном ресторане, куда я иногда заходил. Маленький, уже немолодой, смуглый и вежливый. Он очень хорошо научился управляться с радиопередатчиком. Он был очень умелым и добросовестным. Ему всегда удавалось полностью передать все сообщения. Даже после обнаружения машины с пеленгатором он продолжал работать на ключе. Он знал как остановиться точно в нужное время.. У него было внутреннее чувство секунд. Возможно, потому что он был официантом в кафе. Лишь один раз он не рассчитал. Его расстреляли через день после ареста.

* * *

Получил донесение о семье со средним достатком. Старший сын землевладелец, любитель хорошей жизни, был членом муниципального совета от радикальной партии, - движущий дух целой агентурной сети источников информации. Он убил в схватках несколько немцев. Его ищут и за его голову назначено вознаграждение. Его жена прячется в местных лесах. Его два брата руководят группами "маки". Его отец, который из-за важных коммерческих дел поддерживает контакты с немцами в Париже, использует свои связи для перевозки оружия, почты, радиопередатчиков для подполья и получает надежную секретную информацию. Мать все знает и поддерживает деятельность своей семьи

* * *

Если участника Сопротивления хватают по простому подозрению, у него все же есть шанс выжить. Но если этот человек еврей, ему обеспечена самая ужасная смерть. Несмотря на это, в организации много евреев.

* * *

Матильда закончила свою инспекционную поездку на ферме Огюстины, откуда я в прошлом году отправлялся в Гибралтар. Оператор, очень молодой человек, совершил грубейший промах. Его невеста по несколько часов проводила на своей службе в главном городе департамента. Он сел на поезд, чтобы встретится с ней. Назад он не вернулся. Его наверняка поймали в ходе рейда и из-за его возраста отправили в Германию.

На ферме Матильда и Жан-Франсуа нашли сообщения, доставленные курьерами. Их была целая пачка, и многие - очень срочные. Они изучили код, и Жан-Франсуа - хороший радист - сам сел к ключу.

Станция находилась в одной из общин, из которой была видна длинная лента дороги. Матильда и Огюстина наблюдали у окна. Появился грузовик. Он ехал медленно. На мгновение он остановился перед опустевшим загоном для овец. - Продолжай, - сказала Матильда Жану-Франсуа, - а мы продолжаем наблюдать за дорогой. Машина снова поехала и остановилась перед пустым амбаром. -Продолжай, - сказала Матильда. Машина медленно приближалась. Жан-Франсуа работал очень быстро. Грузовик уже двигался по краю полей фермы. - Еще секунда и я закончу телеграмму, - сказал Жан-Франсуа. Вперед! - ответила Матильда. Машина приближалась. - Хватай передатчик и беги с ним в лес, - сказала Матильда. Жан-Франсуа колебался, он не хотел оставлять двух женщин одних. Гестаповцы вылезали из грузовика. - Это приказ, - сказала Матильда. Когда немцы вошли на ферму, они увидели лишь двух тихих женщин, одетых в черное и спокойно занимавшихся вязанием. После обычного формального обыска они извинились и уехали.

* * *

Дочь Огюстины, ей семнадцать, присоединилась к нам. Ей уже долго этого хотелось. Она воспользовалась визитом Матильды и ее авторитетом, чтобы добиться согласия своей матери. Мадлен будет работать курьером в паре с вдовой Феликса, которая очень хорошо справляется с работой.

* * *

Когда мы спрашиваем людей, которые, не принадлежа к организации, помогают нам прятать оружие, укрывают товарищей, когда мы спрашиваем их, что доставило бы им наибольшее удовольствие, они часто отвечают:

- Когда Би-Би-Си сообщает что-то для нас. Это кажется им превосходным вознаграждением.

* * *

У нас есть очень надежный посредник в В., на старой заправочной станции, закрытой после перемирия. Ее охраняет невысокий старик со слезливыми глазами, превосходный пример верности и скрытности. Нам пришлось злоупотреблять его услугами. Невозможно предусмотреть абсолютно все и всех обезопасить. У нас слишком большие потери, потому приходится перегружать тех, кто остался на свободе.

Однажды к этому маленькому старику явились два агента Гестапо. Он принял их очень вежливо, а когда они разрешили ему опустить руки, вытащил револьвер из под кучи старых тряпок и убил немцев. Затем он вышел и позвал водителя немецкой машины на помощь. Когда тот подошел, старик выпустил ему пулю в затылок и сбежал на гестаповской машине.

* * *

Мадлен и вдова Феликса арестованы. Их выдал милиционер{16}. Матильда приняла решение, что он должен умереть.

Один из наших агентов-информаторов напоролся на патруль из четырех немецких солдат в совершенно запрещенной зоне. Он стрелял быстро и метко. Он застрелил их всех, а потом совершил самоубийство. Он мог спастись. Путь к бегству был свободен. Мы узнали об этом от двух выживших немцев, попавших к нам в руки. Но он слишком боялся ареста и пыток, которые смогли бы заставить его заговорить. Он уже задолго до этого подготовил пулю для себя. Он подчинился рефлексу.

* * *

Страх перед пытками на допросах, страх, что тебя заставят выдать имена и явки твоих товарищей становится настоящей психопатической навязчивой идеей у многих. Наши люди меньше боятся страданий и пыток, чем своей собственной возможной слабости. Никто не знает, что он сможет выдержать. И кто-то дрожит от мысли, что сможет жить - пусть даже очень недолго жить - с чувством того, что он отправил своих товарищей на смерть, провалил сеть, разрушил работу, к которой был привязан больше, чем даже к самой жизни. Страх перед арестом для некоторых становится манией. Они не могут ни уснуть, ни проснуться без этой самой важной для них мысли. Сотни раз в день они проверяют свою порцию яда. И убивают сами себя, не исчерпав еще всех шансов на спасение. Потому что эти шансы одновременно и шансы заговорить.

* * *

Матильда и Бизон казнили милиционера, выдавшего вдову Феликса и юную Мадлен.

* * *

Моя фотография разослана Гестапо всем комиссариатам, всем префектурам, всей жандармерии, всем службам "Сюртэ". Я узнал это от полицейского, одного из наших людей. Он посоветовал мне спрятаться в его доме. В данный момент это самое безопасное убежище.

Полицейский, которого мы зовем Леру, пришел в Сопротивление из-за шока, некоего откровения. Где-то десять месяцев назад его вместе с другими инспекторами французской полиции направили на поддержку операции, проводимой Гестапо. Две машины привезли немецких и французских агентов к командному посту, где находились радиостанция, склад оружия и около десяти человек. Гестаповцы руководили облавой. Французы безропотно подчинялись. Полицейский, у которого я сейчас прячусь, захотел открыть сумочку одной молодой женщины. Она бросила сумочку ему в лицо с криком:

- Бош, грязный бош! У молодой женщины было красивое лицо, нежное и хрупкое, но бесстрашное. - Я не бош, - ответил полицейский назло самому себе. -Тогда ты еще хуже, - сказала молодая женщина.

- У меня внутри было такое чувство, что я распадусь на куски, объяснял Леру, - и глаза у меня были странными из-за слез.

Именно тогда он увидел, что происходит вокруг него. Они надели наручники на офицера, участника прошлой войны, с множеством наград. Радисту, совсем юному, лицо разбили дубинками, потому что он проглотил какие-то бумаги. Они выкручивали руки молодой девушке, пытаясь заставить ее заговорить.

Леру все оставшееся время обыска совершал только механические движения, а когда обыск закончился, бродил по городу, не зная, что делает. Его сопровождал друг, тоже полицейский, и тоже помогавший Гестапо. Друг Леру удержал его от самоубийства. - Я хотел сделать это, - рассказывал мне Леру, - и я, несомненно, так бы и поступил. Стоило мне вспомнить, к чему я приложил руку за последние два года, не думая, рутинно; стоило подумать обо всех этих славных людях, о храбрых женщинах, за которыми я шпионил, которых арестовывал, передавал бошам... Я чувствовал себя, как будто заразился гнусной болезнью... . Как я страдал!

Он рассказал это все своему другу. Тот тоже все понял. И он сказал Леру:

- Нет никакой пользы, если ты уничтожишь сам себя. Попытайся уничтожить все это.

Каждый из них установил контакт с разными группами через

заключенных. Оба сразу доказали свою верность Сопротивлению и подвергли себя такому риску, что их приняли. Друга Леру, после того, как тот проделал великолепную работу, разоблачили. Ему пришлось уйти в Англию вместе с несколькими руководителями Сопротивления, которым он помог спастись. Леру продолжал служить на нашей стороне. Не было другого человека, столь фанатично преданного.

* * *

Леру все это время не дает покоя одна мысль - о том, что во французской полиции есть люди, жестокостью не уступающие немцам. -Я мало чем смог бы помочь. Еще можно простить инспекторов, - говорит Леру, - делающих свою работу, как и я сам, из чувства долга, без отвращения, но и без удовольствия. Они подчиняются Виши, подчиняются Маршалу. И они не научились думать. Но другие - рьяные, усердные, работающие внеурочно, выкладывающиеся на работе - против патриотов. Эти, черт бы их побрал... Эти...

И Леру рассказал о главном инспекторе в Лионе, который в стальной клинок лопаты встроил лезвия и заставлял босиком стоять на нем людей, отказывавшихся говорить. И о бригаде "террористов" в Париже, занимающейся охотой на коммунистов. Ее члены гордятся тем, что изобрели больше новых пыток, чем даже Гестапо.

Реакцию Леру против таких людей движут не только чувства простого патриотизма и простой гуманности. Есть еще стыд и гнев из-за того, что они принадлежат к той же профессии, что и он.

Вчера он принес экземпляр "France d?Abord" ("Франция прежде всего"), подпольной газеты Франтирёров и партизан - ФТП{17}, конфискованный полицией, и прочел мне следующую заметку:

"В Бёври, департамент Па-де-Кале, комиссар полиции и несколько его подчиненных арестовывали и подвергали пыткам многочисленных патриотов и хвастались расстрелами участников ФТП на месте. Это требовало мести.

23 марта мэр Бёври, друг комиссара Тери был захвачен в своей машине группой франтирёров и партизан, которые заставили его привезти их в комиссариат. Офицеров, пытавшихся оказать сопротивление, отправили в нокаут. Но секретарю удалось убежать. Потому не понадобилось звонить комиссару по телефону. чтобы вызвать его. Через полчаса две колонны полицейских и жандармов появились у ряда домов вблизи комиссариата. ФТП заняли боевую позицию перед комиссариатом. Обе стороны открыли огонь. Комиссару удалось

ранить одного патриота. В этот момент очередь из автомата одного из членов группы сразила комиссара, другой партизан застрелил Сирвена, старшего сержанта жандармерии, убившего патриота в прошлом году.

Когда их начальники погибли, около пятнадцати полицейских и жандармов охватила паника. Небольшая группа ФТП отступила, захватив девять револьверов и интересные документы, найденные в комиссариате.

Полицейские. продавшиеся бошам, которые арестовывают и пытают патриотов, должны знать, что за примером Бёври последуют другие".

Я уверен, что ни один "вольный стрелок" или партизан не читал эту статью с такой радостью или с чувством удовлетворенной жажды мести, как полицейский инспектор Леру.

* * *

Другая мука Леру - его неспособность помочь всем товарищам из сопротивления, с кем его сводит долг службы. Девушкам-голлисткам, которых бросают в камеры к самым отъявленным проституткам, воровкам, убийцам; замечательным патриотам, избранным офицерам, которых содержат вместе с уголовниками и обращаются аналогично; молодым ребятам. которые были сильны и храбры, превращенным голодом и болезнями в развалины, сходящим с ума в камерах... Людям, которых по простому запросу немцев депортируют, пытают, расстреливают. И все из них смотрят на Леру с подозрением, с отвращением. Но ему приходится ждать наших приказов, и он может устроить побег только одному узнику из ста. И при этом он должен внешне вести себя абсолютно лояльно и быть как можно менее заметным. Теперь его прикрепили к Гестапо. На этом посту он нам очень нужен.

* * *

Время от времени усилия Леру вознаграждаются. Например, он только что прослушал двухчасовую немецкую лекцию о способах поиска и предотвращения высадок парашютистов. Ну вот, сегодня ночью он выезжает, чтобы принять нескольких парашютистов. Полицейская машина вернется с британскими грузами.

* * *

Вдову Феликса и маленькую Мадлен перевели в номер 87. Там их полностью раздели. Мужчина и женщина из Гестапо (семейная пара, как говорят) допрашивали их, втыкая раскаленные булавки в живот и под ногти. Еще вдова Феликса и Мадлен подверглись пыткой бормашиной, которая бурила их десны вплоть до челюстной кости. Они ничего не выдали. В

перерывах между пытками они пели "Марсельезу". Эта сцена, которая кажется взятой из абсурдной мелодрамы самого низкого уровня, отражена в официальном немецком отчете. Леру передал мне его копии. Он также проинформировал меня, что обе женщины поклялись молчать.

* * *

На Матильду эта история произвела ужасающее впечатление. Ее лицо буквально почернело. Она бесконечно повторяет:

- Если я не вытащу Мадлен из тюрьмы, Бон мне этого никогда не простит. Мысль, что она убедила Огюстину разрешить своей дочери участвовать в Сопротивлении, гложет душу Матильды. О вдове Феликса она не думает. Ее преследует образ девушки. Она в том же возрасте, что и старшая дочь Матильды, чьи нежные правильные черты я видел на фотографии.

* * *

Один из моих друзей уехал в Лондон. Немцы ворвались в его дом, чтобы провести расследование. Они хотели узнать, где он. Они схватили его одиннадцатилетнего сына под предлогом, что тот распространял в школе голлистскую пропаганду. Его поставили к белой стене и направили прямо в глаза очень мощный прожектор. Его допрашивали целую ночь о месте пребывания отца. Всю ночь ребенок повторял одну и ту же сказку. Его отец, мол, познакомился с другой женщиной, и поэтому его родители постоянно ссорились. Мать выгнала отца из дома. - Возможно, из-за этих ссор меня плохо воспитали, и я говорил плохие вещи в школе, - говорил мальчик, стоя у белой стены.

* * *

Матильда совершила безумный поступок. Она попыталась освободить Мадлен силами главной группы прямо на улице, когда ту перевозили из тюрьмы в номер 87 на допрос.

С Матильдой были Бизон, Жан-Франсуа и три человека из боевой группы. Они все фанатично преданы Матильде. Они были близки к успеху, но отряд СС отбил атаку. Они побежали. Погоня на улицах. Наши бойцы поднялись на крыши. Перестрелка меж дымоходных труб. Убито несколько немцев, но и мы потеряли двоих. Бизон и еще один ранены и пойманы. Матильде и Жану-Франсуа удалось ускользнуть. Матильда только ухудшила этим положение Мадлен и из-за незначительного курьера значительно ослабила всю боевую группу.

И мы потеряли Бизона.

* * *

Леру показал мне подпольную газету, о которой я прежде не знал. Газета заложников. Она называется "Le Patriote du Camp de V. " ("Патриот лагеря В. "), маленький клочок бумаги,

написанный от руки. Она выходила четыре раза. Каждый из четырех номеров был написан разным почерком. В лагере в В. много расстрелов.

Там были два стихотворения в одном из номеров, написанные девятнадцатилетним пареньком, рабочим. В промежутке между этими двумя стихами его приговорили к смерти.

Вот первое стихотворение:

Прощай, старый товарищ, прощай
Тебе было только семнадцать, но явная молодость
Не вызвала жалости в этих столь грубых людях;
Эти убийцы замучили тебя до смерти.
Ты не боялся смерти.
С храбрым дерзким взглядом
И с криком "Да здравствует Франция!",
Ты, мой товарищ, отдал свою жизнь.
Огонь покинул твои глаза,
А мы, оставшиеся в тюрьме,
Чтобы отомстить за тебя, должны снова вырваться на свободу.
Прощай, старый товарищ, прощай.

Вот второе:

Все мы коммунисты.
И теперь, после того, как мы громко воскликнули это,
Наши имена внесли в печальные списки
Тех, кого отправят на виселицы.
О, вы, те, кто на свободе,
О, вы - наши братья по борьбе,
Всегда мы останемся с вами,
Мы не ослабнем в ваших глазах.
Для нас пробил последний час
И смерть вызвала своих помощников,
Но мы будем отмщены десятикратно.
Эта задача - ваша.

* * *

Отрывок из отчета руководителя группы Франтирёров и партизан:

"Поезд, выезжающий каждый вечер из города Х. , перевозивший немецких солдат, не мог не привлечь моего внимания. После нескольких рекогносцировок мы решили провести диверсию. Мои семь бойцов собрались в лесу Буа-Месниль точно в восемь часов вечера...

После того, как каждый из них получил свои инструкции, мы двинулись попарно, выслав вперед разведчиков. Дойдя до железнодорожного полотна, где все было спокойно, мы установили пулемет на валу над дамбой и дали проехать

патрулю.

После этого я разместил на определенном расстоянии двух наблюдателей, поддерживающих с нами связь с помощью веревки с грузилом, чтобы бесшумно предупреждать об опасности. Девять часов! С тремя товарищами я начал отвинчивать один из рельсов (наши гаечные ключи для этого были специально обмотаны тряпками), оставив четыре болта на месте, чтобы пропустить пассажирский поезд.

... Увидев его, мы припали к земле. Потом в те шесть минут, что оставались до прохождения бошевского эшелона, мы вывинтили оставшиеся болты, отклонили рельс в сторону, и вбили несколько костылей, чтобы он не выровнялся. Мы закончили как раз вовремя и, отойдя, заняли позицию на дамбе напротив места диверсии.

В 9.35 бошевский поезд, идя на высокой скорости, сошел с рельс и перевернулся. Мы открыли быстрый и непрерывный огонь из всего нашего оружия по бошам, выползавшим из менее поврежденных вагонов, и быстро отступили по заранее предусмотренным для каждой из двух наших групп маршрутам.

Мы никого не встретили, а железнодорожная охрана ничего не услышала.

Мы убили около шестидесяти и ранили сотни немцев.

Все бойцы проявили себя великолепно, но номеру 7308 объявлено замечание за то, что он закурил, ожидая прохождения пассажирского поезда".

* * *

Руководители всех связанных друг с другом организаций решили встретиться. Шеф попросил меня прибыть на встречу. Леру убеждает меня не совершать такой длительной поездки. Он говорит, что мое описание разослано повсюду, и я возглавляю список разыскиваемых лиц. Это было неизбежно. Я самый старший из оставшихся в живых товарищей.

Чтобы привести Гестапо к месторасположению радиостанции, которой на самом деле никогда не существовало, Бизон сам повез немцев на машине ночью по заранее разведанному нами маршруту. Между двумя деревьями по обе стороны дороги была натянута цепь. Слабые фары машины не позволили немцам вовремя ее заметить. Машина на всей скорости напоролась на цепь. Матильда и Жан-Франсуа перебили немцев из автоматов. У Бизона сломана рука, но он поправится.

* * *

Я отправился на встречу руководителей групп Сопротивления. Леру сопровождает меня с ордером на руках. Я теперь заключенный, которого Леру конвоирует. Идеальный

пропуск.

* * *

На трех станциях мы встречали конвои людей, отказавшихся от депортации.

У этих молодых людей были наручники и кандалы на ногах, и обритые наголо головы. Некоторые махали своими закованными руками и кричали:

- Добровольцы! Добровольцы! Другие пели "Марсельезу" и отбивали такт песни своими цепями.

* * *

Встреча длилась долго. Когда она закончилась, шеф сказал мне:

- Нас здесь четырнадцать. Каждый рисковал жизнью, чтобы попасть сюда. Я не уверен, что практические результаты оправдают этот риск.

Но это не имеет значения. Подпольная Франция провела военный совет, несмотря на террор. Это уже имело смысл.

И Сен-Люк (не знаю почему, но мне нравится мысленно называть его тем именем, которым называет его младший брат) продолжил:

- Нас здесь только четырнадцать, но насколько мы разные. Посмотрите на М., с его внушающим доверие лицом с глубокими морщинами, с некими тайными свойствами, как на лицах с портретов Леонардо. Посмотрите на мощный затылок Б. и его страстные глаза. Посмотрите на то, как упрямо Ж. курит свою трубку. Посмотрите на жесткие, сильные, пугающие руки Р. Посмотрите, как робко протирает свои очки А. Вы слышали, как они говорили. Для одних единственная цель - война против немцев. Другие уже думают о классовых проблемах и о послевоенной политике. А третьи даже размышляют о Европе и мечтают о мировом братстве. Но все обсуждалось в дружеском духе. Это тоже имело смысл. Затем Сен-Люк сказал:

- Нас только четырнадцать, но нас поддерживают тысячи и, возможно, даже миллионы людей. Чтобы защищать нас, боевые группы наблюдали за всеми дорогами, которые ведут к этому убежищу. И они были готовы умереть, прежде чем пропустить кого-то к нам. Но никто здесь не чувствует гордости или осознания власти. Мы знаем, что наши солдаты сотни раз меняют имена, и что у них нет ни лица , ни укрытия. Они передвигаются в тайне, носят бесформенную обувь, по дорогам без солнечного света и без славы. Мы знаем, что эта армия голодна и чиста, что это армия теней - удивительная армия любви и беды. И я осознал здесь тот факт, что мы только тени тех теней и отражение той любви и той беды. И это, прежде всего, это, Жербье, имело смысл.

* * *

Снова у Леру. Я передал предупреждение всем новичкам, пожелавшим присоединиться к нашей организации, о том, что им можно рассчитывать максимум на три месяца свободы, то есть - жизни. Это, конечно, не отвратит их от этих намерений, но так честнее.

Утро перед казнью в гитлеровской эре

Немецкий солдат остановился в коридоре и засунул свое лицо под каской в квадратное окошко на двери. Среди всех приговоренных к смерти людей только Жербье обратил внимание на этот фрагмент из металла, плоти и испытующего взгляда. Лишь он один не ощущал, что жизнь кончилась. Он не чувствовал себя в состоянии мертвеца.

Глаза немецкого солдата столкнулись с взглядом Жербье.

- Непохоже, что он боится, - подумал солдат.

Другие приговоренные сидели кружком на голых плитках и разговаривали тихими голосами.

- Не так, как эти, - подумал солдат. - А ведь уже утро.

Солдат на минутку задумался, как бы он сам вел себя, зная, что ему осталось два часа жизни. Его заинтересовало, что делали бы и эти люди. Потом он потянулся. Он уже долго стоял на посту. А придется еще измерять шагами коридор до самой казни. Ну что ж, это ведь война.

Жербье бросил взгляд на своих товарищей. На ногах у них, как и у него, были кандалы. Заключенных разместили в одном из помещений барака - бывшей французской казармы. Стены комнаты были серыми, слабый свет электрической лампочки окрасил в тот же оттенок и самих приговоренных.

Кроме Жербье, их было шесть. Один из них, когда Жербье начал снова вполуха прислушиваться к их беседе, говорил с сильным бретонским акцентом. Его молодость была заметна только в интонациях, сохранивших детскую свежесть. Но его лицо, простое и такое усталое, будто вырезанное из дерева, не сберегло ни одной черты молодости. Оно как бы замерзло в состоянии тяжелой недоверчивости. Его выпуклые глаза сохранили неподвижное выражение человека, пораженного тем увиденным, что он не мог больше вынести.

- Меня собираются расстрелять уже во второй раз, - рассказывал паренек. - В первый раз не получилось, потому что мне было только пятнадцать лет. Это было в Бресте. Французские солдаты, эвакуированные в Англию, оставили там несколько пулеметов. Мы не хотели, чтобы оружие досталось немцам. Мы закопали его. Нас выдал почтовый служащий. За это он получил нож между лопаток, но двенадцать ребят, которые были старше

меня, расстреляли. Мой приговор изменили в последнюю минуту и направили на работы в Германию как гражданского заключенного. Мы там жили и подыхали, ничего ни о ком не зная. За тридцать месяцев, которые я провел там до побега, я не получил ни одной посылки, ни одного письма. Дома тоже никто не знал, что со мной. Это так подействовало на мою мать, что она повредилась рассудком. Она так и не выздоровела.

В этих гражданских тюрьмах кого только не было. Австрийцы, поляки. чехи, сербы, и, конечно, много немцев. Мы голодали... Мы голодали! Чтобы утихомирить аппетит, ребята начали курить солому из матрацев, заворачивая ее в обрывки газет. Я никогда не курил. Но тут пришлось. Я так хотел есть.

Жербье дал своим сокамерникам наполовину полную пачку сигарет. Каждый из них взял по одной и закурил, за исключением самого старшего, крестьянина с седыми и жесткими, как кабанья щетина, волосами. Он засунул сигарету за ухо и сказал:

- выкурю попозже. Все поняли, что он имеет в виду час казни. Немецкий солдат почуял запах табака в коридоре, но ничего не сказал. Именно он и продал Жербье эту пачку.

- Когда нас ловили за курением соломы, нас наказывали - двадцать пять ударов палкой, - рассказывал молодой бретонец. с выпуклыми глазами. - Но нас наказывали независимо от того, что мы делали, чаще ни за что, потому мы решили, будь что будет ... и курили дальше.

Исполнять наказания заставляли других заключенных. Им приходилось снимать с жертвы штаны и бить. Охранники считали удары. Если товарищи били недостаточно сильно, то охранники брали на себя их работу. А для смертной казни - а казней было много... все время - система была та же самая. Они подбирали друзей, лучших друзей приговоренного, и заставляли их вешать его. Но казнили не сразу после вынесения приговора. Часто проходили дни и недели. Мы никогда ничего не знали, как я уже говорил. Там были виселицы, во дворе, всегда готовые. Приговоренные к смерти - у них на спине и на коленях были нашиты большие черные кресты - сразу принимались за работу. Потом одним прекрасным утром нас выстраивали на площадке между виселицами и четырех товарищей заставили повесить одного беднягу. Другие смертники с черными крестами должны были ждать своей очереди, не зная, когда придет их день. Нужно было посмотреть им в глаза, чтобы понять...

Тела бросали в общую могилу и засыпали глиной. Нам всегда приходилось делать это. Хоронили не только казненных. Люди умирали от голода, от болезней... И были те, кто больше не мог вынести такую жизнь. Они шли прямо на часового. Часовой

предупреждал их. Но они не останавливались. Тогда часовой стрелял.

Молодой бретонец с одеревеневшим лицом всхлипнул. Носового платка у него не было.

- Но самое худшее, что осталось в моей памяти, это даже не смерть, продолжал он. - Однажды вечером меня перевели в другую камеру. Меня посадили к бедному старику, волосы и борода у него были совсем белые. Старик, увидев меня, забился в угол и закрыл лицо руками, как будто думал, что я собираюсь его ударить. Сначала я подумал, что он сумасшедший... Там многие сходили с ума... Но нет, он был в здравом уме. Он просто был евреем. И немцы немецкие заключенные, я имею в виду (не стоит даже упоминать об охранниках) все время избивали его, таскали за бороду по камере, били его седую голову об стену. Заключенные так поступали с другим заключенным. С несчастным стариком...

Сосед Жербье занервничал. Он был невысоким, смуглым, с вьющимися черными волосами и острыми меланхоличными глазами.

- Еврей, - подумал Жербье.

Он не знал своих сокамерников. Их собрали вместе в одной камере только перед последним утром перед казнью.

- Итак, когда я сбежал и через несколько месяцев они захотели отправить меня на работу в Германию, я защищался ножом, - сказал паренек, которому было всего восемнадцать лет, не меняя интонации. - И теперь я здесь. Но в этот раз дело серьезное. Мне уже достаточно лет...

Крестьянин с сигаретой за ухом спросил:

- Скольким из них ты пустил кровушку, сынок?

- У меня не было времени, - ответил бретонец.

- Ну, а я вот успел внести свою долю, - сказал крестьянин. Его губы, обросшие жесткими серыми волосами, скривились. Он не смеялся и не улыбался. Это скорее походило на движения челюстей охотничьей собаки, предвкушавшей удовольствие от добычи. Зубы у крестьянина были большие и темные.

- Честно признаюсь, - начал он, - я не сам додумался до этой идеи. Мне здорово помог случай. Крестьянин подмигнул и потер руки, как будто собирался рассказать об умной сделке, которую он только что провернул.

- Мой участок находится возле шоссе. В окрестностях разместилось несколько фрицев. Каждый день кто-то из них приходил ко мне с просьбой дать им что-то выпить. Я продавал им вино и продавал по очень высоким ценам... Это было уже слишком... Они всегда приходили в одно и то же время,

поскольку это было им запрещено, а они всегда очень подозрительны по отношению друг к другу. И вот однажды вечером пришел унтер-офицер, уже немного пьяный, и, не увидев открытый люк погреба, упал вниз. Мой погреб довольно глубокий... Фриц сломал себе шею. Я спустился и увидел, что он мертв. Я не хотел неприятностей и закопал его прямо в погребе... Возможно, именно этот случай заставил работать мои мозги... Я конечно не полностью в этом уверен. Но, черт побери, через несколько дней люк погреба снова оказался открытым, когда фриц вошел в дом. Он тоже выпил пару лишних стаканов, и тоже упал... Только в этот раз я ему немного помог. Его я тоже похоронил в погребе. Потом был еще один. И еще один. Я считал. Их набралось девятнадцать... Но, в конце концов, я начал спешить. Я просто не мог контролировать себя. Люк погреба просто как бы заворожил меня. Если бы по одному фрицу пропадало каждый месяц, может быть, все прошло бы гладко. Но по два - три в неделю, это уже непостижимо. Комендант начал расследование. Наконец, они заглянули в мой погреб. А пол моего погреба, ну, как сказать, пол слишком поднялся. Там были три слоя зарытых фрицев. Вот теперь я здесь... Я внес свою долю...

Губы крестьянина снова приняли то же выражение, напоминавшее довольного охотничьего пса.

Жербье подумал:

- Нам следовало бы взять его в нашу боевую группу. Но почти одновременно вспомнил:

- Но ведь его расстреляют через несколько минут. И тут же внутренний голос напомнил:

- И тебя самого тоже. Но Жербье не узнал этот голос. Он был не его. И он не мог ему поверить.

В это время третий смертник начал рассказывать свою историю. Жербье понимал, что каждый из них слушает своего сокамерника равнодушно и только из вежливости. У каждого было только одно желание, только одно намерение: облегчить свою душу перед смертью.

- Я тоже внес свой вклад, хотя мне еще нет и двадцати, - рассказывал следующий приговоренный. Его молодость выплескивалась в огне голоса, а жизнь оживляла его лицо и даже заставляла двигаться маленькие темные усики, отращенные в тюрьме. Выпуклый лоб и крепкие плечи делали его похожим на молодого бычка.

- Я лотарингец, из аннексированной Лотарингии. Я учился в университете, когда боши объявили, что через шесть месяцев весь мой курс будет мобилизован в немецкую армию. Я не медлил ни минуты, можете представить. У меня было время, чтобы провести

дома Рождество и сбежать. У нас был прекрасный полуночный праздничный ужин. Я не знаю, как моей маме удалось до праздника сохранить гуся. Отец достал последние бутылки хорошего вина. В конце трапезы отец обнял меня и провел к двери. Он открыл ее. И он сказал мне:

- мы знаем, в чем состоит твой долг. Моя мать дала мне заранее приготовленный чемодан и немного денег. Утром я пересек французскую границу. В этот момент я подумал:

- Старина, с родителями как у тебя, ты не сможешь вести тихую спокойную жизнь и ждать, пока кто-то другой добудет для тебя победу. В Париже я попытался сам принести пользу. Я знал группу прекрасных молодых ребят. Я работал в газете, выражавшей независимое мнение. Я должен вам признаться, что я всегда хотел стать писателем. Ну вот, я оказался пригодным для этого ремесла ... и как раз в такой исторический период, которого никогда раньше не было. Через сотни лет, через тысячи лет люди будут перечитывать эти наши газеты, вот увидите...

Жербье на мгновение посмотрел на его щеки, окрашенные прихлынувшей кровью так ярко, что они горели сильнее, чем тусклый мерцающий свет и голубовато-серые отблески на стенах.

- У парня есть темперамент, - подумал Жербье. - Он, наверное, писал статьи для "l'Etudiant Patriote" ("Студент-патриот") или "Les Lettres Francaises" ("Французская литература").

Дошла очередь до следующего заключенного. Это был человек очень хрупкого телосложения и с деликатными чертами. Хотя он сидел, скрестив ноги, торс его был совершенно прямым, как будто закован в кирасу. Его глаза сияли, а голос был удивительно чист.

- Я оказался тут среди вас не из-за освободительной деятельности, господа, - начал он. - Несмотря на мои чувства, я не осмелился выступить против Маршала. Я не был совершенно уверен в моих умственных способностях. Мой духовник - а я всегда следовал его советам - предложил мне подождать, пока я не увижу вещи в более реальном свете. У меня был маленький замок и немного земли. У меня четверо детей. Я жил ради них. Нет, я не занимался какими-то активными действиями, но я не смог отказать в убежище преследуемым людям. Я укрывал и англичан, и сбежавших заключенных, и скрывавшихся патриотов, и еврейских детей.

Человек рядом с Жербье нервно покачал своей курчавой головой.

- Наконец, они меня арестовали. Во время допросов мне удалось увидеть детей. Дети сперва вообще меня не узнали. Я был грязным. У меня отросла недельная борода, и я был одет как

бродяга. Когда я обнял их, они испугались. Они смотрели на мать в поисках спасения. Наконец, самая старшая, ей семь лет и она ходит в начальную школу для девочек, спросила меня:

- Папа, это ведь не правда, что ты сделал что-то очень плохое против Маршала? В первый раз в жизни я не знал, что ответить этому ребенку. В классе их всех учили любить Маршала. А Маршал держал меня два года за решеткой в неоккупированной зоне, а когда в зону вошли немцы, он передал меня им. Я простил всех моих врагов. Но именно из-за Маршала мне теперь очень трудно называть себя христианином.

Человек с живыми меланхоличными глазами, сидевший рядом с Жербье, начал говорить так быстро. что слова сливались друг с другом. Жербье задумался, не было ли это проявлением нетерпеливости, свойственной этой расе, или просто означало понимание того факта, что время уже поджимало.

- Я раввин, - сказал сосед Жербье. - Раввин в большом городе. Так как я раввин, немцы включили меня в комитет, занимающийся идентификацией тех евреев, которые не хотели сами о себе заявлять. Вы слушаете? В комитете было пять человек: два немца, два французских католика и один французский иудей. Последним был я. Вы слушаете? Каждую неделю к нам приводили мужчин и женщин, которых подозревали в том, что они евреи. А мы должны были сказать, евреи они или нет. У еврея, а тем более у раввина, были лучшие шансы узнать своего единоверца, чем у первого встречного. Вы слушаете? Немцы, кончено , думали именно так. И они предупреждали меня. В первый раз, как только я скажу "нет", и если они проверят, и окажется, что на самом деле - "да", меня расстреляют. Вы слушаете? Но проблема была в том, что стоило бы мне сказать "да", как этих людей депортировали бы в Польшу на верную смерть. Прекрасная ситуация для раввина, не правда ли?..

Человек возле Жербье наклонил голову к плитке на полу с разрывающим сердце и почти виноватым выражением на лице. Он вздохнул:

- Я всегда говорил только "нет". Вот поэтому я здесь...

Шестой смертник все время держал свою руку у левой стороны лица. У него не было одного глаза, и мясо с этой стороны выглядело так, будто глаз выжгли.

- Я коммунист и сбежавший из тюрьмы, к тому же, - сказал он. - Когда я вернулся, то не нашел ни своей жены, ни сестры, ни их детей. Никто ничего не знал. Произошло вот что: моя сестра была замужем за депутатом от нашей партии. Он сидел в тюрьме. Сестра начала собирать деньги среди товарищей, чтобы послать ему посылки. Однажды она узнала, что жену другого депутата

арестовали за такое же преступление. У моей сестры всегда были слабые нервы. Она потеряла голову. А так как она жила вместе с моей женой, то это безумие перекинулось и на нее. Они сбежали из дому, чтобы где-то спрятаться. Но идти им было некуда. Они всех боялись. И никому не хотели доставлять хлопот. Наконец, они нашли брошенный сарай в поле. Они выходили только ночью, чтобы поискать картошку, которую выкапывали из земли. И потом ели корни. Они месяцами жили без хлеба, без одежды, без мыла. И дети тоже. Двое моих и один - сестры. Когда мне, наконец, удалось найти их, ну и вид у них был, скажу я вам... Но сейчас у них все в порядке, они живут с несколькими товарищами.

Человек вдруг заскрипел зубами и простонал:

- Проклятый глаз... как он болит...

Он глубоко вздохнул и продолжал странным бесстрастным тоном. - И никто не знает, что стало со мной. Гестапо так и не смогло опознать меня. Меня расстреляют под чужим именем.

Человек инстинктивно повернулся к Жербье, и другие последовали за ним. Жербье намеревался молчать. Он чувствовал, что внутренне не гармонировал со своими сокамерниками. Он ничего не мог им доверить. Но и они не любопытствовали по поводу его тайн.

Если они вопрошающе посмотрели на него, то это было простой вежливостью. Тем не менее, Жербье тоже заговорил:

- Я не хочу бегать, очень скоро, - сказал он.

Никто ничего не понял. Жербье вспомнил, что все эти смертники были либо изолированными членами Сопротивления, либо чужаками в этом городе.

- Здесь, - пояснил Жербье, - они стреляют в бегущих узников из пулеметов. Я думаю, это что-то вроде тренировки... Кроме того, это еще и развлечение. Они разрешают вам бежать, вы бежите, пробегаете двадцать, тридцать метров. Потом, огонь... Это хорошее обучение стрельбе по движущейся цели. Я не хочу предоставлять им это удовольствие.

Жербье вытащил свою пачку сигарет и разделил три оставшиеся, разрезав на половинки.

- Никто не побежит, - сказал студент.

- Это все равно ничего не даст, - сказал крестьянин.

- И это действительно потеря лица, - заметил землевладелец.

Кусок шлема, плоти и настороженного взгляда открыл окошко в двери. Немец прокричал несколько слов Жербье. - Он просит нас поторопиться с курением, - перевел Жербье. - За нами сейчас придут. Он тоже не хочет неприятностей.

- Ты получишь столько неприятностей, сколько сможешь достать, - сказал коммунист, пожав плечами.

Студент совсем побледнел. Землевладелец перекрестился. Раввин начал читать псалмы на иврите.

- В этот раз все серьезно, - сказал восемнадцатилетний бретонец.

Жербье улыбнулся своей полуулыбкой. Крестьянин медленно вытащил из-за уха сигарету...

Стрельбище

Центральная часть старых казарм соединялась со стрельбищем очень длинным коридором со сводчатым потолком. Семь приговоренных к смерти узников вошли в него один за другим, окруженные по бокам солдатами СС. Жербье оказался почти точно в середине колонны. Первым шел студент, а замыкал ряд крестьянин. Смертники передвигались медленно. У них все еще были кандалы на ногах. В коридоре не было окон. Электрические круглые лампы с регулярными промежутками наполняли его мрачноватым светом. Тени смертников и их вооруженных охранников образовали на его стенах гигантский колеблющийся эскорт. В гулкой тишине коридора шаги солдатских сапог издавали глубокий тяжелый звук, к которому добавлялся звон цепей и скрип кандалов смертников.

- Получается какая-то симфония, - сказал про себя Жербье. - Если бы шеф мог ее услышать...

Жербье вспомнил выражение лица Люка Жарди, когда тот говорил о музыке. И его едва не ослепил образ этого лица в коридоре под сводчатым потолком. Звенели цепи. Скрипело железо.

- Действительно любопытно, - подумал Жербье. - Наши кандалы заставили меня подумать о шефе. Но, прежде всего... возможно...

И внезапно Жербье сказал сам себе:

- Я идиот.

Он только сейчас понял, что никакой образ и никакое ощущение в этот момент не смогут вернуть его к Люку Жарди каким-то неожиданным и неизбежно окольным путем.

- Слово "любовь" имеет для меня значение только тогда, когда оно относится к шефу. Он значит для меня больше, чем все на свете, - сказал сам себе Жербье. Но тут же откуда-то изнутри получил ответ:

- Больше, чем все на свете, но меньше, чем жизнь.

Тени танцевали, кандалы гремели.

- Сен-Люка я люблю больше всего в жизни, но Сен-Люк может исчезнуть, а я все еще буду хотеть жить.

И я скоро умру... но я не боюсь. Невозможно не бояться, когда идешь на смерть... Это потому, что я слишком ограничен,

слишком животное, чтобы поверить в это. Но если я не верю до последнего момента, до последней черты, то я никогда не умру... Вот так открытие! И как оно могло бы понравиться шефу... Я должен постичь его глубже... Я должен....

В этот миг вспыхнувшую было медитацию Жербье грубо оборвали. В первую минуту он сам не понял причину этой остановки. Затем он услышал песню, заполнившую собою весь гулкий коридор. Потом он узнал песню. "Марсельеза". Начал ее студент. Другие сразу же подхватили. У студента, раввина и рабочего были красивые голоса, полные и страстные. Именно их Жербье слышал лучше всех. Но он не хотел слушать их. Он хотел думать. Эти голоса мешали ему. И, прежде всего, он не хотел петь.

- "Марсельеза". Так всегда происходит в подобных ситуациях, - сказал про себя Жербье. На мгновение он снова смог улыбнуться своей полуулыбкой.

Ряд смертников двигался медленно. Песня проносилась мимо Жербье, не трогая его.

- Они не хотят думать, а я хочу... - сказал он себе. И с диким нетерпением ждал, когда знакомые строфы подойдут к концу. Коридор был длинным.

- У меня все же должно остаться немного времени для самого себя, решил Жербье. "Марсельеза" закончилась.

- Быстрей, быстрей, мне нужно исследовать мое открытие, - думал Жербье. Но сильный, чистый голос студента начал снова. И в этот раз Жербье почувствовал, как его самого схватила и цепко держала изнутри какая-то волшебная рука. Песня "Chant du Dopart" всегда вот так же воздействовала на него. Жербье легко реагировал на ее акценты, на ее слова. Он упирался. Он не хотел делать то же, что и все. Ему нужно было решить существенную проблему. Но он уже чувствовал, как мелодия подымается в его груди. Он сжал зубы. Его товарищи пели:

"Француз живет ради нее...

За нее француз должен умирать..."

Жербье еще сильнее стиснул зубы, потому что эти слова уже звучали в его горле. Неужели он позволит увлечь себя?

- Я не уступлю... Не уступлю, - повторял сам себе Жербье. - Это инстинкт толпы. Я не хочу петь. Я не хочу петь, так же как я не хочу бежать перед пулеметами.

Эта ассоциация помогла Жербье подавить песню, которая уже рвалась у него из груди. У него возникла чувство, что он поборол внутреннюю угрозу.

Колонна людей в кандалах, наконец, достигла маленькой двери, устроенной слева в толстой стене коридора. Тени

прекратили плясать. Звон железа утих. И песня тоже. Часовой открыл дверь. Природный свет распространился по участку коридора. Студент снова запел "Марсельезу", и смертники, один за другим, вошли за ограждение, означавшее их смерть.

Это было обычное военное стрельбище. Просто голый прямоугольный участок земли, огражденный достаточно высокой стеной. У дальней стены, отделенный от нее узкой полосой, можно было увидеть стрельбищный вал для мишеней. Сильный утренний бриз развевал на его склонах несколько обрывков одежды и бумаги. Свет был острым и меланхоличным. Один за другим смертники прекратили петь. Они находились уже лишь в нескольких шагах от шести ротных пулеметов. Эсэсовский лейтенант, очень усталый, с металлическим лицом, командир расстрельного взвода, посмотрел на часы.

- Бошевская пунктуальность, - проворчал рабочий-коммунист.

Студент глубоко вздохнул и потянул за свой маленький ус.

- Я не побегу... Не побегу, - все повторял про себя Жербье.

Другие, как завороженные, не могли отвести взгляд от лейтенанта. Он прокричал приказ. Подошли несколько солдат с ключами и открыли замки на кандалах заключенных. Железо упало на землю с глухим звоном. Жербье вздрогнул, почувствовав внезапную легкость. Ему показалось, что у него теперь новые и молодые ноги, что он должен испробовать их безотлагательно, что им требуется простор, что они унесут его отсюда как на крыльях. Жербье посмотрел на своих товарищей. Их мускулы возбудились таким же нетерпением. Особенно студент явно с трудом контролировал себя. Жербье посмотрел на офицера СС, зажавшего сигарету большим пальцем правой руки. У него были зеленые, бесстрастные глаза.

- Он очень хорошо знает, чего хотят мои ноги, - неожиданно понял Жербье. - Он уже готов к представлению.

И сам Жербье почувствовал себя более уверенным, скованный убежденностью этого человека больше, чем минуту назад - кандалами. Офицер посмотрел на часы и обратился к смертникам на весьма неплохом французском языке.

- Через минуту вы пойдете и станете спиной к пулеметам и лицом к стрельбищному валу, Бегите как можно быстрее. Мы не станем стрелять сразу. Мы дадим вам шанс. Тот, кому удастся перебежать через вал, будет казнен позже, со следующей партией.

Офицер говорил сильным металлическим голосом, как будто командовал обычным маневром. Закончив, он зажег сигарету.

- Мы всегда можем попробовать... Нам же нечего терять, - сказал крестьянин раввину.

Последний не ответил, но его глаза жадно оценивали

расстояние, отделявшее его от вала. С той же неуверенностью смотрели туда же студент и молодой бретонец.

Солдаты выстроили семь человек, как им приказал офицер. И больше не видя пулеметов, лишь чувствуя спиной их дула, Жербье ощутил внутри себя странное сжатие. Пружина внутри него, казалось, приготовилась метнуть его вперед.

- Марш, - сказал эсэсовский лейтенант.

Студент, раввин, молодой бретонец и крестьянин побежали сразу. Коммунист, Жербье и землевладелец не двинулись с места. Но создавалось впечатление, что они балансируют на месте вперед и назад, как будто внутри них борются две противоположные силы.

- Я не побегу... Я не побегу, - повторял сам себе Жербье.

Лейтенант трижды выстрелил из револьвера. Пули пролетели мимо Жербье и щек его сокамерников.

И баланс был сломлен. Трое смертников последовали за своими товарищами.

Жербье не чувствовал, что бежит по своей воле. Сжатая пружина, которую он ощущал внутри, теперь распрямилась и толкнула его прямо вперед. Он все еще мог размышлять. И он знал, что эта гонка к стрельбищному валу не имеет смысла. Еще никто не вернулся со стрельбища живым. Пулеметчики знали свою работу.

Пули пролетали у него над головой, проносились сбоку.

Глупые пули, - говорил сам с собой Жербье. - Треск выстрелов... Чтобы мы бежали быстрее... Ждут более достойной дистанции... Гротеск - изнурять самих себя... И при каждом свисте пули, проносившейся рядом, Жербье бежал все большими шагами. В его голове все перепуталось. Тело его работало лучше мозга. Скоро он превратится в зайца, обезумевшего от страха. Он не позволял себе смотреть на вал. Он не хотел никаких надежд. Взглянуть на вал означало взглянуть на смерть, а он не чувствовал себя мертвым. .. Пока человек думает, он не может умереть. Но тело побеждало... все еще побеждало разум. Жербье вспомнил, как его тело, назло ему самому, расслаблялось в Лондоне в отеле "Ритц"... Яркий свет канделябров замерцал перед его глазами... Обед в доме у старой леди вместе с шефом. Свечи горели, горели, горели как яркие солнца.

Потом наступила темнота. Волна плотного черного дыма накрыла стрельбище с одного края до другого. На землю опустился темный занавес. Руки Жербье звенели так сильно, что он даже не услышал взрыва дымовой гранаты. Но так как его мозг еще не совсем достиг предела прочности, он понял, что этот густой туман был сделан для него. И так как он был

единственным, кто никогда не воспринимал состояние смерти, то только он смог воспользоваться этой стеной тумана.

Другие смертники остановились быстро. Они сами отказались от своих мускулов для последней игры. В тот миг, когда игра прекратилась, их мускулы больше не могли нести их. Жербье собрал все резервы духа и мышц. Теперь он больше совсем не думал. Пулеметные очереди неслись вдогонку ему, пули окружали его, но пулеметчики теперь могли стрелять только наобум. Пуля вырвала кусок мяса из его руки. Другая обожгла бедро. Он бежал быстрее. Он перемахнул вал. За валом была стена. И на этой стене, Жербье увидел...да, не было никаких сомнений... веревку.

Не пользуясь ногами, не чувствуя, что поднимается вверх только силой своих рук, как гимнаст, Жербье достиг гребня стены. В нескольких сотнях метров он увидел... да, не было никаких сомнений... автомобиль. Он прыгнул... Он побежал... Бизон ждал его, и мотор уже работал, машина рванула вперед. Внутри ее были Матильда и Жан-Франсуа.

Бизон вел машину очень хорошо, очень быстро. Жербье говорил, говорили так же Жан-Франсуа и Матильда. Жан-Франсуа рассказывал, что это не было трудно. Он всегда хорошо метал гранаты в разведывательном корпусе. Самым важным было правильно рассчитать время операции, что и сделала Матильда. А Матильда сказала, что и это было не трудно, благодаря инструкциям, которые они получили.

Жербье слушал, отвечал. Но все это было только на поверхности. И не имело смысла. Один вопрос, один главный вопрос, занимал его мысли.

- А что было бы, если бы я не побежал?

Жан-Франсуа спросил его:

-Что-то не так? Товарищи, оставшиеся там?

- Нет, - сказал Жербье.

Он не думал о своих сокамерниках. Он думал о металлическом лице лейтенанта и его бесстрастных глазах, когда тот зажал сигарету ногтем большого пальца, и о том, что немец был уверен в том, что Жербье побежит, как и все - как обезумевший кролик.

- Я чувствую отвращение к жизни, - внезапно сказал Жербье.

Машина переехала мост, затем лес. Но перед глазами Жербье все еще было лицо офицера СС, сигарета, ноготь большого пальца. Он чувствовал себя, как будто скрипел.

До этого времени Жербье казалось, что его отвращение к немцам настолько полно и абсолютно, что уже ничто не сможет его усилить; он был также убежден, что все источники этой

ненависти, которую он так лелеял, истощились. Теперь он ощутил в себе самом ярость, которую раньше совсем не знал, и которая вытесняла и заменяла все прежние. Но она была липкая и нездоровая и стыдилась саму себя. Ярость унижения...

- Он осквернил мою ненависть, - думал Жербье, отчаявшись.

Эти мучения исказили его лицо, и Матильда сделала то, на что казалась неспособной. Она взяла руку Жербье и мгновение подержала ее в своих руках. Жербье, казалось, не заметил этого жеста. Но в душе он был более благодарен ей за это, чем даже за спасение своей жизни.

Дочь Матильды

В маленьком доме долго никто не жил. Он ничем не отличался от бунгало, построенных вокруг, сжатых вместе в районе новой застройки для низших классов. Он был только более сырым, чем другие, потому что узкий сад примыкал к болоту за ним. Этой дорогой Жербье вместе с Бизоном приехали сюда на следующую ночь после приключения на стрельбище. Жербье нес с собой чемодан, полный бланков, карточек и документов. Бизон нес мешок с едой. Бесшумно войдя в дом, оба мужчины были поражены резким запахом плесени.

- Ничего, зато вполне безопасно, - сказал Бизон.

Он поставил на пол в кухне мешок и вышел. Жербье осторожно закрыл дверь, ведущую из сада в маленький, покрывшийся плесенью домик.

Три месяца подряд он не выходил из него.

Ставни были всегда наглухо закрыты. Парадная дверь, выходящая на дорогу, никогда не открывалась. Жербье никогда не разводил огонь. (К счастью, весна была ранней.) Он никогда не включал электричество, чтобы не увеличивать показания счетчика. Он работал при свете карбидной лампы, тщательно накрытой плотным колпаком. Он ел холодную пищу. Раз в неделю, вместе с почтой, ему приносили хлеб и консервы, которые можно было достать на черном рынке. Дни и часы таких посещений были установлены заранее.

Кроме них, у Жербье не было никакой надежды на связь с внешним миром. Шеф приказал ему самую максимальную осторожность. Фотографии Жербье были вывешены повсюду. За его голову Гестапо обещало огромную награду.

Когда ночи были очень темными, Жербье выходил в сад. Но проводил там только несколько минут. Стоило залаять собаке, хлопнуть двери в соседнем доме, как Жербье тихо возвращался к себе.

Все эти три месяца к нему не пробилась ни одна искорка окружающей жизни.

II

Приближалась полночь. Жербье, сняв обувь, бродил из одной комнаты в другую, из которых состоял дом. Карбидная лампа освещала только часть стола, на котором лежали бумаги: планы, донесения, заметки. Почта была готова. Жербье не знал больше, чем заняться. Он немного дольше побродил по дому. Потом пожал плечами, взял колоду карт и начал раскладывать пасьянс.

Очень медленно провернулся ключ в замке двери, выходящей в сад. Жербье прекратил пасьянс, но оставил карты лежать на столе, чтобы потом спокойно продолжить игру. Он закрыл глаза.

- Бизон или Жан-Франсуа, - удивился он. - Если Бизон, значит принес новости.. Сухие жесткие губы сжались, а брови искривились, как у человека, борющегося с душевными муками.

- Я совсем отупел, - пробормотал Жербье.

Дверь в вестибюль открылась бесшумно, и на пороге появилась фигура. Хотя эта часть комнаты была темной, Жербье сразу увидел, что это не Жан-Франсуа и не Бизон. Человек был ниже их. У него были длинные волосы и сгорбленная спина. Жербье встал, но не решался подойти к нему. Человек засмеялся - наивным, нежным, почти бесшумным смехом.

- Это..., это вы..., шеф? - недоверчиво прошептал Жербье.

Люк Жарди подошел ближе к столу, и каждый шаг делал его лицо все больше различимым. Жербье положил руки на плечи Жарди и, не моргая, уставился на него.

- Мне захотелось немного поговорить с тобой, - сказал Люк Жарди. Маленький братец Жан показал мне дорогу. Он караулит снаружи.

Жербье все еще держал Жарди за плечи, и его пальцы ласкали изношенный материал пальто.

- Его челюсти и глаза все еще крепки, - подумал Жарди. - Но он больше не способен на свою полуулыбку.

Наконец Жербье сказал:

- В последний раз я видел вас, шеф, как раз на стрельбище. Я видел вас среди свечей. Помните тот обед при свечах в Лондоне? Я бежал... Потому что я побежал, как и все, вы знаете... Я не хотел петь, как они, потому что я нашел решение для смерти и думал о вас. Я не пел, но я бежал. Как ничтожно...

- Я не думаю, что это ничтожно - быть человеком, - со смехом сказал Жарди.

Жербье, показалось, не слышал его. Он опустил руки и продолжал:

- На допросах, однако, мне удалось устоять. Правда, со мной не особо плохо обращались. Думаю, они чувствуют тех, кто не очень уязвим. Кроме того, люди носят на себе знак. Часто тот, кто

предпринимает самые серьезные меры предосторожности, попадается. А другие, вроде Бизона или вашего брата, всегда ускользают... У них есть знак.

Люк Жарди взглянул на пасьянс, разложенный на столе.

- Я знаю, знаю, - сказал Жербье.

Он снова потер лоб и неожиданно перемешал все карты.

- - Иногда мне кажется, что тюрьма была менее удушливой, - сказал он. Там можно было предусмотреть ответы. Я искал пути побега. Я слушал других. Я разговаривал с охраной. Здесь я живу в крошечном ватном мире. Мокрая, темная вата. Образы и мысли ходят по кругу. Потеря контактов сводит с ума. Я вспоминаю одного коммуниста в тюрьме. Не того, со стрельбища. Другого. Он так же долго, как и я прятался в укрытии. Товарища, единственного, кого он видел, арестовали. Никаких контактов неделями. Это было хуже всего, говорил он. Я знаю, что у нас разграничение не столь сурово. Я много думал о дисциплине коммунистов.

- Жербье, я хотел бы узнать одну вещь, - спросил Жарди дружелюбным тоном.

- Это одиночество заставило вас говорить так много и так быстро? Или вы хотите избавиться от мыслей о Матильде?..

III

Жан-Франсуа припал к земле, невидимый и неподвижный, у стены маленького дом. Внутри дома его старший брат выполнял неведомое ему задание. Его брат...

- В чем дело? Почему все не так, как раньше? - удивлялся Жан-Франсуа. Кто изменился? Он или я?

Жан-Франсуа думал о своих товарищах - преследуемых, посаженных в тюрьму, изуродованных, повешенных, расстрелянных. И еще он думал о восхитительных успехах, диверсиях, рейдах, газетах, распространяемых тысячами экземпляров, связях с Лондоном, высадках с парашютом, отправках на кораблях, о чудесах подпольного мира, к которому он принадлежал. У всего этого был свой источник, и все по - прежнему организовывалось в маленьком особняке на Рю де ла Мюэт, с клавесином, старушкой-служанкой и братом, которого Жан-Франсуа всегда считал беззащитным, трогательным и немного смешным. Для Жана-Франсуа он все - таки не мог быть Шефом. Но больше не мог быть и Святым Лукой.

Жан-Франсуа уже не знал, как ему называть человека, которого он только что провел в этот маленький домик.

IV

- Сегодня ночью нам нужно поговорить о Матильде, - сказал Люк Жарди.

Жербье откинул назад голову, как будто он оказался слишком близко к Жарди и к узкому кругу света, исходящего от карбидной лампы под колпаком.

- Нужно, - мягко повторил Жарди.

- Зачем? - спросил Жербье отрывистым, почти враждебным голосом. - На данный момент говорить не о чем. Я жду новостей. Почта должна скоро прибыть.

Люк Жарди сел возле лампы. Жербье сделал то же, но за пределами освещенного участка. Неосознанно его пальцы начали ломать угол одной из карт, которые он перемешал в кучу. Затем он поискал сигарету, но не нашел. Его запас сигарет всегда заканчивался как раз перед поступлением следующей почты.

- Новости всегда желанны, - сказал Люк Жарди. - Но мне хотелось еще до их поступления обсудить с вами основные моменты проблемы, как мы привыкли это делать в прежние дни в менее гуманных вопросах. Вы помните?

Жербье помнил... Книга Жарди... Маленький особняк на улице Рю де ла Мюэт... Они вместе занимались медитацией. Уроки знания, мудрости.

За тусклой лампой, в сырой комнате лицо Жарди было таким же, как тогда. Эта юная улыбка и те же белые пряди волос. Линия лба. Задумчивые и химеричные глаза.

- Как вам будет угодно, шеф, - сказал Жербье. Он чувствовал себя немного свободнее в мыслях и мог обсуждать все с полной ясностью.

- Начинайте вы, - попросил Жарди.

- Факты таковы, - сказал Жербье. - Матильду взяли 27/28 мая. Ей не причинили вреда. Ей удалось очень быстро сообщить нам об этом. И также о том, что ее очень тщательно охраняют. Потом мы узнали, что немцы расследуют прошлое Матильды. Гестапо без труда нашло ее антропометрическую карточку, заведенную на нее после первого ареста. Немцы узнали настоящее имя Матильды и адрес ее семьи. Гестапо совершило налет на дом в Порт - Орлеане и арестовало ее старшую дочь.

Люк Жарди слегка наклонил голову и крутил пальцами несколько белых прядей возле виска. Не встречаясь с ним взглядом, Жербье замолчал. Жарди поднял голову, но продолжал поигрывать со своими волосами.

- Да, - сказал Жербье. - Матильда сделала только одну ошибку с точки зрения собственной безопасности. Она держала при себе фотографию своих детей. Она думала, что спрятала ее так надежно, что никто не сможет ее найти. Женщина из Гестапо нашла ее. Немцы сразу поняли, что это слабое место этой женщины без нервов. И тут Матильда, та самая Матильда,

которую мы знаем, начала умолять их вернуть фотографию. Это невероятно...

- Это прекрасно, - сказал Жарди.

Потом он спросил:

- Вы видели фотографию?

- Матильда однажды показала мне ее, - сказал Жербье. - Несколько невзрачных детишек и девушка без особой выразительности, но свежая, нежная, с милыми и четкими чертами лица.

Жербье опять замолчал.

- Ну? - спросил Жарди.

- Мы получили "СОС" от Матильды, - тихо продолжал Жербье. - Немцы поставили ее перед выбором: либо она выдаст им всех важных людей, которых знает, либо ее дочь отправят в Польшу в публичный дом для солдат, возвращающихся с Русского фронта.

Жербье снова тщетно поискал сигарету. Жарди прекратил играться с волосами, положил руки на колени ладонями вниз и сказал:

- Вот условия задачи. Мне пришлось найти решение.

Жербье снова переломал угол карты, затем еще одной.

- Матильда должна сбежать.

Жарди покачал головой.

- Вы что-то знаете? - спросил Жербье.

- Я ничего не знаю, кроме того, что она не может бежать, как не может и убить себя. Гестапо из - за этого не волнуется. Дочь ответит за все.

- Матильда может выиграть время, - сказал Жербье, не глядя на Жарди.

- Как много времени? - спросил тот.

Жербье не ответил. Он чувствовал непреодолимое желание закурить.

- Почта никогда не придет сегодня ночью, - с яростью сказал он.

- Вы не можете дождаться новостей о Матильде или сигарет? - добродушно спросил Жарди.

Жербье резко встал и выпалил:

- Когда я думаю об этой женщине, кем она была, что она сделала, и что сделали из нее, ... я больше не могу думать... Я... о, сволочи, сволочи...

- Не так громко, Жербье, - сказал Жарди, - дом необитаем.

Он мягко взял Жербье за руку и снова усадил его в кресло.

V

Жан-Франсуа скорее почувствовал, чем увидел или услышал,

что приближается Бизон.

- Гийом, - прошептал ему Жан-Франсуа, - не заходи прямо сейчас, нужно дождаться сигнала.

Бизон подошел и присел у стены, рядом с Жаном-Франсуа.

- Как дела? - прошептал молодой человек ему в ухо.

- Так себе, - ответил Бизон.

VI

Жербье облокотился обоими локтями на стол и уперся подбородком в соединенные ладони. Ему казалось, что таким способом он сдержит ярость, которая уже застряла у него в горле и парализовала нижнюю челюсть. Он долго и неподвижно смотрел на освещенное лицо Жарди. Он спросил:

- Как, скажите мне, как вы можете помочь, дрожа от ненависти к этим мерзавцам? Если вы слышите историю, вроде истории о дочери Матильды, не возникает ли на самом деле у вас хоть на минуту желание уничтожить весь этот народ, раздавить его ногами...

- Нет, Жербье, действительно, нет, - сказал Люк Жарди. - Просто подумайте немного над этим. Новый эпизод, как бы ужасен он не был, конечно, не может оказать влияния на чье-то обычное отношение к людям. Что-то большее или меньшее не может изменить метафизическую концепцию. Все, что мы предпринимали, делалось, чтобы остаться людьми со свободной мыслью. Ненависть - это кандалы для свободной мысли. Я не могу принять ненависть.

Жарди рассмеялся, и показалось, что его лицо, а не лампа, стало источником света в комнате.

- Я обманываю вас прямо сейчас, - продолжал Жарди. - То, что я только что рассказал вам, это мысленная конструкция, а мысленная конструкция всегда стремится оправдывать органичные чувства. Правда состоит в том, что я люблю людей, вот и все. И я ввязался во все это дело только потому, что оно направлено против бесчеловечной части, существующей в некоторых из них.

Жарди снова засмеялся.

- Вы знаете, - сказал он. - Я иногда чувствую побуждение убивать людей, если слышу, что Моцарт или Бетховен пали жертвами резни! Это ненависть?

Он накрутил белую прядь на палец.

- Я вспоминаю страх, испытанный мною однажды в метро, - задумчиво сказал Жарди. - Один человек сел рядом со мной. У него была маленькая козлиная бородка, деформированное плечо и темные очки. Он начал смотреть на меня через эти очки со странной настойчивостью. Я никогда не беспокоился из-за

полиции. Только вы знаете одновременно и мое настоящее занятие и мое настоящее имя. Но, тем не менее, я испугался. Вы не представляете. Время от времени я поднимал голову и всегда сталкивался с этим его взглядом. Потом человек подмигнул мне. И тут я узнал Тома, моего любимого Тома, вы знаете, физика, моего преподавателя в Сорбонне, которого потом казнили. Да, да, Тома, превосходно замаскировавшийся. Мне захотелось подойти и обнять его, но он поднял палец, и я понял, что я не должен узнавать его. Так что мы продолжали смотреть друг на друга. Время от времени он подмигивал мне через темные стекла. Потом он вышел на станции. И я больше никогда его не видел.

Жарди опустил руки на колени и наполовину закрыл глаза.

- Именно его первое подмигивание навсегда запечатлелось в моей памяти, - продолжил он. - Это подмигивание восстановило все между двумя людьми. Я часто мечтаю, что однажды смогу точно так же подмигнуть и немцу.

- А я помню, - сказал Жербье, яростно сжимая челюсти. - Я помню вид последнего немца, которого я видел...

- Ну? - спросил Жарди.

- Это были глаза цвета змеиной кожи, - сказал Жербье. - Глаза эсэсовца, заставившего меня бежать. Я клянусь вам, что если бы вы были на моем месте...

- Ну, на вашем месте, старина, я не колебался бы ни секунды, воскликнул Жарди. - Я побежал бы как кролик, как несчастный кролик, и без всякого стыда, и я не видел бы ни своего шефа, как вы, ни лондонских свечей. Я бы так испугался...

Жарди рассмеялся своим тихим полным смехом, возвратившим юность его лицу. Потом он снова стал серьезным.

- Вы не представляете, Жербье, как вы прекрасны.

Жербье начал расхаживать по комнате.

- И мы все еще на многие мили далеки от решения нашей проблемы, - вдруг сказал Жарди.

- Решение зависит от почты, - ответил Жербье.

- Вскоре придет Бизон, но мне хотелось бы еще долго поговорить с вами, - сказал Жарди.

Жербье вышел в вестибюль.

- Бизону не обязательно знать, что я здесь, - сказал Жарди. Он зашел в соседнюю комнату и мягко закрыл дверь.

VII

Вошел Бизон, а за ним Жан-Франсуа. Бизон дал Жербье пачку сигарет.

- Бьюсь об заклад, тебе этого хотелось, - сказал он.

Жербье не ответил. Его руки немного дрожали, пока он разрывал голубую бумажную упаковку. Он несколько раз глубоко

затянулся с жадностью человека, умиравшего от голода. Потом спросил:

- Что с Матильдой?

Бизон, наблюдавший за курившим Жербье с выражением дружеского и грубого соучастия на массивном лице внезапно как бы окаменел.

- Ну? - нетерпеливо спросил Жербье.

- Я ничего не знаю, - ответил Бизон.

- А твоя группа информаторов? - спросил Жербье.

Бизон немного опустил голову и его узкий прорезанный глубокими морщинами лоб стал еще более рельефным.

- Я ничего не знаю, - повторил он.

Жербье попытался поймать его взгляд, но ему это не удалось.

Бизон приставил кулак к своему переломанному носу и сказал сквозь зубы и сжатые пальцы:

- Я ничего не знаю. Все - в почте.

Из потайного кармана он вынул листки тончайшей бумаги с мелко написанным шифром. Жербье зажег сигарету от другой, которая уже обжигала ему губы, и принялся за работу.

Жан-Франсуа и Бизон тихо стояли в тени. Это длилось долго. Наконец, Жербье взглянул на них. Его голова была точно под лампой.

Круг света странным образом внезапно сделал еще острее черты его лица.

- Матильду освободили позавчера, и Жербоннель, Арно и Ру были арестованы, - сказал Жербье.

Жербье повернулся к Бизону и спросил:

- Это правда?

- Ну, если это написано в донесении, - сказал Бизон.

Его голос был более хриплым, чем обычно.

Жербье повернулся к Жану-Франсуа.

- Ты знал об этом...

- Я не занимаюсь составлением донесений, - сказал Жан-Франсуа.

Жербье понял, что эти двое мужчин, самые верные, самые честные, самые сильные, начали уклоняться от ответов. И почувствовал, что на их месте поступал бы точно так же. И именно поэтому он вдруг освободился от всей внутренней борьбы, от угрызений совести и от жалости. Он обратился к Бизону грубовато, резко и командным голосом, требовавшим подчинения:

- Матильду нужно ликвидировать, немедленно и любыми средствами...

- Это не так, - сказал Бизон. Он покачал своим низким лбом и

на одном дыхании продолжил:

- Нет, я не трону мадам Матильду. Я работал с ней. Она спасла мою шкуру. Я видел, как она перебила гестаповцев из автомата. Она великая женщина. Люди, если нужно... все, что скажете... Но мадам Матильду - пока я жив - никогда!

Жербье зажег новую сигарету и сказал:

- Здесь не о чем спорить, ей придется умереть. И она умрет.

- Вы не сделаете этого, - сказал Бизон.

- У нас есть и другие убийцы помимо тебя, - сказал Жербье, пожав плечами. - И если до этого дойдет, то я сделаю это сам...

- Вы не сделаете этого, - прошептал Бизон. - У тебя нет на это права. Я говорю тебе. На стрельбище ты бежал как чемпион, и ты сейчас лежал бы в общей могиле, если бы не мадам Матильда, придумавшая все это дело с дымовой гранатой.

Лицо Жербье утратило всякое выражение. Бизон подошел к нему совсем близко. Его громадное тело высунулось из тени.

- Вы не сделаете этого, - повторил он. - Пусть она продаст всех, если ей придется. Она спасла меня. Она спасла тебя. Теперь она спасает свою дочь. Мы не вправе судить ее.

Бизон говорил очень тихо. Но голос его становился угрожающим.

- Достаточно, - сказал Жербье. - Вопрос решен. Если ты не сделаешь это, я напишу об этом в донесении.

Бизон заговорил еще тише.

- Если ты такой трус, чтобы попытаться сделать это, тогда я сначала разберусь с тобой, - сказал он.

Жербье начал писать.

Возле него, под лампой лицо Бизона приняло такое выражение, что Жан-Франсуа схватил его за руку.

- Ты же не можешь тронуть шефа, - прошептал он.

- Убирайся, - ответил ему Бизон. - И убирайся побыстрей. Кто ты такой, чтобы мне приказывать? Ты еще играл в шарики, когда я уже командовал солдатами в Легионе... Или я позабочусь о вас обоих.

Жан-Франсуа знал силу мускулов Бизона. Он отошел назад и вытащил свою резиновую дубинку. Рука Жербье в ящике стола нащупала револьвер.

VIII

- Я думаю, если нам кто-то и нужен, так это человек, ничего не знающий об оружии в этом нежилом доме, - сказал Люк Жарди.

Жербье не обернулся. Жан-Франсуа инстинктивно встал рядом с братом. Бизон отошел в тень. Он видел Жарди лишь однажды, но знал что он - шеф.

- Друг мой, садитесь, - сказал ему Жарди. - И ты тоже, - обратился он к Жану-Франсуа.

Жарди сел в кресло и продолжил:

- И курите. От сигареты вы почувствуете себя лучше, как мне говорят. Не так ли, Жербье?

Тот, наконец, повернулся.

- Вы все слышали? - спросил он.

Жарди не ответил, а обратился к Бизону.

- Вы правы, сказал он. - Матильда прекрасная женщина. Даже прекраснее, чем вы думаете... Но нам придется убить ее.

Бизон пробормотал:

- Это невозможно.

- Увы, да, да, - сказал Жарди. - Вы поймете, мой друг. Нам придется убить Матильду, потому что она сама просит нас об этом.

- Она вам сама так сказала? - взволнованно спросил Бизон.

- Нет, но это очевидно, - ответил Жарди. - Давайте немного подумаем. Если бы Матильда просто хотела спасти свою дочь, ей стоило бы всего лишь передать немцам список имен и адресов. Вы же знаете, какая у нее память...

- Удивительная, - сказал Бизон.

- Верно, - продолжал Жарди. - Но вместо того, чтобы поступить так, Матильда говорит им, что наши люди постоянно меняют адреса... Что ей нужно восстановить контакты - то есть, ничего. Другими словами, она пытается освободиться. Это достаточно понятно?

Бизон не ответил. Он качал головой справа налево и слева направо.

- Предположим, вы оказались бы на месте Матильды, и вы ВЫНУЖДЕНЫ сдавать своих друзей, и не можете совершить самоубийство...

Я захотел бы, чтобы меня убрали с дороги, это верно, - медленно произнес Бизон.

- Ну, тогда неужели вы думаете, что вы храбрее и лучше Матильды? спросил Жарди.

Бизон ужасно покраснел.

- Вы должны простить меня, шеф, - сказал он.

- Все в порядке, - сказал Жарди. - Вы воспользуетесь немецкой машиной, маленький Жан сядет за руль, а я буду вместе с вами на заднем сидении.

Жербье сделал такое резкое движение, что лампа закачалась.

- Шеф, что за безумие? - спросил он.

- Я уверен, что Матильда будет рада увидеть меня, - сказал Жарди.

Жан-Франсуа пробормотал:

- Прошу тебя, это не твое место, Сен - Люк.

Из-за того, что младший брат снова вспомнил его старое прозвище, Жарди положил руку ему на плечо и со смехом сказал, даже более добродушно, чем обычно:

- Это приказ.

- Это не обязательно, шеф.

Жербье дописал свои донесения, и Бизон взял их и вышел. Жарди жестом попросил своего брата выйти.

IX

- Вы уверены в том, что утверждали о Матильде? - спросил Жербье.

- Как я могу сказать.., - сказал Жарди.

Он покрутил пальцами белую прядь.

- Возможно, что эта гипотеза верна, - продолжал он. - Но также возможно, что Матильда очень захотела снова увидеть своих детей, и потому ей стало очень трудно умереть... Я сам бы хотел узнать это.

Жербье содрогнулся и сказал самым тихим шепотом:

- Вы, в этой машине убийц... Ничего святого не осталось больше в мире...

Он даже не попытался скрыть дрожь своей нижней челюсти.

- Я остался с вами ради самого важного, - сказал Жарди. - Лондон просит отправить человека из нашего движения для консультаций. Вы поедете с первой отправкой.

Жербье сломал уголок карты.

- Это отпуск или оздоровительная поездка? - спросил он.

Жарди засмеялся и сказал:

- Вы все еще не хотите бежать, Жербье?

- О, в этот раз я не возражаю, - ответил тот.

Он почувствовал, как жалкая и всемогущая радость проносится по всему его телу.

X

Когда Матильда увидела приближавшийся к ней автомобиль с убийцами, Жарди не заметил никакой реакции на ее лице.

Бизон выстрелил, как всегда, без промаха.

А Жан-Франсуа сумел оторваться от погони.

XI

Жербье провел в Лондоне три недели.

Он вернулся во Францию здоровый и совершенно спокойный.

Он снова научился улыбаться своей полуулыбкой.

Коулсдон, отель "Эшдаун Парк"

2 сентября 1943 года

Примечания

{1} Франсуа Дарлан (1881-1942) - французский адмирал и политик. В вишистском правительстве маршала Анри Петена Дарлан с 1940 года занимал различные министерские посты. В 1942 году стал главнокомандующим вооруженных сил Виши. Несмотря на официальное сотрудничество с немцами, в 1942 году Дарлан заключил соглашение о перемирии с высадившимися в Северной Африке войсками союзников. Тем не менее, 24 декабря 1942 года он пал в Алжире жертвой голлистского покушения. (прим. пер.)

{2} Анри Филипп Петен (1856-1951), французский военный и государственный деятель, коллаборационист. Во время Первой мировой войны в чине генерала командовал пехотной бригадой, затем армейским корпусом. В июне 1915 - апреле 1916 года командовал Второй французской армией, оборонявшей Верден. В мае 1916 года назначен командующим группой армий "Центр", в апреле 1917 - начальником Генштаба, в мае 1917 года - главнокомандующим французской армией. 21 ноября 1918 года получил звание маршала. В 1920-1931 Петен был заместителем председателя Высшего военного совета и одновременно (с 1922 года) генеральным инспектором армии. В феврале - ноябре 1934 года - военный министр. В 1939-1940 - посол в Испании. 17 мая 1940 года был назначен заместителям премьер-министра, а 16 июня 1940 года - премьер-министром. 22 июля 1940 года подписал Компьенское перемирие с Германией - капитуляцию Франции. 10 июля 1940 года после переезда правительства в Виши - небольшой курортный городок в 200 м к югу от Парижа, французское Национальное собрание передало Петену всю полноту власти, что означало ликвидацию режима Третьей республики. В июле 1940 - августе 1944 Петен - глава государства (до апреля 1942 года одновременно глава правительства; позднее на этом посту его сменил Пьер Лаваль) пронацистского правительства Виши. Проводил политику сотрудничества с оккупационными нацистскими властями. В апреле 1945 года пытался бежать, но затем добровольно вернулся во Францию и был арестован. В августе 1945 года был приговорен Верховным судом к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Умер 23 июля 1951 года. (прим. перев.)

{3} Стариком, Маршалом во Франции называли престарелого маршала Анри Филиппа Петена. (прим. пер.)

{4} Часто используемый в Европе во время войны и после нее автомобиль, оснащенный газогенератором. Такая машина ездила на дровах, из которых в газогенераторе вырабатывался газ, служивший горючим. (прим. авт.)

{5} "Боши" - распространенная среди французов еще со

времен Первой мировой войны презрительная кличка немцев (прим. пер.).

{6} Имеются в виду английские 9-мм пистолет-пулеметы " СТЭН". (прим. пер.)

{7} История описывает период, когда Франция была разделена на две зоны внутренней границей. Чтобы переехать из одной зоны в другую, французам требовался немецкий пропуск (прим. авт.)

{8} Такой сыр, нужно отметить, вообще не имел никакой пищевой ценности (прим. авт.).

{9} S.O.L. - Service d'Ordre Legionnaire - "Легионерская служба порядка", фашистская военизированная организация, выполнявшая роль добровольной политической полиции (прим. авт.).

{*9} Жак Дорио был членом Политбюро ЦК Компартии Франции. 28 июня 1936 года основал "Народную французскую партию" (НФП, "Parti Populaire Francais"). Хотя партия приняла с самого начала фашистские символы и идеологические формулы, она занимала в своей программе и политике самостоятельную позицию, ставившую ее на самый левый фланг всей шкалы фашистских движений Франции и Европы. Вопреки тому, что основанная 28 июня 1936 года НФП получила признание и поддержку части промышленников, увидевших в ней орудие борьбы с коммунизмом и национальное движение единства, и несмотря на то, что облик и программа партии носили явно фашистский характер, Дорио сумел привлечь к ней многих бывших коммунистов и членов профсоюза. Если даже данные самой партии, по которым она на 65% состояла из рабочих, не заслуживают доверия, нет сомнения в том, что доля рабочих в ней была довольно высока. НФП вначале преследовала наряду с антикоммунистическими и националистическими также некоторые социал-реформистские цели, сводившиеся к модернизации и рационализации производства, но фанатическая ненависть Дорио и некоторых его сторонников к коммунизму привела их в конце концов к более или менее безоговорочному сотрудничеству с немецкими оккупационными властями. Это полностью дезавуировало его партию.

В годы войны Ж. Дорио стал коллаборационистом. По данным Ж. Деларю (Деларю Ж. История гестапо. - Смоленск: "Русич", 1998.), 1-7 июля 1941 года в Парижском отеле "Мажестик" прошло совещание руководителей пронацистских партий с участием Дорио. Было решено создать "Антибольшевистский легион", затем переименованный в "Легион французских добровольцев". В качестве 638-го армейского

пехотного полка Вермахта он участвовал в боях на советско-германском фронте, в том числе в октябре 1941 года на Бородинском поле. Осенью 1942 года Дорио участвовал в собрании "друзей войск СС". Собрание обратилось к общественности Франции с просьбой поддержать морально и материально воинов, которые будут защищать Францию в форме германской армии. Через два года это привело к созданию 33-ей ваффен-гренадерской дивизии СС "Шарлемань".После проведения в 1942 году реорганизации в почти оккупированной Франции, в ней был организован "Отдел IV", аналог Гестапо. В распоряжении отдела были двести "боевых групп" (т.е. наемных убийц). Одна из них "Интернасьон-Реферат" рекрутировала "отряды убийц, набиравшиеся из боевиков Французской Народной партии". В октябре 1941 года министр внутренних дел правительства Виши создал Полицию по еврейским вопросам, антикоммунистическую полицейскую службу и службу по тайным сообществам. "Антикоммунистическую службу, возглавил... активист Французской Народной партии Дорио".

{10} l'Action Francaise - "Французское действие" - профашистская французская организация (прим. пер.)

{11} Этих партизан, действовавших в лесистых и горных районах Франции, так и называли "маки". Само слово "маки" (maquis) по-французски означает "чащи", "густые леса". (прим. пер.)

{12} Лотарингский крест был символом Французского Сопротивления и войск "Свободной Франции" Шарля де Голля. (прим. пер.).

{13} Пьер Лаваль (1883-1945) - французский государственный деятель, премьер-министр коллаборационистского правительства Виши. По профессии адвокат. В 1914-1919 и в 1924-1927 годах был депутатом парламента. Неоднократно входил в правительство. В январе 1931 - январе 1932 и в июне 1925 - январе 1936 Лаваль являлся премьер-министром Франции. После убийства в Марселе 9 октября 1934 года министра иностранных дел Луи Барту этот пост занимал (до июня 1935) Лаваль. С начала Второй мировой войны Лаваль добивался подписания сепаратного мира с нацистской Германией. После поражения Франции и заключения перемирия Лаваль 23 июня 1940 года занял пост государственного министра в правительстве Анри Филиппа Петена, где выступал как прямой пособник Гитлера. С апреля 1943 по август 1944 года он являлся премьер-министром коллаборационистского правительства Виши. После освобождения Франции в 1944 году Лаваль бежал из страны

сначала в Испанию, а затем в Австрию. 31 июля 1945 года арестован в Инсбруке американцами. В августе 1945 года был выдан французским властям, пытался покончить с собой. Он был приговорен к смертной казни как изменник и расстрелян 15 октября 1945 года. (прим. перев.)

{14} "Вон отсюда, свинья!" (нем.)

{15} Stalag - сокр. от Stammlager - лагерь для интернированных военнопленных во время Второй мировой .войны (прим. пер.).

{16} Милицией называли территориальные части пронацистского правительства Виши, занимавшиеся поддержанием внутреннего порядка (прим. пер.).

{17} "Франтирёры ("вольные стрелки") и партизаны" - крупнейшая военная организация французского Движения Сопротивления в 1841-1944 годах. В феврале 1944 года вошла в состав единых Французских внутренних сил (ФФК). Летом 1944 года отряды ФТП (до 250 тыс. чел.) участвовали в национальном восстании и освобождении Франции. (прим. пер.)